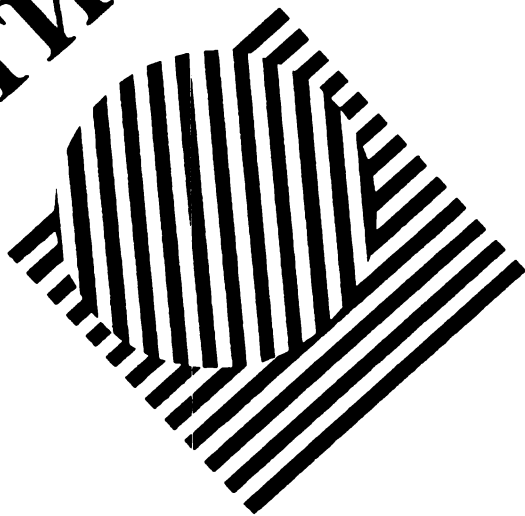

Т.В. МАТВЕЕВА

ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ

В АСПЕКТЕ
ТЕКСТОВЫХ
КАТЕГОРИЙ

Т. В. МАТВЕЕВА

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ
В АСПЕКТЕ
ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ**

**СИНХРОННО-
СОПОСТАВИТЕЛЬНЫЙ
ОЧЕРК**

Рецензенты:

доктор филологических наук

О. А. Г а б и н с к а я

кафедра общего языкознания
Новосибирского университета

Научный редактор
доктор филологических наук Н. А. К у п и н а

Редактор В. И. П е р в у х и н а

Матвеева Г. В.

М333 Функциональные стили в аспекте текстовых категорий: Синхронно-сопоставительный очерк. — Свердловск: Изд-во Урал. ун-та, 1990. — 172 с.

ISBN 5—7525—0138—5

В монографии рассматривается специфика функциональных стилей русского литературного языка относительно текстовых категорий тональности, оценочности, темпоральности, локальности и др. По каждой из категорий проводятся межстилевые сопоставления.

Книга рассчитана на специалистов по функциональной стилистике, лингвистике текста, культуре речи.

4602000000—67
М —
182(02)—90

ББК Ш141.12—32

ПРЕДИСЛОВИЕ

Предлагаемая работа относится к области взаимодействия функциональной стилистики и лингвистики текста. Ее цель заключается в сопоставлении функциональных стилей русского языка на основе типологических признаков текста, или текстовых категорий.

Функциональные стили, реализуемые в виде текстов однотипной экстралингвистической обусловленности и языковой формы, обладают внутренней целостностью, которая складывается не только на основе отбора и сочетаемости языковых единиц разных уровней, но и за счет собственно текстовых признаков. Сопоставляя стили, можно наблюдать варьирование этих признаков при сохранении их инвариантной функции. Выявление и описание функционально-стилевых модификаций избранных текстовых категорий составляет содержание книги.

Набор текстовых категорий, избранных для рассмотрения, определен установкой на выяснение формально-семантических свойств текста (лингвостилистический подход), а также намерением автора оперировать таким набором, который отражал бы, пусть и не в полной мере, основные составляющие коммуникативного акта (адресант — предмет речи — адресат). В работе анализируются следующие категории: тематическая целостность, локальность, темпоральность, оценочность, тональность, логическое развертывание, композиция.

Последовательность очерченных категорий составляет внутренний план разделов монографии, каждый из которых посвящен описанию отдельного функционального стиля. Данную, основную, часть работы предваряет обоснование теоретического аппарата, необходимое в силу дискуссионности или недостаточной разработанности многих проблем, лежащих на стыке функциональной стилистики и лингвистики текста как самостоятельных отраслей языкознания. Материалом исследования послужили законченные тексты сопо-

ставимых по объему жанров (статья, очерк, рассказ, разговорный диалог и др.).

Автор выражает глубокую благодарность научному редактору книги, доктору филологических наук Н. А. Купиной, рецензентам — докторам филологических наук О. А. Габинской, Н. А. Лукьяновой, Л. А. Майдановой, а также коллегам, принимавшим деятельное участие в обсуждении рукописи.

1. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ И ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ

1.1. ФУНКЦИОНАЛЬНАЯ СТИЛИСТИКА И ЛИНГВИСТИКА ТЕКСТА

Функциональная стилистика и лингвистика текста столько же самостоятельны, сколько соотносительны и переплетены. Их объединяет общий объект изучения — текст, так как функционирование языка — речь осуществляется именно и только в виде речевых произведений, текстов с характерными для них свойствами целенаправленности речевого действия, отдельности, связности и др. «Человек не говорит отдельно придуманными предложениями, а одним задуманным текстом» (Жинкин, 1982, с. 108). Помимо этого, как функциональной стилистике, так и лингвистике текста свойствен коммуникативный подход к объекту. Речь понимается как деятельность, исходящая от субъекта и направленная адресату, а текст — это ее материализованный результат, в котором заключено не только объективно-информационное, но и прагматическое содержание.

Несмотря на эту общность, пути становления и развития функциональной стилистики и лингвистики текста оказались различны в силу специфичности предмета исследования в этих науках.

Функциональная стилистика имеет целью выявить типовые разновидности литературного языка в соответствии с типовыми разновидностями экстралингвистических факторов в их комплексе. При этом для функционально-стилевого подхода характерно абстрагирование от текста как отдельного структурно-содержательного единства, как речевого произведения. Группа или все множество существующих однотипных текстов условно принимается за один текст, что вполне правомерно, так как стилистов интересует языковое отражение совокупности экстралингвистических условий в целом. Этот совокупный текст, «текст целой речи», связанный с определенной сферой деятельности, интерпретируется в аспекте уровневой концепции языка или со стороны отражения типовой экстралингвистической ситуации в целом. Термина «текст» специалисты по функциональной стилистике нередко избегают, см., на-

пример, следующее высказывание: «Понятие стиля есть результат абстрагирующего обобщения на базе *речевых данностей*, отбираемых по принципиальному сходству на основе опыта и интуиции» (курсив мой. — Т. М.) (Васильева, 1986, с. 4).

Функционально-стилевая концепция, утверждающая экстралингвистическую, социальную основу расслоения литературного языка, восходит к трудам В. В. Виноградова, Ш. Балли, ученых Пражского лингвистического кружка. В 60—80-е годы в советской *рубрике* было разработано развернутое обоснование данной концепции с определением набора основных экстралингвистических факторов и выполнено уровневое описание функциональных стилей русского языка (см. работы М. Н. Кожиной, А. Н. Васильевой, Д. Н. Шмелева, О. Б. Сиротининой, Н. М. Разинкиной и многих других исследователей). Нельзя сказать, что данная концепция является единственной (известна, например, классификация функциональных стилей на основе функций языка, идущая от В. В. Виноградова; 1963) или общепризнанной (см., например, полемическую работу О. А. Лаптевой; 1984), но многие ее положения представляются бесспорными. Это прежде всего само ядро концепции — указание на «диктующую» роль экстралингвистических факторов, а также определение их набора и степени важности. Уточняя позиции относительно классификации стилей, М. Н. Кожина пишет следующее о ее основании: «...таким основанием является коммуникативно-познавательное назначение языка в процессе речевой деятельности, то есть языка как действительного сознания, действительности мысли в процессе общения» (1982, с. 29). И далее: «Подобная классификация представлена в известном делении речевого континуума на такие социально значимые сферы общения, которые соотносительны с видами деятельности, соответствующими формам общественного сознания в качестве экстралингвистического основания деления, теснейшим образом связанного с языком» (там же).

Разумеется, конкретные качества стиля определяются не только названными выше базовыми, но и прочими экстралингвистическими факторами, такими, как характер коммуникации, типовой статус адресата и др. (наиболее полный очерк стилеобразующих факторов см.: Васильева, 1986). Каждый из факторов значим в плане конкретного речевого качества текста, каждый из них может служить отправной точкой стилистического анализа.

Функциональная стилистика характеризуется чрезвычайно широким взглядом на вещи. Она представляет собой теорию речи, понимаемой «как общественная речевая деятельность, как употребление языковой системы в социальных сферах» (Кожина, 1984, с. 18). Целью данной теории является определение собственной

(функциональной, речевой) системности в области каждой функциональной разновидности языка. Наличие речевой системы наряду с языковой в современной лингвистике утверждается все более определенно, см., например: «Текст — это единица не языковой системы, а речевой, коммуникативной. Он обладает своими собственными закономерностями строения и функционирования, отличными от языковых единиц, хотя и состоит из них» (Новиков, 1983, с. 18).

Речевая системность определяется такими коммуникативными признаками, которые свойственны только языку функционирующему (в дихотомии Ф. де Соссюра — *parole*). Это системность более высокого порядка, нежели свойственная языку — *langue*. Системы языка и речи по-разному ориентированы. М. Н. Кожина пишет: «В описываемой... обычно системе языка ... явно, если не исключительно, преобладает ориентация на когнитивную, познавательную функцию языка (условно: денотативно-десигнативную, связанную с «делением мира»), а не на собственно коммуникативную, не на речедеятельностную» (1984, с. 11). Речевая же система ориентирована на ситуацию речевой деятельности, определяется отбором и композицией языковых средств и является системой статистического типа. В ней своя система единиц, в качестве которых могут выступать не только знаки всех уровней «докоммуникативной» языковой системы, отобранные из ее фонда по принципам целевой значимости и частотности в группе текстов, но и способы и приемы их организации в этой группе текстов (условно: речевая парадигматика), а также свои способы сочетаемости, определяемые суммой экстралингвистических обстоятельств и целеустановкой субъекта речи (речевая синтагматика).

На современном этапе развития функциональной стилистики исследователи все более активно переходят от уровневого статистического описания речевых стилей к поиску речевой системности. Этот поиск идет в различных направлениях. В одном из них, методологически важном, исходным является понимание речевой данности как реализации преобразованной познавательной-коммуникативной деятельности субъекта (см. работы М. П. Котюровой). Такой подход можно, вероятно, определить как выявление денотативной системности функциональных стилей. Другой подход связан с перемещением исследовательского внимания с набора языковых средств функционального стиля на их взаимодействие и организацию. Как в первом, так и во втором случае функциональная стилистика все чаще оперирует понятием «текст» и пользуется им как отправным пунктом исследования.

В отличие от функциональной стилистики, лингвистика текста концентрируется на тексте не как на *речевой* данности, а как на *самостоятельной, законченной, целостной, отдельной* речевой данности. Центр тяжести научных разысканий находится здесь в об-

ласти типовых структурно-содержательных свойств целого текста, на первый план выступают вопросы организации сложного целого, связи языковых единиц в пределах речевого произведения. Мера важности понятия «текст» для этого лингвистического направления показывает само его название (предлагаемые альтернативные термины «текстика», «текстология» также основаны на базе слова *текст*).

В классических работах В. В. Виноградова, Л. В. Щербы, А. А. Потебни содержатся ценные наблюдения, мысли, наброски, конкретные реализации аналитического подхода, касающиеся текстов, но вопрос о лингвистической концепции текста встал позже.

Начав с изучения единиц, больших, чем предложение (сверхфразовых единиц, или сложных синтаксических целых), в 70-е годы лингвистика текста приходит к изучению законченных речевых произведений (обзор становления лингвистики текста см. в работах: Гиндин, 1977; Николаева, 1978; Москальская, 1981). Два последних десятилетия характеризуются поиском емких теоретических концепций, выработкой общей теории текста.

Основание этой теории выделяется достаточно непротиворечиво: это, как и в функциональной стилистике, коммуникативное, деятельностное основание. Сущность текста ни в коей мере не определяется одними лишь языковыми признаками, текст является продуктом целенаправленной речевой деятельности, которая носит двусторонний характер: речевая деятельность адресанта предполагает более или менее адекватное восприятие ее адресатом текста (Аспекты..., 1982, с. 11; Сидоров, 1986, с. 42). Адресат при этом не менее важен, чем адресант: «...событие жизни текста, т. е. его подлинная сущность, всегда развивается на рубеже двух сознаний, двух субъектов» (Сорокин и др., 1979, с. 42). Текст является связующим информативным звеном между ними, это «превращенная форма общения» (Сорокин и др., 1979, с. 42), «коммуникативная единица самого высокого уровня» (Москальская, 1981, с. 14). Адекватное восприятие текста предполагает общую пресуппозицию коммуникативных партнеров, в которую входят знание языка сообщения, ситуации и необходимые энциклопедические знания (Реферовская, 1983, с. 7). Замысел текста формируется первоначально во внутренней речи субъекта — отправителя речи как сжатый концепт (Жинкин, 1982). Последующее развертывание авторского замысла — коммуникативного задания строится с учетом прогноза его восприятия, так что текст в своем конечном материальном выражении представляет собой «продукт и предмет речевой деятельности автора и адресата» (Майданова, 1987, с. 7).

Не вызывает сомнения, что текст — это «островок организованности» (И. Р. Гальперин), сложное целое, созданное по определенным законам. В определении этих законов, набора и соотношения

текстообразующих параметров исследователи идут разными путями. Большой научный резонанс получила монография И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования» (1981), в которой реализован многоаспектный подход к тексту, гораздо более широкий, чем собственно языковой. Не менее известен подход к тексту как иерархии предикатов, восходящий к идеям Н. И. Жинкина (1956 и др.) и разработанный в качестве концепции в трудах В. Д. Тункель, Т. М. Дридзе.

Рабочие понятия этих и других концепций неоднoplanовы в целом и в пределах каждой из них. Так, термины «информация», «подтекст», «проспекция» и «ретроспекция» (И. Р. Гальперин) — исходно термины информатики и литературоведения; «цель сообщения», «логический тезис» (Т. М. Дридзе) — информативно-целевые, психолингвистические понятия; «объемно-прагматическое членение» (И. Р. Гальперин), «коммуникативный блок» (Смысловое восприятие..., 1976) — композиционно-текстовые термины; «тема», «рема» — понятия актуального членения, т. е. синтаксические. Это до известной степени естественно, поскольку такое сложное явление, как текст, не может получить «плоскостной» научной интерпретации. В то же время становится ясно, что о целостных утвердившихся концепциях семантической структуры текста говорить пока преждевременно.

Даже глобальные текстообразующие признаки еще нельзя считать определившимися в их абсолютной и относительной значимости. Обычно к ним относят целостность (цельность, интегративность), связность (когезию), законченность (завершенность), отдельность. Эти признаки не являются рядоположенными. Так, целостность «не соотносится непосредственно с лингвистическими категориями и единицами и имеет психолингвистическую природу» (Леонтьев, 1979, с. 12). Связность носит логико-лингвистический характер и обладает отчетливым формальным выражением, в силу чего попытки выявить структуру текста начались именно с ее изучения вначале в рамках высказывания (сверхфазового единства, сложного синтаксического целого), а затем целого текста. Законченность же, по утверждению А. И. Новикова (1983), — это собственно содержательная категория, выделяемая на основе развернутости, последовательности, внутренней связности. Многие вопросы остаются дискуссионными, к примеру: является ли связность условием достижения и средством создания целостности или это самостоятельный текстообразующий признак; вбирает ли в себя понятие целостности понятие отдельности; как соотносятся законченность и целостность, ведь последняя также связана с содержательной стороной текста (Степанов Г., 1988, с. 149—150)?

В поиске концептуальных решений трудами таких ученых, как И. Р. Гальперин, О. И. Москальская, Е. В. Сидоров, А. И. Новиков,

З. Я. Тураева, И. Я. Чернухина и др., все более утверждается в качестве рабочего понятия термин «текстовая категория» как типологический признак текста. Набор и взаимодействие таких признаков способен прояснить структуру текстовой семантики. Можно сказать, что современный этап лингвистики текста — это этап выявления набора текстовых категорий и определения их языкового выражения. Языковое воплощение каждой текстовой категории непременно отвечает экстралингвистической заданности конкретного текста и группы однотипных в этом плане текстов. Так лингвистика текста все больше сближается с функциональной стилистикой, и обе науки получают возможность дополнять друг друга, преодолевая свою ограниченность, уже осознанную в той и другой сфере. Для функциональной стилистики известную трудность представляет осмысление речевой системности, см.: «Предпочтение, отдаваемое функциональному представлению материала, невольно вызывает такую разрозненность языковых явлений, которая мешает увидеть их системные свойства и связи» (Метс и др., 1981, с. 86) или: «Чем полнее, глубже, детальнее описывать лексико-семантические и грамматические признаки стилей, тем менее ясной становится стилистическая специфика каждого из видов речи» (Одинцов, 1980, с. 16). Для лингвистики же текста характерна практическая невозможность вести анализ на уровне функционирующего языка в целом. При допущении этого текстовой структурный инвариант оказывается настолько беден и гол, что его определение теряет всякий смысл. Вот почему исследователи текста либо работают в рамках одного функционального стиля (Л. П. Доблаев, М. П. Котюрова, А. И. Мамалыга, Л. М. Майданова, Е. А. Реферовская, И. Я. Чернухина), либо пользуются текстовыми сопоставлениями стилей (И. Р. Гальперин, О. Н. Гришина, А. А. Стриженко, Л. И. Кручинина). При этом конкретные исследования позволяют сделать вывод о том, что текстовые категории имеют функционально-стилевую специфику, а обобщающие исследования — что функциональные стили имеют своеобразие и на уровне текста.

В последнее время появляется все больше работ, относящихся к пограничной сфере взаимодействия функциональной стилистики и лингвистики текста. Среди них тематические сборники статей (например, «Текст в функционально-стилевом аспекте» (1988) и другие научные труды МГИИЯ им. М. Тореца), первые монографические работы, в которых сопоставление текстовых особенностей разных функциональных стилей является специальным предметом изучения (Стриженко, Кручинина, 1985; Чаковская, 1986).

Следует отметить, что исследовательская работа на стыке функциональной стилистики и лингвистики текста еще не набрала полной силы и, вероятно, «разброс», отсутствие единства или даже сходства многих научных позиций еще долго будут велики, что свя-

зано в первую очередь с отсутствием в научном обиходе сложившегося представления о наборе и соотношении текстовых категорий.

Предлагаемая работа — это синхронно-сопоставительный очерк, цель которого — выявление функционально-стилевых модификаций избранных текстовых категорий. С учетом описанной выше реальной научной ситуации непосредственное рассмотрение проблемы требует предварительного обсуждения самого понятия текстовой категории и набора текстовых категорий, которые составят рабочий аппарат исследования.

Прежде чем приступить к этому обсуждению, необходимо сделать одно замечание общего плана. Текст может пониматься, во-первых, как некий информативный концепт, как материальный объект, обладающий определенным информационным содержанием (результативно-статический аспект текста), а во-вторых, — как фиксация развертывания и постепенного осуществления дотекстового авторского замысла (процессуальный, динамический аспект текста). Структурно-содержательные свойства текста могут изучаться и в том и в другом аспекте, но, естественно, при этом разница исследовательских целеустановок и выводов будет очень велика. В первом случае цель анализа текста — исследование содержательной структуры, в терминологии А. И. Новикова, «внутренней формы текста» (1983, с. 22—23), которое закономерно принимает логико-лингвистический характер (см. многочисленные работы, касающиеся определения логической схемы (смысловой сетки, информационного «дерева») текста). В известной мере здесь наблюдается отход от непосредственной языковой материи текста: анализ идет выше непосредственных языковых составляющих, минимальных единиц текста, в результате чего выявляется так называемая «вертикальная» структура текста.

Во втором случае анализируется непосредственно воспринимаемый языковой материал текста на всей его плоскости, так что центр тяжести перемещается на вопросы манифестации текстовых категорий и весь подход в целом остается в рамках лингвистики, точнее — лингвистилистики, а определяемую структуру текста можно назвать «горизонтальной», или «плоскостной». Настоящая работа полностью соответствует данному аспекту, для которого характерна целеустановка на определение формально-семантических свойств текста.

1.2. ТЕКСТ И ТЕКСТОВАЯ КАТЕГОРИЯ. ТИПЫ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ.

Существует множество определений текста, в которых бесспорно выделяется два признака: наличие авторского замысла и коммуникативная природа явления, называемого текстом, см., например,

такие определения: «Связный текст понимается обычно как некоторая (законченная) последовательность предложений, связанных по смыслу друг с другом в рамках общего замысла автора» (Николаева, 1978, с. 6); текст — это «материал речи, обработанный орудиями речи в соответствии с замыслом словесного произведения и потому осмысливаемый» (Рождественский, 1979а, с. 8); «Текст есть функционально завершенное речевое целое» (Леонтьев, 1979, с. 28). В соответствии с этим в нашей работе текст понимается как коммуникативно детерминированная речевая реализация авторского замысла. Авторский замысел (авторская интенция, точка зрения, целеустановка) и тема (предмет речи) — взаимосвязанные определяющие условия текста. Характер адресованности и совокупность экстралингвистических факторов речевого акта — корректирующие условия.

Как всякое языковое явление, текст носит двусторонний характер, это единство формы и содержания, которое может структурироваться только с учетом их взаимообусловленности. По форме текст может быть письменным и устным (оспаривание устной формы текста уже осталось в прошлом), по структуре речевого акта, виду речи — монологическим и диалогическим. Последнее еще требует специальных доказательств. А. А. Леонтьев пишет: «...естественный, осмысленный диалог, имеющий определенную, хотя и не осознаваемую говорящим цель... есть такой же целостный текст, как монолог. Но при одном условии: если он действительно является целостным текстом, т. е. если он имеет содержательную организацию, функцию, направленную на достижение определенной цели, решение определенной внеречевой задачи» (1979, с. 29). Таким образом, «замысел решает все»: определяющим условием выделения текста и определения типологии текстов выступает не форма и не структура текста, а нечто дотекстовое — функциональная целеустановка. Именно от нее или в первую очередь от нее зависит набор составляющих и правила формально-семантической организации текста, специализированные применительно к каждому функциональному стилю, включая литературно-художественный, и обязательные для каждого из них («художественная литература как один из родов словесности лишь кажется независимой от подобных правил» — Рождественский, 1979б, с. 17).

Двусторонний характер коммуникации содержится в тексте в снятом виде. В процессе реализации своего замысла автор текста прогнозирует характер его восприятия реальным или гипотетическим адресатом речи и строит текст в соответствии с этим прогнозом. Точный прогноз со стороны адресанта имеет следствием — усредненно — адекватное восприятие адресатом логической и прагматической информации текста. Другой авторский прогноз относится к совокупности условий речевого общения. Здесь также точ-

ность прогноза порождает соответствующую речевую реализацию, а затем ее более или менее адекватное восприятие. Именно ситуация коммуникативной адекватности, реально не всегда имеющая место (поскольку текст может быть и низкого качества), принимается автором как исходная. Ориентация на коммуникативно-адекватный текст достигалась отбором текстов для анализа. Интуитивно и на основе критической литературы в состав материалов для исследования включались тексты высокого функционально-стилевого и индивидуально-языкового качества, а также четкой жанровой определенности.

Структурно-типологические разыскания в области текста объективны только при условии работы с полностью состоявшимися реализациями авторского замысла, исчерпанными и завершенными. Неправомерно на равных использовать законченные речевые произведения и отрывки из крупных произведений, что еще нередко встречается в исследованиях по тексту. При сопоставительных наблюдениях целесообразно использовать тексты относительно равнообъемных жанров. Материалом данной работы послужили законченные тексты всех функциональных стилей и следующих жанров: научный стиль — статья, обзор, рецензия; публицистический стиль — статья, очерк; официально-деловой стиль — закон, постановление, соглашение, стандарт, инструкция; литературно-художественный стиль — рассказ; разговорный стиль — монолог, диалог. Дополнительно использовались законченные тексты малых жанров: газетная заметка, лирическая миниатюра, краткий разговорный диалог (малый объем не нарушает общетекстовых закономерностей и позволяет более наглядно и компактно продемонстрировать их).

Перейдем к вопросу о свойствах текста, его категориях.

Категория — это понятие, в котором «отображены наиболее общие и существенные свойства, признаки, связи и отношения предметов, явлений объективного мира» (Кондаков, 1967, с. 143). Применительно к такому явлению, как текст, термин «категория» может пониматься как общий и существенный признак (свойство, параметр) всех текстов, участвующий в моделировании самого понятия «текст». Текстовая категория — это такой признак, который свойствен всем текстам и без которого не может существовать ни один текст, т. е. это типологический признак. В свою очередь, текст может рассматриваться как совокупность определенным образом соотносенных текстовых категорий (Ванников, 1984).

Важное значение имеют при этом следующие обстоятельства. Текст никогда не моделируется одной текстовой категорией, но всегда их совокупностью. «Категория текста рассматривается в качестве одного из взаимосвязанных существенных признаков его коммуникативно целесообразной системности» (Сидоров, 1986, с. 431). Целый текст — коммуникативная система, текстовая категория —

одна из коммуникативных линий этой системы, материализованная языковыми средствами.

Любая текстовая категория выделяется на функционально-семантическом основании, представляя собой «универсальный смысл» текста (Чернухина, 1987). Каждой из них свойственно единое идеальное содержание и определенная лингвистическая манифестация, не связанная жестко с уровнями языковой системы.

Понятие текстовой категории в своей основе восходит к понятию функционально-семантической категории (ФСК), определенному первоначально в сфере функциональной грамматики. «Функционально-семантическими, — пишет А. В. Бондарко, — мы называем категории, у которых план содержания образуют понятия, аналогичные понятиям, выражаемым категориями грамматическими, а план выражения представлен языковыми средствами, относящимися к разным уровням языка (имеются в виду средства морфологические, синтаксические, словообразовательные, лексические, различные комбинации средств контекста). Критерием выделения категорий является общность семантической функции взаимодействующих языковых элементов» (1968, с. 5—6). Равным образом к понятию текстовой категории применимо и толкование структуры ФСК как полевой структуры, компонентами которой выступают ядро и периферия, а внутреннее строение создается взаимодействующими и пересекающимися микрополями (Бондарко, 1976; Шур, 1974). Существенно отметить, что в названных работах поле как способ существования ФСК связывается с обязательным взаимодействием разнородных, неоднородных языковых элементов. На наш взгляд, данное условие — языковая разнородность составляющих поля — не должно абсолютизироваться до полного исследования различных (не только грамматических) ФСК.

Дальнейшая разработка теории ФСК характеризовалась усилением внимания к текстоведческому аспекту. В понятие статуса ФСК включаются уже три группы сведений: форма (формально-структурная организация), значение и функционально-стилистическая реализация (Глушак, Семенова, 1980, с. 74). Поставлен и отдельный вопрос о функциональных семантико-стилистических категориях (Кожина, 1987), понимаемых как «продолжение функционально-семантических категорий в смысле выхода в широкий контекст, в реальность речевой действительности, в действительную (а не лишь потенциальную) коммуникацию» (там же, с. 36). Данный термин мы считаем альтернативным традиционному уже термину лингвистики текста — «текстовая», или «текстообразующая», категория. Все текстовые категории в изложенном выше понимании — функциональные и семантические, а коль скоро дело касается текста, т. е. речи в связи с участниками коммуникации и условиями ее протекания, то и стилистические. В качестве рабо-

чего взят термин «текстовая категория», акцентирующий экстралингвистические и психоллингвистические моменты, так как именно они входят в определение текста, и наиболее лаконичный из имеющихся.

Рабочей гипотезой является положение о том, что любая текстовая категория характеризуется функционально-стилевыми модификациями, выявление и описание которых для выделенных текстовых категорий и составляет задачу работы.

Обсудим вопрос о наборе текстовых категорий, являющихся объектом рассмотрения. Заметим предварительно, что данный набор не является ни абсолютным, ни исчерпывающим. Автор ориентировался в его составлении лишь на относительную однотипность категорий в плане их принадлежности к базовому уровню текстовой семантики (Сидоров, 1985).

Наиболее крупные текстовые категории могут быть выделены в соответствии с известной психоллингвистической моделью К. Бюлера (1965), указывавшего на зависимость языкового факта от трех составляющих речевой коммуникации — говорящего, слушающего и предмета речи. Отражающие их свойства речи — это выражение (*Ausdruck*), обращение (*Appell*) и сообщение (*Darstellung*). Однако переводные термины-кальки не представляются оптимальными применительно к тексту, так как они или не являются собственно лингвистическими, или расходятся с традиционным лингвистическим пониманием (термин «обращение»). Поэтому на обсуждение выдвигаются другие: родовый термин «информационная программа» и три видовых, содержащих уточнение характера информации в зависимости от аспекта коммуникации, — «рациональная, оценочная и прагматическая программы». Информационная программа — это отражение в тексте одной из трех основных составляющих акта коммуникации. Рациональная программа содержит информацию о предмете речи, т. е. отражает связь «текст — денотат текста»; оценочная программа отражает точку зрения говорящего, т. е. связь «текст — субъект текста»; прагматическая программа отражает авторский расчет на восприятие текста адресатом или, в снятом виде, — «определенную модель адресата» (Арутюнова, 1981, с. 358), т. е. связь «текст — получатель текста».

Перечисленные информационные программы характерны для всех текстов, но композиция программ*, мера важности той или иной из них, ее полнота или «свернутость», вплоть до нуля, будут различны в отдельных текстах, группах текстов, функциональных стилях. Каждый функциональный стиль располагает типовой ком-

* Ср. аналогичный подход в работе Наера В. Л. (1988), где функциональный стиль определяется через набор текстовых параметров, в числе которых речевые формы, композиция, средства когезии и др.

позицией информационных программ, представить которые можно следующим образом* :

— научный стиль: $[P + (O, П)]$ — оценочные и прагматические элементы вторичны, роль рациональной программы — ведущая;

— официально-деловой стиль: $[P + П + (O)]$ — оценочная программа в большинстве жанров свернута, иногда до нуля;

— публицистический стиль: $[O + P + П]$ — программы равной силы, при ведущей роли оценочной; рациональная программа строится исходя из оценочных соображений;

— разговорный стиль: $[O + П + P]$ — взаимосвязи программ аналогичны публицистической речи, но рациональное зависит от ситуации общения;

— литературно-художественный стиль: $[П + P + (O)]$ — прагматическая программа играет ведущую роль, оценочная скрыта.

Следует заметить, что информационная программа как текстовая категория — слишком крупное понятие, чтобы оно могло стать рабочим инструментом изучения текста. Разновидности коммуникативных программ имеют коммуникативно-отражательную природу, выделяются на собственно содержательных основаниях и характеризуются чрезвычайно сложной и многообразной языковой реализацией. Функционально-стилевое «распределение ролей» между программами дает лишь самое общее представление о функционально-стилевой специфике текстов, а сами данные категории важны как обозначения общего направления, вернее, сферы действия более частных категорий.

В связи со сказанным в качестве рабочих понятий в настоящей монографии избираются текстовые категории меньшей силы обобщения и с иными основаниями, так что категория «информационная программа» не является родовой по отношению к ним. Основанием выделения рабочих текстовых категорий, помимо их логико-понятийного единства и общей текстовой функции, является однотипная лингвистическая манифестация. Учитывается также характер языковых средств, с помощью которых манифестируется категория, и их организация в тексте. Компонентом плана выражения категории может выступать языковой знак любого уровня — от фонемы и интонаемы до предложения и сверхфразового единства, — а также различные приемы сочетания и включения языковых знаков в текст. В зависимости от характера языкового выражения текстовые категории предлагается разделить на три разновидности: линейные, полевые и объемные.

Линейная категория представляет собой в тексте цепь языковых

* Буквами обозначены: P — рациональная программа, O — оценочная, П — прагматическая.

единиц единой функционально-семантической предназначенности. Каждая из последующих единиц этой цепи имеет непосредственную семантическую связь с предыдущей или предыдущими (реже — последующими) единицами. Это ряд языковых единиц, организованных в тексте по принципу последовательности. Примером линейной категории может служить тематическая цепочка (ряд номинаций одного и того же предмета мысли), цепочка хода мысли (логического членения текста). Сюда же, вероятно, можно отнести текстовую категорию проспекции/ретроспекции (И. Р. Гальперин).

Заметим, что идея полевого устройства может быть применена и к данным категориям. Во всяком случае, здесь определенно можно выделить текстовое ядро, в которое войдут языковые составляющие с наибольшим текстовым весом, и периферию. Однако специфичность набора используемых языковых средств — их одноуровневость или, по крайней мере, тяготение к ней, — а также акцентированная роль последовательности и линейных связей позволяют выдвинуть гипотезу о существовании особого типа текстовых категорий — линейных, более просто организованных по сравнению со всеми прочими.

Переменными параметрами линейных категорий являются: набор языковых составляющих в семантико-стилистическом аспекте; текстовая значимость (ценность, сила, вес) различных типов языковых составляющих (М. Н. Кожина); комбинаторика языковых составляющих в составе линейного ряда, в том числе наличие или отсутствие выработанных приемов их организации; размещение линейного ряда в тексте.

Полевые категории — основная разновидность текстовых категорий. В плане выражения полевая категория представляет собой совокупность единиц различных языковых уровней, объединенных, по определению поля, общностью семантики и текстовой функцией, а также способом организации языковых составляющих. Полевая категория «рассеяна» в тексте, допускает и даже предполагает параллельные способы языкового выражения определенной семантики. Ядро и периферия полевой категории определяются в зависимости от текстовой значимости определенных языковых единиц в выполнении коммуникативного задания. Текстовая значимость определяется на основании частотных показателей употребления единицы в тексте и с учетом расположения этой единицы в содержательно и структурно весомых фрагментах текста.

Переменными полевых категорий текста являются следующие: набор языковых составляющих по уровневой принадлежности, стилистической маркированности, характеру выражения категориально-текстовой семантики; состав ядра и периферии на основании признаков непосредственного/опосредованного выражения категориальной семантики, а также плотности однотипных языковых

единиц в тексте; взаиморасположение (комбинаторика) языковых составляющих, в том числе наличие конструктивных приемов их сочетания; размещение языковых составляющих в тексте относительно композиционных частей и речевых структур.

К полевым категориям текста можно отнести большинство текстовых категорий, описанных исследователями. Это такие категории, как тематическая определенность, тональность (субъективная модальность, эмоционально-экспрессивное поле), оценочность, темпоральность (поле времени), локальность (текстовое поле пространства), акцентность, субъектная организация (субъектность, авторизация) и др. Названные категории выделялись и исследовались в зависимости от исходной установки и задач исследователя; системно соотнесенными они не являются, точнее, еще не осмыслены в этом плане. То же можно сказать и об их одномерности, рядоположенности. Например, категория акцентности не может быть поставлена в один ряд с категориями тональности, времени или оценки, поскольку акцентироваться могут факты различной семантики, и в силу этого категория акцентности (акцентуации) является надстроечной, градуальной по характеру, в отличие от базовых категорий тональности, времени, оценки. Что же касается категории субъектности (авторизации), то это, на наш взгляд, глобальная категория, категория-программа, осуществляющаяся через посредство более частных категорий и определяющая их конкретное качество. Это родовое понятие по отношению к тональности, оценочности и др.

Полевые и линейные категории соотносятся как общее и частное. Одной из возможных характеристик поля выступает наличие и специфика определенных линейных категорий. Так, тематическое поле текста включает в себя текстообразующую стержневую категорию линейного типа — тематическую цепочку и дополнительную категорию линейного типа — тематическую перспективу/ретроспекцию.

Объемные категории составляют третий тип категорий текста. Их языковое выражение носит текстовый характер, как и целый текст, и характеризуется многомерной организацией, в частности наличием и действием линейных и полевых структур. Выделяются эти категории на содержательно-структурных основаниях и подобны целому тексту во всем, кроме законченности, исчерпанности авторского замысла. Они не лишены внутренней целостности с ее содержательными и формальными показателями, но это относительная целостность части в составе большого текста. К данным единицам могут быть отнесены предложенные в литературе термины «коммуникативный блок» (Смысловое восприятие..., 1976), «объемно-прагматическая часть», «фрагмент» (Гальперин, 1981), «речевая форма» (Гришина, 1982). Мы будем пользоваться наиболее компактным термином «блок».

К объемным категориям относятся: функционально-смысловое членение текста (выражается в таких блоках, как описание, повествование, рассуждение, определение); речевое структурирование текста (блоки: авторская речь, прямая речь, несобственно-прямая речь); композиция (блоки: заголовок, зачин, интродукция, концовка).

Объемные категории — это категории структурного характера. В содержательном плане они моделируются за счет полевых и линейных категорий.

Переменные объемных текстовых категорий таковы: характер действия линейных категорий в их составе; характер действия полевых категорий в их составе; виды связи предложений и сверхфразовых единств в составе блока и виды связи блоков между собой; текстовая значимость того или иного типа блока в тексте; композиция однотипных блоков в тексте; стандартность/нестандартность блоков.

Приведенная гипотетическая классификация текстовых категорий с учетом дополнительно введенного основания — характера языковой манифестации, включающая в себя три основных типа текстовых категорий (линейные, полевые, объемные), является для нас вспомогательной. Она не составляет цель доказательства, а лишь намечает еще один ряд крупных ориентиров — в данном случае по способу языкового воплощения универсального смысла, — позволяющих автору более целенаправленно и однозначно сопоставлять текстовые категории разного уровня абстракции. Цель же исследования, как уже было сказано, заключается в выявлении функционально-стилевого варьирования некоторого набора текстовых категорий, иначе говоря, — в определении текстовых параметров функциональных стилей. Предположительно, они столь же существенно различают функциональные стили, сколь и уровневые параметры (ср. прямо противоположное мнение: «Текстовые параметры не безразличны к функционально-стилевой дифференциации. Однако роль текстовых параметров недопустимо преувеличивать. В функциональных стилях обнаруживается лишь некий отблеск текста. Основные параметры, по которым дифференцируются стили, — это параметры дотекстовые, собственно языковых уровней» (Наер, 1988, с. 9).

Принцип отбора текстовых категорий для анализа в настоящей работе продиктован намерением автора определить такой состав категорий, который отражал бы отмеченную выше триаду коммуникативных составляющих текста (адресант — предмет речи — адресат) и, соответственно, комплекс трех информационных программ (оценочной, рациональной, прагматической). Кроме того, позиция автора заключается в отказе от анализа глобальных категорий типа целостности, связности, субъектности и надстроечных категорий типа акцентности, т. е. избирались текстовые категории

среднего уровня абстракции, языковая манифестация которых может интерпретироваться без посредства других категорий.

На изложенных основаниях набор текстовых категорий, вошедших в план анализа, включает в себя: тематическую целостность, локальность и темпоральность (отражают предмет речи), оценочность и тональность (отражают линию «адресант — адресат текста»), а также структурно-связочные в своей основе категории логического развертывания и композиции, содержательно определяемые всем комплексом экстралингвистических факторов. Разумеется, указанные соотношения категорий с дотекстовыми факторами достаточно относительно: отражение предмета речи несет на себе отпечаток авторской целеустановки, а оценки автора не являются независимыми от темы текста.

Поскольку настоящая работа мыслится как лингвостилистическая, базирующаяся на интерпретации языкового выражения определенной текстовой категории, и способ языкового выражения вводится как дополнительное основание трактовки категории, автору было интересно включить в план анализа текстовые категории различного языкового структурирования. Этим объясняется тот факт, что категория тематической целостности используется в анализе через свои частные составляющие — линейные категории тематической цепочки (с денотативно-функциональным основанием) и цепочки хода мысли (со структурно-функциональным основанием). Другие полевые категории взяты в целом, а из объемных категорий выбрана категория композиции. Так окончательно определен набор единиц анализа, включающий в себя семь текстовых категорий различной степени сложности, общая характеристика которых приводится ниже.

В завершение — несколько слов об инварианте текстовой категории. На основании данных специальной литературы, а также собственных наблюдений над текстовыми категориями автор пришел к выводу, что общая формула, общетекстовый инвариант той или иной текстовой категории или всех их, вместе взятых, представляет собой научную абстракцию, такую же, как, например, литературный язык или общепотребительный язык. Реальный литературный язык окрашен в цвета определенных функциональных стилей или же, если сняты эти краски, представляет собой «недостаточный», искусственный, так называемый минимизированный язык. Аналогичным образом отдельные текстовые категории являются функционально ориентированными, т. е. реально существуют в виде ряда вариантов. Если не учитывать неизмеримо большую сложность предмета, то соотношение инварианта и варианта текстовых категорий принципиально ничем не отличается от соотношения фонемы и аллофона, морфемы и морфа. Об инварианте категории можно обоснованно судить лишь на базе описания вариантов.

1.3. СОСТАВ И ОБЩАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ

Тематическая цепочка текста

Тема, наряду с авторским замыслом, — существенный и необходимый признак всякого текста. Это экстралингвистический фактор, входящий в ядро текста и в значительной степени определяющий его структуру (Метс и др., 1981). Различая тему и тезис текста, мы подразумеваем под темой предмет речи, выступающий субъектом тезиса текста (тезис формируется за счет предикцирования субъекта). Тема и тезис целого текста в норме сохраняют свое единство на протяжении всего текста, вспомним утверждение, принятое как методический принцип в риторике: «Один текст — одна мысль». Рассматривая тему как предмет вербальной коммуникации, заметим, что понятие темы не стоит вне текстового прагматикона. «Связь темы с предметом речи предполагает учет психической стороны явления» (Ризун, 1987, с. 33). Другое существенное для нас замечание состоит в подчеркивании теснейшей связи темы и замысла. «Тема — это свернутое содержание, которое сопоставимо с замыслом» (Новиков, 1983, с. 23), следовательно, через понятие темы осмысливается связь текста не только с его денотатом (отражаемой реальностью), но и с его субъектом (автором).

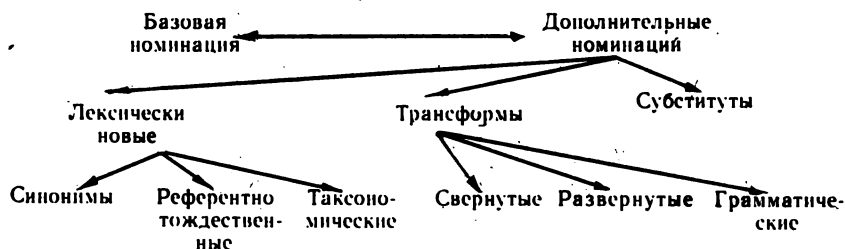
Тема текста находит свое выражение в референтно или сигнификативно объединенных группах лексики в его составе — в тематических группах, совокупность которых составляет текстовое поле тематической целостности. Для тематических групп семантически и структурно наиболее важны непосредственные наименования предмета речи. Это элементные (в отличие от событийных) номинации (Гак, 1977, с. 257), составляющие основной тип всех существующих номинаций. Набор обозначений некоторого предмета речи (в тексте, помимо основного предмета речи, всегда существует некоторое количество дополнительных предметов и соответственно — подтем), представленный на некотором протяжении текста, принято называть номинационной цепочкой (Гак, 1972). Основная номинационная цепочка проходит через весь текст и является представителем темы целого текста, тогда как дополнительные номинационные цепочки определяют объем подтем. Основная номинационная цепочка содержит имя темы целого текста, позволяет отличить главную информацию от второстепенной, т. е. это важное в содержательном, теоретическом и методическом отношении понятие. Основная номинационная цепочка текста обозначается термином «тематическая цепочка» и рассматривается в данной работе в качестве линейной текстовой категории.

Общая типология номинационных цепочек состоит в следующем*.

Единство семантики номинационной цепочки заключается в обобщенном значении «предмет речи целого текста», которое наполняется конкретным содержанием только в конкретном тексте. Языковые составляющие данной текстовой категории — единицы номинативного типа: слова и номинативные словосочетания.

Содержательное единство тематической цепочки базируется на референтном тождестве номинаций (в цепочке представлены разные обозначения одного и того же реального предмета) или на их сигнификативном тождестве (номинации цепочки представляют собой равнозначащие понятия). Языковое выражение одного и того же означаемого может быть тождественным (повторная номинация) или различным.

Типы номинаций в тематической цепочке

Опорной, базовой номинацией цепочки является лексическая единица в своей первичной функции (Гак, 1977, с. 243). Это собственное имя (если предмет его имеет), термин или, чаще всего, прямая номинация — нейтральное общеупотребительное слово. Базовая номинация выделяется на собственно языковых, дотекстовых основаниях. Из ряда имеющихся номинаций базовой является та, которая может быть идентификатором по отношению ко всем номинациям цепочки, поскольку наиболее точно и непосредственно обозначает предмет речи текста. Все остальные номинации по отношению к базовой являются дополнительными. Дополнительные номинации делятся на три типа: лексически новые, в число которых входят синонимы базовой номинации, референтно тождественные номинации и таксономические номинации — обозначения родовых понятий по отношению к базовому; трансформы — различные преобразования базовой номинации, включающие свернутые и развернутые номинации, а также грамматически преобразованные обозначения; субституты — неоднозначные вне контекста заместители базовой номинации — местоимения и т. п. (см. схему).

* В описании этой типологии автор опирается на общетеоретические труды по номинации В. Г. Гака (1977 и др.), а также специальные исследования в области лексических связей текста: Севбо, 1969; Акишина, 1979; Лосева, 1980; Сметанина, 1982; Откупщикова, 1982; Гореликова, Магомедова, 1983; Майданова, 1987; и др.

Любая единица тематической цепочки, как базовая, так и дополнительная, может повторяться в тексте и выполнять более или менее значимую текстовую роль. В зависимости от числа повторений, а также расположения повторяющихся единиц в значимых частях текста различные номинации цепочки выдвигаются в ней на более или менее заметное место. Наиболее частотная единица тематической цепочки, появляющаяся, помимо прочих, в ключевых местах текста, является основной номинацией. Понятие «основная номинация» — собственно текстовое, выводимое из значимости номинации в данном тексте. Основной в тексте может выступать как базовая, так и любая из дополнительных номинаций.

С учетом последовательности размещения единиц тематической цепочки в тексте, номинация, открывающая цепочку, будет называться первичной, а все остальные — вторичными.

В лексико-стилистическом отношении состав тематических цепочек в целом не имеет ограничений. Здесь возможны единицы любой стилиевой и эмоционально-экспрессивной маркированности, общепотребительные и ограниченные по употреблению, литературные и нелитературные, современные и устаревшие. Не то в пределах отдельного функционального стиля, где конкретный состав тематической цепочки определяется темой текста, замыслом автора и требованиями стиля. Выяснение объема последних — цель анализа.

Цепочка хода мысли

Общий смысл текста выясняется адресатом постепенно, на основе накопления и анализа информации его минимальных смысловых частей — микротекстов. Соответственно сам текст можно рассматривать как отражение процесса формирования смысла (Барт, 1980, с. 397). Информационная роль того или иного текстового фрагмента определяется его содержанием, которое зависит прежде всего от лексического состава фрагмента, а также последовательностью расположения фрагментов и совокупным их смыслом. Разграничение информационных отрезков текста за счет этого не является маркированным (не имеет специальных средств языкового выражения), а также абсолютным, например, микротексты далеко не всегда располагаются в тексте в порядке логического следования: известно, что есть логика рассуждения и логика изложения, не всегда совпадающие друг с другом (Смысловое восприятие..., 1976, с. 68). Научное описание таких способов информационного членения текста возможно только на основе системного знания определенной предметной области, отраженной в тексте (Откупщикова, 1982, с. 79—80).

Кроме названных средств, в развитом литературном языке есть значительный набор специальных языковых единиц, указывающих

на характер последующей или предшествующей информации, смысловое отношение вводимого информационного фрагмента к другому фрагменту или к целому тексту и т. д., которые показывают последовательное развитие авторского замысла в раскрытии избранной темы и за счет которых осуществляется логическое объединение различных фрагментов в более крупные смысловые блоки текста. В число таких единиц входят лексические и лексико-синтаксические средства (союзы и союзные слова, наречия с семантикой связи, полнозначные лексические единицы «поступательно-логической» семантики (типа *начать, перейти, продолжить, сопоставить*), вводные слова и обороты аналогичной семантики). Их общей функцией является функция сегментации, т. е. «расчленения и одновременно связи смысловых фрагментов в рамках всего текста», благодаря чему внимание адресата концентрируется на этапах развертывания темы и установления смысловой значимости и взаимосвязи отдельных фрагментов в целом тексте (Стриженко, Кручинина, 1985, с. 70). Для обозначения отдельной единицы такого рода будет использоваться термин «связка».

В силу «сцепляющей» роли связок в тексте, а также распространенного использования их не по одной, а по несколько, причем последовательно и взаимозависимо, можно и к связочным единицам применить понятие цепочки, а именно цепочки хода мысли.

Если тематическая цепочка связана с темой и тезисом текста, то цепочка хода мысли — с логической схемой текста, т. е. с авторским формированием и развертыванием темы.

Специальные средства логического членения текста, или логические связки, могут классифицироваться на собственно содержательных основаниях (см. опыт таких классификаций в работах: Малов, 1970; Акишина, 1979). Лингвистические связки выявляются и активно используются в процессе обучения иностранцев речевой деятельности (см., например: Барыкина и др., 1978). В предлагаемой работе использована следующая классификация, разработанная на базе названных выше.

В составе логических связок выделяются две группы: собственно логические и композиционно-логические. К первой относятся связки, которые указывают на тип и характер предшествующей или последующей информации, т. е. на собственно содержательные связи фрагментов.

Различая в качестве основных типов информации объективно-логическую и субъективно-логическую, назовем наиболее часто встречающиеся виды информационных отрезков текста. Применительно к объективно-логической программе текста с помощью специальных связок в различных текстах выделяется информация: основная, типичная, дополнительная, детализирующая, однородная, выделяемая из общего ряда, сопоставляемая с известной, по-

лученная из определенных источников, иллюстративная и др. Каждая из информационно определенных разновидностей текстовых фрагментов имеет, как правило, многообразные по составу и стилистической окраске языковые средства ввода в текст. Например, фрагмент текста, содержащий типичную информацию, может вводиться с помощью следующих связок: *как правило, типично, характерно, обычно, чаще всего, в большинстве случаев, как принято, как всегда* и др.; для введения информации с указанием на ее источник применяются связки: *по словам (мнению, данным, утверждению, соображениями, сообщению) N; как утверждает (отмечает, замечает, сообщает, указывает, считает, говорит, пишет и т. д.) N; вслед за N; N считал (говорил, писал, замечал и т. д.), что...* и др.

Субъективная информация текста подчеркивается либо вводом связок оценочного содержания (оцениваться может достоверность, вероятность, степень трудности восприятия и другие свойства объективно-логического тезиса), либо с помощью связок, указывающих на эмоциональную оценку отображаемого, либо использованием связок, выделяющих авторскую позицию. Ср. соответственно: *конечно, трудно поверить, сомнительно, легко заметить; хорошо, что...* — первый подтип; *к сожалению, к счастью, удивляет тот факт, что...; рад, что...* — второй подтип; *по-моему, на наш взгляд, автор полагает, я думаю* — третий подтип. Разновидности субъективно-информативных связок соответствуют семантическим подтипам рациональной и эмоциональной оценки и являются полифункциональными. Эти связки могут рассматриваться не только как самостоятельные единицы линейной категории логического содержания, но и как составляющие полевых категорий тональности и оценочности.

Во вторую группу логических связок (композиционно-логических) входят единицы, указывающие на расположение какого-либо фрагмента в тексте и его пространственное отношение к другим фрагментам. Это средства композиционно-структурной связи информационных фрагментов в тексте. Они отмечают расположение фрагмента в начале, середине или в конце развития темы, а также в ряду однотипных фрагментов, связь одного фрагмента с другим, предшествующим или, реже, последующим, и т. д., например: *начнем с..., перейдем к..., прежде всего, выше отмечалось, я уже говорил, итак, в заключение* и др.

Отметим комплексный функционально-семантический характер некоторых связочных единиц. Так, языковые сигналы обобщения информации, производимого на логическом основании, в то же самое время указывают на повторный характер этой информации и на пространственные связи в тексте: обобщение, предпосланное специальным языковым указанием на него, появляется в тексте после ряда частных положений.

— Логико-информативное членение текста осуществляется последовательно, и, казалось бы, языковые связки, определяющие особенности отдельных фрагментов с точки зрения содержательно-логической и пространственно-текстовой, должны образовывать цепочки относительно большой, вплоть до общетекстовой, длины. Но, как правило, цепочки хода мысли имеют сравнительно небольшую длину и прерывистый характер. С помощью цепочки хода мысли выстраивается чаще всего не целый текст, а его структурно-содержательная часть, соответствующая одному из подтезисов, кроме того, связочные средства нередко используются для связи элементарных номинаций. Прерываясь, когда в тексте начинается формирование следующего логического подтезиса, цепочка хода мысли в том или ином варианте реализуется в следующем смысловом блоке текста, и так до конца. Текст обладает энным количеством частных цепочек хода мысли. Наряду с ними он также может обладать (но не обязательно) сквозной аналогичной цепочкой.

Таким образом, длина действия (термин А. А. Акишиной) логических связей при информативном членении текста, как правило, меньше текста, но больше отдельного сверхфразового единства, причем возможны отклонения по масштабу в обе стороны: связь «точечных» элементов текста и связь фрагментов в масштабе целого текста. Элементарные связи в настоящей работе не анализируются.

При определении цепочек хода мысли учитывалась следующая текстовая особенность. Как правило, маркированный специальной связкой фрагмент сцеплен с немаркированным. Для текстов различного характера типичны пары фрагментов, в которых коммуникативного слабым является второй фрагмент, содержащий в позиции логическую связку, присоединяющую его к коммуникативно-сильному первому фрагменту, например:

В процессе обоснования основных и уточняющих понятий автор обращается к разным теориям. <...> В рассматриваемом же плане использование этих понятий демонстрирует эмпирическую деятельность, в центре которой... (утверждение 1 — коммуникативно сильное, немаркированное). В частности, эмпирические обобщения относительно основных понятий статьи получают обоснование... (утверждение 2 — коммуникативно слабое, содержит частную информацию, что маркируется препозитивной логической связкой — вводным оборотом в частности).

Языковые составляющие цепочек хода мысли могут быть различной стилистической окраски, текстовой значимости и т. п. — аналогично составляющим тематических цепочек. Их функционально-стилевыми переменными выступают: набор связочных средств с учетом стилистической окраски и характера варьирования; длина действия связей и длина цепочки; текстовая значимость определенных составляющих; размещение связей на пространстве текста.

Большинство переменных совпадает с аналогичными величинами тематических цепочек.

Тональность текста

Общаясь посредством речи, мы никогда не можем отрешиться полностью от собственного «я». Ш. Балли писал: «Усилие, совершаемое разумом для того, чтобы приблизиться к объективной реальности, почти всегда тщетно, ибо мы являемся рабами собственного «я», мы постоянно примешиваем его к явлениям действительности, и последняя не отражается, а преломляется в нас» (1961, с. 22—23). Иными словами говоря, человек отражает в речи не только интересующую его тему, но и самого себя.

Сигналы психологической установки автора текста, сознательной или подсознательной, проходят через весь текст, создавая одну из сквозных нитей, скрепляющих его в единое целое. За счет этих сигналов создается определенная психологическая окраска речи — тональность текста (в другой терминологии — субъективная модальность). Отсутствие сигналов тональности имеет значимый характер и свидетельствует о нейтральной тональности. Каждый функциональный стиль имеет свой диапазон тональностей, в пределах которого автор волен выбирать тональность, наиболее соответствующую его целеустановке, предмету речи, адресованности, собственному темпераменту и т. д.

Тональность, или эмоционально-экспрессивное содержание, — это текстовая категория, в которой находит отражение психологическая установка автора текста. Поле тональности содержит в себе психологическое самораскрытие автора, обладающее, по закону эмоционального заражения, эффектом усиленного воздействия на адресата текста (Телия, 1986).

Термин «тональность» предпочитается термину «субъективная модальность» в качестве более конкретного. Основу модальности как языковой категории составляет категория оценки (Ляпон, 1971), но авторская оценка отображаемого, речевого партнера или самого себя может носить и логический, и сверхлогический (эмотивный) характер. Тональность текста понимается в настоящей работе как функционально-семантическая категория, связанная с языковыми категориями эмоциональности — т. е. с оценками на эмоциональном основании (Ивин, 1970), усиления и волеизъявления, тогда как субъективные оценки логического характера представляют собой вторую составляющую субъективной модальности и, соответственно, особую текстовую категорию оценочности (см. ниже).

На дотекстовом (языковом) уровне базовыми средствами тональности являются языковые единицы, которые непосредственно

выражают семантику эмоциональности, усиления, волеизъявления: эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, слова с суффиксами субъективной оценки, экспрессивные интонационные конструкции, прямые и переносные формы повелительного наклонения, экспрессивные синтаксические конструкции, специальные приемы выразительности (тропы и стилистические фигуры). Периферию языкового поля тональности составляют единицы с непрямым выражением эмоционально-экспрессивной семантики: нейтральная лексика с эмоциональной коннотацией и в эмоционально-экспрессивном употреблении, нейтральные слова, обозначающие понятия об эмоциях и волеизъявлениях, и т. п. Очевидно, что периферия данного поля чрезвычайно обширна и сильно смещена в речь. Добавим сюда еще и такие собственно речевые способы передачи эмоционально-экспрессивного содержания, как фразовый ритм и содержательно-событийная передача эмоциональной напряженности.

На текстовом уровне ядро поля тональности может представлять собой композицию различных единиц как по признаку их языковой принадлежности, так и, главное, по языковому статусу базовых или дополнительных единиц. Здесь, как и применительно к линейным категориям, будем различать базовые/дополнительные составляющие при дотекстовом подходе и основные/неосновные — при текстовом подходе. Основные единицы, образующие ядро текстового поля тональности, квалифицируются как таковые на общих основаниях — в соответствии с их повышенной значимостью в тексте и существенной ролью в выражении психологической позиции автора.

Текстовыми переменными поля тональности являются: состав ядра и периферии; открытый или скрытый характер эмоционального и волевого авторского выражения; однородность/неоднородность текста в эмоционально-экспрессивном отношении; размещение средств тональности на пространстве текста; наличие/отсутствие стандартов и конструктивных приемов организации языковых средств.

Оценочность текста

Как уже отмечено выше, оценочность в настоящей работе ограничивается от эмоционально-экспрессивного содержания и, таким образом, связывается исключительно с рациональной (интеллектуальной, понятийной, когнитивной) оценкой. Эта оценка отражает авторское представление о положительном или отрицательном содержании описываемого явления и положительном или отрицательном отношении к адресату речи на основе логической дихотомии «хорошо — плохо».

В состав данного поля в языке входят соответствующая лексическая пара и ее лексико-семантические варианты и модификации

(очень хорошо, плоховато, отлично и др.), в тексте оно дополнительно включает нейтральную лексику с рационально-оценочной коннотацией (типа *преступление, растрата*), а также содержательно-событийные фрагменты, связанные с оценочным выводом, который делается на основе социального опыта адресанта и адресата текста (например, в газетном тексте: *Дети выросли и разъехались. С тех пор мать одна. Ждала, писала письма, но ответа так и не дождалась* — фрагмент содержит скрытый авторский вывод осуждения детей). Текстовые ядро и периферия оценок могут совпадать и не совпадать с языковыми.

Особо следует обсудить вопрос о том, целесообразно ли отрывать оценочное поле от поля тональности, ведь хорошо известно, что в большинстве случаев рациональная оценка сопряжена с эмоциональной, т. е. имеет место комплексная, с двумя основаниями, оценка (Лукьянова, 1986). На наш взгляд, разграничение этих полей необходимо по следующим причинам.

Во-первых, комплексные семантические единицы, рационально-эмоциональные в плане оценочности, не исчерпывают собой объема оценочных языковых средств. Ряд лексических единиц характеризуется лишь одним типом оценочности, причем за пределами комплекса остаются ядерные единицы обоих полей — рационально-оценочные наречия в области поля оценок и эмоциональные междометия в области поля эмоций. Во-вторых, предположительно, предпочтение чисто эмоциональной или чисто рациональной оценки является дифференциатором функциональных стилей: в общих чертах известно, что художественная литература чуждается рациональных оценок, а научная — эмоциональных. В то же время текстовые категории тональности и оценочности могут рассматриваться как частные категории по отношению к родовой для них категории текстовой модальности (субъективной модальности).

Текстовые функционально-стилевые переменные категорий оценочности и тональности аналогичны, отметим лишь особую значимость открытого или скрытого характера рациональной оценки, а также ее однородности или неоднородности.

Темпоральность текста (текстовое время)

Время и пространство — универсальные свойства всего материального, необходимые условия существования мира явлений. Текст как отражение определенного фрагмента действительности и определенной ситуации общения также не может существовать вне данных свойств. В связи с этим утверждение М. Бахтина, что «всякое вступление в сферу смыслов совершается только через ворота хронотопов» (1975, с. 406), думается, можно отнести не только к художественному, но и ко всякому другому тексту.

Структура текстового пространства и текстового времени до известной степени моделирует реальное пространство и время, но, конечно, не сводится только к такой модели (Лотман, 1970; Каримова, 1985). Следует учитывать, что в тексте — авторском, субъектном речевом произведении — реальное время отражается через его субъективное восприятие, т. е. время реальное соединяется здесь со временем перцептуальным, связанным с восприятием реальной действительности (о разновидностях философской категории времени см.: Мостепаненко, 1969). Степень влияния перцептуального времени может быть различной — от минимальной в «объективированных» текстах типа научного до максимальной в индивидуализированных текстах типа художественного, где перцептуальное время дополнительно сочетается с индивидуальным и рождается новое явление — художественное время, с его особыми чертами, не свойственными реальному времени, — многомерностью, обратимостью, неравномерностью и др. (Тураева, 1979, с. 16—27).

Синтез отраженного реального и перцептуального времени с преобладающей ролью первого, когда отображаемое связывается с определенным моментом или периодом жизни субъекта, национальной или мировой истории, будем называть объективным временем текста (Москальская, 1981). Объективное время в тексте — это относительно адекватное отражение времени реального (эмпирического, исторического, календарного).

Помимо объективного, для текста может быть характерно концептуальное время, под которым понимается отражение реального времени на уровне идеальных сущностей, выведенных на базе анализа реальности, — концептов и концепций (Мостепаненко, 1969, с. 5). Различие объективного и концептуального времени — в точке отсчета и различной соотносительности с экстралингвистической действительностью (Тураева, 1986, с. 96).

Точка отсчета — чрезвычайно важный момент понятия времени и темпоральной структуры текста. Это некое условное «теперь», «сейчас», отталкиваясь от которого возможно выстраивание временной перспективы текста и других временных взаимосвязей. Точка отсчета может носить объективный характер, т. е. относиться к реальному времени, и может быть относительной, имеющей условный характер. В свою очередь, реляционная, условная точка отсчета может опосредованно выходить на линию объективного времени («в качестве относительной точки отсчета может выступать временной момент любого события, ставшего предметом сообщения и, следовательно, уже определенным образом соотношенного с абсолютной системой отсчета» — Дешериева, 1975, с. 116), а может быть сугубо реляционной, когда важна лишь сопоставительность явлений на шкале времени. Избираемая автором точка отсчета, «векторный нуль» на оси времени, — важная переменная величина текстовой категории времени.

Л. М. Майданова при анализе газетно-публицистических текстов вводит понятие метасобытия текста (метасобытие — это отражение в тексте той деятельности, которую осуществляет журналист, изучая явление действительности, — в отличие от собственно события) (1987, с. 85). Данное теоретически перспективное разграничение можно распространить и на производные обоих событий в различных стилях речи, в частности, выделить собственно текстовое и метатекстовое время и пространство как хронотоп событий, фактов текста и как хронотоп модальной (субъектной) рамки текста. Наличие/отсутствие метатекстового времени может считаться дифференциатором функциональных стилей.

Что же касается времени грамматического, то применительно к тексту эта категория приобретает исключительно реляционный характер. Представляется очень точным замечание З. Я. Тураевой: «Видовременная система глагола на сюжетном уровне не имеет отношения ни к одному из эмпирических временных планов. Это чисто реляционная система, выражающая соотношенность двух или более действий во временном континууме и противопоставленная номинационному, календарному времени. Метрическая, количественная сторона действий также остается невыраженной глагольной системой. Категория времени выражает иное фундаментальное качество времени — упорядоченность» (1974, с. 159).

В плане средств выражения поле текстового времени в целом представляет собой лексикентрическую категорию, поскольку при наличии носителей семантики объективного или концептуального времени она всегда подчиняет себе грамматическую семантику глагольных форм, но не наоборот, например: *Завтра иду в театр* (форма настоящего глагольного времени является носителем семантики будущего объективного); *Вспоминается детство. Я иду рядом с отцом* (та же форма за счет контекстного лексического указателя времени приобретает значение объективного прошедшего). Таким образом, базовыми составляющими категории времени (в терминологии И. Я. Чернухиной, темпоральными указателями) являются слова и словосочетания, непосредственно передающие значение времени (к примеру: *время, год, вчера, будущее, во время войны*), а также словосочетания, обозначающие даты.

Дополнительными при дотекстовом подходе, а в тексте — либо ядерными, либо периферийными являются косвенные темпоральные указатели: имена исторических лиц, номинации исторических реалий, в том числе предметов быта, связанных с определенной эпохой, цитаты (Чернухина, 1984, с. 57 и далее).

Следует отметить, что лексические показатели времени не являются обязательными для текста, поскольку возможен и «вневременной» подход. Тогда особую текстовую значимость приобретают грамматические формы времени.

Текстовое время имеет синхронный и диахронный аспект. В первом случае смысловой акцент связан с понятиями «когда это было», «сколько это продолжалось» или с вневременным подходом; во втором случае — с понятиями последовательности или, шире, упорядоченности во временном отношении. Предпочтение одного из названных аспектов или их сочетание также избирательно для разных функциональных стилей.

Итак, переменными категории темпоральности являются: реализация типов текстового времени (объективное, концептуальное, художественное, индивидуальное время); характер «векторного нуля» — темпоральной точки зрения автора (абсолютный/реляционный, фиксированный/нефиксированный); статичность/динамичность текста во временном плане; набор темпоральных указателей, составляющих ядро и периферию поля текстового времени; роль грамматических форм времени.

Локальность текста (текстовое пространство)

С темпоральной координацией текста тесно связана локальная, однотипно организованная. Здесь также может быть выделено объективное пространство, представляющее собой отраженное подобие реального мира, пропущенное через восприятие субъекта, а кроме того, пространственные характеристики могут приписываться понятиям, которые сами по себе не имеют пространственной природы (Лотман, 1970, с. 266), т. е. можно говорить о других видах текстового пространства: концептуальном, психологическом, социальном.

Помимо названных, существуют специфические виды текстового пространства, или времени-пространства, например художественное пространство, которое, в свою очередь, имеет частные разновидности, например, романно-эпические хронотопы (Бахтин, 1975), мифопоэтическое пространство (Топоров, 1983). Наконец, текст обладает и подлинным реальным пространством, поскольку представляет собой материальное явление со всеми вытекающими отсюда последствиями.

Исходной точкой в локальной системе координат является некая точка «здесь» в применении к субъекту речи. В сочетании ее с аналогичной точкой темпоральности «сейчас» образуется исходный антропоцентрический пункт текстового хронотопа: «я — здесь — сейчас» (Степанов Ю., 1975, с. 136—142). Как и точка «сейчас», локальное авторское «здесь» может отражать реальную локацию автора, причем она может оставаться постоянной или меняться на протяжении текста, а может носить условный характер, либо вообще не фиксироваться в тексте (Успенский, 1970, с. 77 и далее). Все это, видимо, также способно служить дифференциатором текстов различных функциональных стилей.

Базовые единицы поля локальности в языке — это средства пространственного дейксиса. Они включают в себя: слова, «семантическим содержанием которых является абстракция отношения отдельных частей, сторон объекта к самому объекту, например, *внутренность, поверхность, верх, низ, сторона*» (Ибрагимова, 1986, с. 21); категориальные лексические единицы *место* и *пространство* и другие слова разных частей речи с локальной семантикой (*находиться, широкий, далеко*); предлоги пространственного значения; топонимы и географическую терминологию. С идеей пространства связаны также слова с периферийными семами локальности, в частности вся конкретно-предметная лексика (Арутюнова, 1976, с. 147), а также слова с локальной семой коннотации (некоторые личные имена, экзотизмы) (Чернухина, 1984, с. 42—43).

Языковыми средствами грамматического характера для передачи идеи пространственной определенности и пространственных связей служат обстоятельственные распространители простого предложения и придаточные предложения соответствующей семантики. Названные синтаксические позиции способствуют актуализации локальной семантики их лексических заполнителей.

Как и темпоральность, локальность может носить статический и динамический характер (Ибрагимова, 1986, с. 23), для различения которых важна семантика глаголов. При передаче статической локальной картины используются экзистенциальные глаголы и статические глаголы пространственной локализованности, а при передаче локальной динамики — глаголы перемещения.

К переменным категориям локальности относятся: типы текстового пространства, актуальные для данной группы текстов; характер локальной точки отсчета (абсолютный/относительный, фиксированный/нефиксированный, неизменный/меняющийся); статичность/динамичность текста в локальном отношении; набор локальных указателей, составляющих ядро и периферию текстового поля локальности, общетекстовая функция локальных указателей.

Композиция текста

Композиция текста структурно отражает одно из базовых понятий текста — тему, это «форма выражения и развития темы» (Клинг, 1988, с. 60). Средствами языкового выражения композиции являются делимость текста на части и сами эти части. На основе общего понятия объемной категории «блок» в качестве рабочего понятия прием термин «композиционный блок».

Композиционный блок создается соединением содержательной обособленности текстового фрагмента и его относительной структурной завершенности. Текстовая выделенность композиционного блока достигается лексическими, грамматическими, контекстными, а также внешними способами (к последним относятся в письмен-

ной речи — абзацное выделение, нумерация, пробел, в устной речи — большая пауза) (Ризель, 1974).

Композиционные блоки — наиболее значимые и наиболее крупные по объему структурно-содержательные части текста. Исключение составляет лишь заголовок, но при малом объеме он не уступает крупным частям текста по своей смысловой емкости и значимости для целого текста.

Традиционные выделяемые композиционные блоки — это заголовок, вступление (введение, зачин, экспозиция), основная часть, которая, в свою очередь, структурирована и состоит из нескольких смысловых блоков, и концовка (заключение). Особый композиционный блок — это «текст в тексте», фрагмент, ассоциативно связанный с основным массивом текста и представляющий собой реализацию авторского права отступать от основной логической линии текста.

Заголовочный блок вводит тему, вступительный — конкретизирует ее и задает ее пространственно-временную развертку (Клинг, 1988), смысловые блоки основной части определяют и детализируют подтемы, заключительный блок содержит свертку информации целого текста.

За исключением вставных фрагментов (вставок, интродукций), названные композиционные блоки характерны для всех типов текстов. Помимо них, существуют композиционные блоки в рамках отдельных жанров функционального стиля, например фрагмент «представление» в жанре заявления или мораль в жанре басни (Москальская, 1981, с. 78—82).

Строение блока допускает стереотипные варианты. Так, заголовок может быть снабжен подзаголовком или надзаголовком («шапка» и название рубрики в публицистическом стиле, шифр текста в официально-деловом стиле). Отдельный заголовок или заголовочный комплекс текста содержательно самостоятельны и формально выделены, по отношению к основному тексту они могут быть названы предтекстом.

Далее в работе будут рассмотрены три типа композиционных блоков: заголовок, вступление и заключение. Их стилевыми переменными выступают: стандартность/нестандартность блока; характер номинационной (тематической) цепочки в пределах блока; характер действия тональности и других полевых категорий; типы сверхфразовых единств, образующих блок.

2. ТЕКСТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ РЕЧИ

2.1. НАУЧНЫЙ СТИЛЬ

Конструктивный принцип научной речи — это обобщенность, отвлеченность, точность, что обусловлено научным типом мышления и абстрагированными адресантом и адресатом текста (Васильева, 1986). Автор научного текста стремится к самоустранению в пользу предмета речи, никогда не достигая этой цели в полной мере. Рациональная программа в научном тексте преобладает над оценочной (за исключением отдельных жанров, например рецензии) и отличается развернутостью, аналитичностью, логической продуманностью. Что касается прагматической программы, то она различна для подстилей научной речи. Возможны две пресуппозиции научного текста: адресат примерно равен автору по уровню специальных познаний (ситуация собственно научного подстиля), и адресат — это лицо, обучаемое автором в данной сфере знаний (ситуация учебно-научного подстиля). Во втором случае прагматическая программа становится равна по значимости рациональной и характеризуется специфическими средствами выражения. Учебно-научный подстиль в настоящей работе не рассматривается.

Тематическая цепочка научного текста

Особенности тематической цепочки тесно связаны с конструктивным признаком стиля. Базовой единицей здесь, как правило, выступает термин, обозначающий научное понятие с высокой точностью и высокой степенью обобщения.

Лексико-семантический состав тематической цепочки научного текста достаточно скромнен. Помимо базовой единицы (например, по ФН-2: *функциональный стиль*), в него входят перифразы на базе родового понятия (*данная разновидность языка/речи*); трансформы, среди которых наиболее распространены свернутые номинации двух разновидностей — свернутые до опорного слова базового словосочетания (*стиль*), часто с уточнителями указательного характера (*этот стиль, данный стиль*), и свернутые в аббревиатуру

(ФС = функциональный стиль). В научном тексте не используются нулевые номинации, крайне редки любые номинации со стилистической маркированностью, кроме книжной.

Роль основной номинации в текстовой цепочке принадлежит базовой номинации, она же является и первичной, причем реализуется, как правило, уже в заголовке научного текста. Текстовые функции членов тематической цепочки — это функция идентификации предмета речи, а также функция общетекстовой связи: дистантно расположенные номинации основного предмета речи работают на целостность текста.

Проследим подробнее организацию тематической цепочки, учитывая следующее обстоятельство ее выявления: в тематическую цепочку включались только единицы равного понятийного объема. Номинации подпонятий (например, для нашего случая — *лексика функционального стиля*) входят в тематическое поле текста, но не входят в тематическую цепочку целого текста, составляя ее ответвление.

В тексте «О функциональных семантико-стилистических категориях текста» (ФН-2) базовая номинация-словосочетание (а) входит в заголовок. Кроме нее, отмечены следующие номинации: *эти категории* (б), *названные категории* (в), *рассматриваемые категории* (г), *функциональные категории* (д), *категории* (е), *они* (ж). Схематически изображенная тематическая цепочка выглядит следующим образом*:

А А б А б А в А г ж А г ж А ж г А б А д д А е

В составе цепочки представлены только три типа номинаций: базовая (терминологическая), свернутые трансформы и местоименные субституты. Не подлежит сомнению статус базовой единицы как основной в тексте (десять повторений, в том числе в заголовке и начале основной части статьи, тогда как максимум повторений других номинаций — три). Хорошо заметна периодичность номинаций разных структурно-семантических типов. При отсутствии жестко упорядоченных чередований ни одна из них не повторяется больше двух раз, а основная номинация постоянно перемежает дополнители.

Такое строение цепочки типично для текстов различных отраслей науки. Ср. с цепочкой текста «Цам у тувинцев» (РП): *цам* (а), *религиозная мистерия цам* (б), *этот праздник* (в), *праздник* (г), *религиозный праздник ламаистов* (д), *мистерия цам* (е), *она* (ж):

А б в б д А б е ж А А г А

Различия в составе номинационных цепочек основной темы незначительны. К названным структурным типам номинаций можно

* Здесь и далее прописной буквой выделяется основная номинация текстовой цепочки.

добавить лишь грамматические трансформы (*англицизмы — англицизм, шаманские костюмы — шаманский костюм*). О референтно тождественных номинациях речь может идти лишь в тех случаях, когда предмет обсуждения материален (актуально для археологии, этнографии, геологии и подобных наук); синонимы в области специальной лексики крайне нежелательны и встречаются редко (*шаманский костюм — шаманская одежда*). Наиболее распространенным структурным типом номинаций тематической цепочки, после прямой (базовой) номинации, следует считать трансформативный тип. Для его реализации научные тексты обладают клишированными конструкциями указательно-связующего типа: *данное, рассматриваемое, названное, указанное, отмеченное* (*явление, понятие* и др.), например: *данная теорема, рассматриваемые англицизмы, указанный эффект* и т. п.

Следует заметить, что номинация предмета речи исключительно лексическим (номинативно-лексическим) способом в научном тексте не является обязательной. Здесь возможно и свободное текстовое описание, размывающее до некоторой степени строгость номинативной тематической цепочки. Например, в тексте «К вопросу об англицизмах в современном испанском языке» (ФН-3) описательно-текстовой ввод одного из подтезисов выглядит так: *Некоторое английское влияние обнаруживается и на синтаксическом уровне испанской речи*. Однако данный способ явно носит дополнительный характер и может быть сведен к первому. Так, приведенный пример легко трансформировать, введя базовый термин *англицизмы*: *Англицизмы обнаруживаются и на синтаксическом уровне*.

Более сложная организация тематической цепочки наблюдается в том случае, когда автор оперирует не одной, а двумя базовыми номинациями, близкими друг другу. К примеру, в тексте «Циклизация в современной прозе» (ФН-3) это номинации *циклизация* и *цикл*, соотносящиеся между собой как обозначения процесса и его результата: *циклизация — это образование, становление цикла*. Доказать наличие цикла и означает доказать явление циклизации, поэтому автор использует оба термина, иногда полностью приравнивая их (*Для лирической миниатюры циклизация становится естественной формой*). В то же время ведущим является лишь один из терминов — *циклизация*, что подчеркивается не только его выведением в заголовок, но и ролью в структурно-смысловой сегментации текста. Ниже приведены все текстовые реализации данного термина*:

Циклизация в современной прозе (заголовок). —> Тяготение к циклизации того или иного жанра обнаруживается тогда, когда этот жанр... (2-й абзац, предложение 2). —> *Для лирической*

* Здесь и далее знаком абзаца Z отмечены инициальные фразы абзацев.

миниатюры... циклизация становится... (14-й абзац, предложение). —> Z *Распространена циклизация и в жанре повести* (26-й абзац). —> Z *Свидетельством новых возможностей циклизации стал... роман в новеллах* (33-й абзац). —> Z *И здесь обнаруживается циклизация, но...* (41-й абзац). —> X *Циклизация разнообразна по своим задачам и по способам осуществления. Она проявляется...* (42-й абзац, последний).

Сравнение употреблений терминов *циклизация* и *цикл* в данном тексте показывает, что второй из них, будучи не менее частотным в тексте, используется в основном как средство сегментации в средней части статьи и особенно — когда речь идет о материале исследования. Его роль убывает к концу текста, тогда как роль проблемного термина *циклизация* возрастает. Явственной функцией последнего как вводящего крупный структурно-смысловой фрагмент текста, соответствующий подтеме: в четырех случаях из шести термин *циклизация* располагается в инициальных фразах абзацев и в связи с крупным теоретическим понятием жанра; в пределах же каждого фрагмента автор последовательно оперирует терминами *цикл*, *циклическое единство*. «Масштабность», строевая роль в целом тексте — более значимое текстовое качество, нежели механически подсчитанная частотность, и при определении основной номинации оно должно учитываться в первую очередь.

Следует заметить, что описанная выше «двойная» тематическая цепочка типична для многих научных произведений, что связано с разграничением темы как объекта, материала исследования и темы как проблемы. Проблемная цепочка организуется на базе термина, т. е. имеет сигнификативную основу, объектно-тематическая — связана с некоторым явлением реальности и нередко держится на референтном тождестве номинаций. Так, в тексте «Тематические и ключевые слова в языке русской поэзии XIX века. Обзор работ Г. Хетсо 1973—1985 гг.» (Изв.) отчетливо прослеживается цепочка с базовой номинацией *норвежский русист Гейр Хетсо* и дополнительными: *Г. Хетсо* (15 употреблений), *он* (5), *ученый* (1) *норвежский ученый* (1), *исследователь* (1). Это объектно-тематическая цепочка, в жанре обзорной статьи очень важная. Наряду с ней в тексте фигурирует проблемно-тематическая цепочка с базовым терминологическим сочетанием *тематические и ключевые слова* и дополнительными номинациями: *тематическая и ключевая лексика, она, слова с самыми высокими коэффициентами употребления*.

Обобщая все сказанное о тематических цепочках научного текста, отметим их структурно-содержательную определенность: в качестве основной номинации в них последовательно используется базовая, в составе неосновных номинаций наиболее значимы свернутые трансформы, после них, существенно уступая им в частотности, идут субституты. В семантико-стилистическом отношении

тематические цепочки научного текста единообразны, им свойствен книжный характер, так как данные цепочки задаются термином и реализуются на его базе. Определенная однотипность наблюдается и в области комбинаторики языковых составляющих научной тематической цепочки. Последняя характеризуется периодичностью использования основной номинации и относительным разнообразием перемежающихся с ней неосновных номинаций (повторенные в тексте неосновные номинации тематической цепочки почти никогда не встречаются рядом). Достаточно типично для научного текста явление «двойной» тематической цепочки.

Цепочки хода мысли научного текста

Научный текст характеризуется экспликацией логического разветвления мысли и в результате этого — обилием средств логического членения и относительно большой длиной цепочек хода мысли.

Состав наиболее частотных связок логического характера, классифицированных по типам выделяемой ими информации и по их стилистической окраске, приведен в табл. 2. Таблица показывает заметное преобладание языковых средств объективно-логического характера и большое количество средств с книжной стилистической окраской.

Т а б л и ц а 1

**Языковые средства композиционно-структурной связи
фрагментов текста**

Расположение фрагмента	Языковые связки
В начале развития темы или микротемы	Вначале, сначала, прежде всего, в первую очередь, начнем с..., начать необходимо с...
В середине развития темы или микротемы	Продолжим, перейдем к..., затем, теперь, сейчас, далее, здесь, дальнейший ход рассуждений..., еще одна закономерность
В конце развития темы или микротемы	В заключение, наконец, в последнюю очередь
В ряду подобных микротем	Во-первых, во-вторых, в-третьих
На дистанции к предшествующему фрагменту (фрагментам)	Еще раз, как отмечалось, как было показано, как отмечено выше, сказанное ранее, как явствует из предшествующего изложения, в приведенных выше мнениях, намеченные выше, вернемся к...
На дистанции к последующему фрагменту	Позже, позднее, дальше, далее, в дальнейшем, впоследствии, ниже следует, ниже приводятся, в последующем изложении

Тип выделяемой информации	Языковые связи	
	Нейтральные	Книжные и умеренно книжные
Объективно-логическая: основная	Основное, (самое) главное	Основной тезис... наиболее важным представляется; существенно; существо (чего) составляет
сущностная	Обратим внимание на...	Существенно то, что...; следует отметить (учесть)
типичная	Как правило, обычно, в большинстве случаев, чаще, всего	Характерно, типично, наиболее распространён
обобщающая	В общем, одним словом, короче говоря	Итак, таким образом, в итоге, обобщая все сказанное, отсюда следует, следовательно
выделяемая из общего ряда	Обратим внимание, среди (чего), заметим, что касается	Следует выделить, необходимо подчеркнуть, подчеркнем
дополнительная	Кроме того, при этом, добавим	Следует добавить, помимо этого, в дополнение к...
однородная	То же, такой же, то же самое	Одновременно, наряду с... в том же ряду, идентичное явление представляет собой...
частная	Один из... — это...	В частности, одним из... является (выступает)
составляемая	В то же время, с одной стороны — с другой стороны, напротив	В свою очередь, в связи с этим аналогичным образом, напротив, для сравнения возьмем
полученная из определенных источников	По словам N; N писал (отмечал, считал)	По мнению (данным, утверждению) N; как утверждает (сообщает, считает) N; вслед за N
ассоциативно привлеченная	Кстати, впрочем, между прочим	Отметим попутно, позволю себе отвлечься
иллюстративная	Например, так, вот так; это пример того, что...	Таким..., приведем пример, проиллюстрируем данное положение, в качестве иллюстрации используем..., в применении к..., ...демонстрируется примером
уточняющая	Точнее, иначе говоря, лучше сказать, так сказать; ясно, что...	А именно, иными словами, в другой терминологии
Субъективная:		
оценка логического тезиса по его достоверности, вероятности и т. п.	Конечно, в самом деле, трудно поверить, наверное, нетрудно заметить, естественно, вполне понятно, было бы лучше	Разумеется, безусловно, сомнительно, видимо, по-видимому, может быть, маловероятно, нужно ли повторять, как видим, следует предостеречь
эмоциональная	К сожалению, к счастью, удивительно, неудивительно	Достойно сожаления, вызывает восхищение тот факт, что...
оценка логического тезиса		
индивидуальное мнение автора	По-моему, я считаю, как мы попытались показать; думается, что...	На наш взгляд, беру смелость утверждать, мы предпочитаем говорить, автор полагает, по нашему мнению
усиление частного факта	Даже, только лишь, особенно	Именно в этом, здесь, наиболее заметен, подчеркнем

В составе отдельной цепочки хода мысли содержится, как правило, от двух до пяти связочных номинаций, указывающих на различные информационные особенности вводимого фрагмента. При этом различаются локальные цепочки, связывающие контактные или близко расположенные фрагменты, и глобальные цепочки, работающие как объединители крупных частей или целого текста.

Приведем примеры локальных цепочек хода мысли (тексты из ФС)*:

[Н] —> Для сравнения укажем... —> Приведем еще один пример... —> Если попытаться привести к общему знаменателю мнения о..., то...;

[Н] —> Z Прежде всего отметим, что... —> 7. Именно в этом заключалась... —> Z В обоснованности такого предположения нас убеждает... —> Z Если теперь взглянуть на..., то... —> Причем ниже мы..., а сейчас...;

[Н] —> Так, ... —> В связи с тем, что... —> Однако...;

[Н] —> Скажем,... —> А ведь тогда... —> Однако... —> [Н];

[Н] —> Между тем... —> В целом же... —> Между тем... —> [Н] —> Сказанное выше... —> Помимо... —> Все они...;

[Н] (заголовок) —> Z Наряду с... —> Основной задачей можно считать... —> Вместе с тем, как отмечает... Z. Сошлемся вновь на высказывание по этому вопросу... —> Z. Здесь... —> [Н];

[Н] —> Разумеется, ... было бы лучше, однако... —> В работе ставится задача...;

Известны... —> Z Ниже следует... —> Z Можно показать... —> Каждый из... —> Как пишет... —> Иначе говоря... —> [Н] —> Кроме того, ... —> Например...

В чем же состоят особенности языкового выражения цепочек хода мысли? Заметно, что немаркированными фрагментами являются начальный и, реже, конечный участки структурно-содержательного единства, соответствующего одному из развивающих тезисов текста, а внутренние связи в этом единстве эксплицируются с помощью различных логических связок.

Большинство информационных связей обладает относительно небольшой длиной действия, устанавливая отношения между смежными или близкими фрагментами текста. Связки «дальнего действия», организующие текстовую связь дистантно расположенных фрагментов, выделены в группу композиционно-текстовых связей табл. 1).

* Знаком [Н] отмечены коммуникативно сильные немаркированные единицы фразы или сверхфразовые единства), состоящие в непосредственной логической связи с фрагментом, вводимым связкой.

Они образуют собственные цепочки или пары. Научный текст может содержать сквозную цепочку, указывающую на последовательность раскрытия темы: *начало: прежде всего, начнем с..., первое —> продолжение: перейдем к..., продолжим, второе —> завершение: в заключение, итак, наконец, обобщая сказанное. Употребительны ретроспективные (еще раз, как отмечалось, вернемся к..., выше рассмотрено, ранее было сказано) и проспективные связки (позднее, ниже, далее, впоследствии, в заключении), которые носят отсылочный характер. Кажется, ничто не мешает использованию названных связей как средства связи внутри одного фрагмента, тем более что в научном тексте он может быть достаточно объемным, но используются они в этой роли редко. Таким образом, наши наблюдения подтверждают вывод И. Т. Севбо о том, что между связностью внутри абзаца и при соединении абзацев есть принципиальные различия (1969, с. 36).*

Характер вводимой информации и композиционная роль — в равной мере актуальные для научного текста свойства связей. Языковые связки часто komponуются в пары, причем композиционные сигналы предшествуют информационным: *здесь следует обратить внимание; приведенный выше пример; перейдем к наиболее существенному явлению. Могут образовывать пары и связки субъективно-логического и объективно-логического характера, к примеру: неудивительно, например. Однотипные единицы группируются редко, хотя одна из них частотна: так, например.*

Лексический состав цепочек хода мысли очень эластичен. Здесь развита синонимика и вариантность форм. Пожалуй, нет связки, которую нельзя было бы заменить синонимом или вариантом-трансформом, например: *согласно этому, сообразно с этим, в соответствии с этим; итак, таким образом, в итоге, на выходе; так, например, приведем пример, обратимся к иллюстрациям, иллюстрацией служит. Это дает автору научного текста определенный — и немалый — простор для достижения разнообразия, а если для кого-то он мал, то можно искать более оригинальные способы передачи идеи логической связи определенного типа, что и наблюдается в некоторых научных работах. Однако при всей неординарности такие связки неизменно и точно соответствуют тому или иному языковому типу и легко приводятся к стандарту, см.: если привести к общему знаменателю... —> если обобщить; проведем одну небезынтересную параллель —> сопоставим; нужно ли повторять, что... —> вернемся к...*

Таким образом, средства логических связей научного текста гармонизированы в отношении стандартности/нестандартности: стандартность в нем преобладает, но разветвленность вариантов и возможность индивидуального речевого варьирования на базе стандартного смысла лишает текст чрезмерной жесткости, стандарта, возведенного в принцип.

Наблюдения над содержательной стороной цепочек хода мысли в научном тексте позволяют утверждать, что наиболее разработанной и облеченной в специальную языковую форму является логика решения проблемы. На наш взгляд, вывод Л. В. Славгородской о том, что в устной научной речи «в центре внимания говорящего — не структура, а динамика логических связей» (1983, с. 43), имеет более широкий адрес и относится, по крайней мере, к научной речи в целом.

Ход мысли в ее становлении и развитии, а затем завершении структурируется на основе категории последовательности и выражается в цепочках хода мысли различной длины и структуры. Мысль же автора как данность и результат в соотношении ее структурных частей извлекается из текста путем абстрагирования от многих его фрагментов, в отвлечении от логики изложения и представляет собой логический конденсат целого текста. Это собственно содержательное образование, обладающее значительной самостоятельностью по отношению к типовому структурированию развертывания мысли автора. Таким образом, разграничивая структуру авторской мысли (логическую схему текста) и развертывание (ход мысли в тексте), мы относим рассмотренные цепочки средств связи непосредственно к логике изложения и опосредованно — к структуре авторской мысли.

Тональность научного текста

Вопрос о мере субъективности научной речи относится к числу дискуссионных, причем в литературе высказаны крайние точки зрения*. Ср.: «Объективность, однозначность, безэмоциональность, бессубъективность — нормы (научного. — Т. М.) стиля на всех языковых уровнях. Отступления от них могут носить лишь частный характер, будучи обусловлены полемическими, публицистическими или популяризаторскими задачами» (Васильева, 1981, с. 67), и «Фактор «субъект речи» ... находит лингвистическое выражение в разных аспектах смысловой структуры научного текста, что позволяет говорить о присущности научному стилю речи такой черты, как «субъектность» (Лапп, 1988а, с. 14).

Тональность в изложенном выше понимании составляет лишь часть интегрирующей комплексной категории текстовой субъективности. В определении ее наличия/отсутствия будем ориентироваться на языковое поле тональности и опираться на лингвистическую выраженность психологической установки автора научного текста в группе текстов различной жанровой и содержательной принадлежности. Сразу следует отметить логизированный характер средств тональности. Основными, ядерными единицами текстового

* Обзор литературы вопроса см. в работе: Котюрова, 1988, с. 36—40.

поля тональности в научном тексте являются не прямые выразители эмоций (эмоционально-экспрессивная лексика), а периферийные средства языкового поля тональности — нейтральные слова, обозначающие эмоции, т. е. передающие понятия об эмоциях (*удивительно, интерес, несомненно, попытка* и т. п.).

Языковые средства тональности можно классифицировать с учетом не только их собственной семантики, но и характера смысловой направленности. Так, особую группу образуют средства тональности, адрес которых — собственно научная проблема, решаемая автором, ее отдельные аспекты, задача, ход и результат исследования. Набор логизированных отсылок к чувствам в научном тексте очень невелик. Ученому позволительно выражать лишь три-четыре «неравнодушных» состояния: уверенность/неуверенность, интерес, удивление, сожаление: *интересно, небезытересная схема, конечно, очевидно, можно с уверенностью утверждать, несомненно, вне всякого сомнения, возможно, вероятно, попытаемся, сделаем попытку, к сожалению*. Слова и обороты, подобные приведенным, употребляются в сочетании с глаголами речи, мысли, восприятия. Обособленность, дополнительный характер напoминаний о чувствах подчеркиваются тем, что большинство таких единиц употребляется в синтаксической роли обособленных оборотов.

Следующая группа средств тональности связана с эмоциональной оценкой чьей-то исследовательской позиции или с фиксацией чьей-то оценки. Набор средств тональности здесь несколько богаче, а способы их включения в текст менее стандартны, например: *обращение к ним предоставляет неоценимую возможность...; не меньший интерес вызывает другая работа N; интересную попытку находим в...; как известно, N весьма болезненно воспринимал...; отношение к Байрону со стороны N эволюционировало от холодно-равнодушного к откровенно враждебному*.

Наконец, последняя группа средств тональности направлена на факты, которые находятся в поле зрения автора. Выраженность тональности такого типа зависит от научного направления и сложившихся в нем традиций. Так, в литературоведческих и искусствоведческих работах тонально окрашенное отношение к объекту исследования получает многообразное языковое выражение: *горькая ошибка, непоправимые последствия, война жестока; как обидно, что люди гибнут* (статья «Трагические случайности и необходимость на войне в произведениях К. М. Симонова» — Изв.); *враждебное отношение протопoпа Аввакума к изучению грамматики нашло свое выражение в резком неудовольствии...; Аввакум тоже резко порицал никониян* (статья «Никоновская книжная справа в языковом восприятии старообрядцев второй половины XVII в.» — Изв.).

На наш взгляд, производят эмоциональный эффект и образные средства научного текста. Х. Касарес писал: «...причина, позволяю-

шая включить образность в систему не прямых эмоциональных значений, заключается в приятном ослаблении напряжения, которое она вызывает в душе, освобождая нас от усилия, требуемого процессом абстрактного мышления» (1958, с. 122). Характерно, что названные выше основные единицы текстового поля тональности нередко сопровождаются образным или экспрессивным эпитетом: *глубокий интерес, богатые традиции, плодотворная попытка, гигантский шаг* и т. п. Слово сочетания названного типа стандартизованы, они представляют собой набор клише, весьма употребительных в научной речи. Особенно часто встречаются сочетания с эпитетами *глубокий (интерес, разработка, наблюдения, импульс, содержательность), высокий (престиж, результат, оценка), богатый (опыт, содержание, традиции)*.

В равной мере образ срабатывает и как экспрессивное средство (средство усиления), причем современный научный текст отнюдь не пренебрегает отечественной традицией яркой и выразительной речи. Среди используемых в нем лексических усилителей есть достаточно распространенные и стандартные (*ведь, же, только, абсолютно, самый, сильный, эффектный, яркий, мощный* и т. п.), но есть и редкие, вплоть до индивидуальных (*разгул случайностей, гигантская ойкумена гетевского наследия*).

Важную роль в создании поля тональности играет также ритмика текста и средства других уровней языка. Так, чрезвычайно лаконичное, оформленное короткими рублеными фразами введение в текст «Значение союза *но*: нарушение «нормального положения вещей» (Изв.) в сочетании с большим количеством лексических сигналов уверенности (*справедливо, естественно, N права, по той простой причине, мы признаем лишь, бесспорно*), а также интонационным выражением эмоционального усиления (*попытка «закрепить» соответствующий смысл (индуцируемый контекстом!); прежде чем описать это (единственное!) значение*) создает впечатлительно-энергичного, напористого, молодого тона.

Если взять для сравнения введение к тексту «Коммуникативный принцип исследования текста» (Изв.), с его правильными чередованиями длинных (до 40—50 слов) и коротких фраз, строгой сдержанностью и в то же время несомненной уверенностью (уверенность не подчеркивается специальными лексическими средствами, но вытекает из оценочно-образных характеристик типа: *блестяще использованный, глубокие наблюдения, богатая традиция, четких утверждений: это не случайно; в ... накоплен значительный опыт; для продуктивного движения мысли... необходимы и соответствующие познавательные средства* и т. п.), то можно заключить, что данный текст выдержан в тонах зрелой уверенно-спокойной манеры.

Состав языковых средств текстового поля тональности в научной речи, а также достаточно заметная, но явно не ведущая роль

этого поля в научном тексте (тексты точных наук далеко не всегда имеют поле тональности, так как характеризуются лишь одиночными вкраплениями такого рода) позволяют определить характер эмоционального авторского выражения в основном жанре научного стиля — проблемной статье как «отодвинутый» по текстовой значимости.

Особо следует остановиться на жанре рецензии. Оценочность данного жанра (положительная рецензия — отрицательная рецензия) открывает дорогу базовым средствам тональности, если они желательны для автора. Однако чаще всего и здесь эмоциональность логизирована, а усилительность используется многогранно и многократно. Обращение к базовым средствам связано с крайними позициями автора рецензии. При этом допустимы сильные оценочные выражения, обеспеченные интонационными средствами в сочетании с контекстными: *Уместен ли этот ... признак там, где речь идет о...? Но ведь в духе этой формулировки N можно сопоставить с M, которые...! Как все это сочетать с...? N утверждает, что поэзия M чужда музыке. И это сказано об одном из самых...!*

(Изм.) Кроме того, в этом же тексте используются эмоционально-оценочная лексика (*вольное обращение с материалом, странное впечатление, замечательный поэт*), ирония (*Что же нового вносит Л в эту концепцию? Очевидно, «новое» заключается в весьма упрощенном и прямолинейном истолковании...*). Совокупность этих средств создает чрезвычайно сильное поле тональности личностного неприятия, нескрываемого возмущения автора рецензии по поводу рецензируемой работы.

Подобная насыщенность встречается сравнительно редко. Чаще рецензия пользуется более стандартными для научной речи средствами тональности, как и «юбилейная» статья. Отметим лишь высокую плотность специальных средств тональности на пространстве текстов данных жанров.

В целом можно констатировать тот факт, что представленность поля тональности в научном тексте определяется рядом факторов, в числе которых первыми должны быть названы отрасль науки и жанр текста.

Значимость психологического самораскрытия автора невелика в конкретных исследованиях из области точных наук, возрастает в естественно-научной сфере и существенна для наук гуманитарного цикла. Жанровое влияние определяется его оценочным/неоценочным характером. Отдельные жанры, оценочные по своей сути (рецензия, «юбилейная» статья), занимают особое положение в плане тональности. Поле тональности в них может быть ведущим, хотя это определяется, в конечном счете, замыслом автора, жанр лишь открывает такую возможность. Другие факторы воздействия на представленность и значимость поля тональности — это содер-

жательные особенности текстового фрагмента (полемиические части ярче по тональной окраске), направленность эмоциональной оценки, уровень общей культуры и языковая одаренность автора текста.

Семантической особенностью тональности научного текста является логизированность. Текстовое ядро поля не совпадает с языковым ядром, и если обращать внимание только на лексический уровень, то научный текст скорее напоминает об эмоциях, чем выражает их. С поддержкой интонационно-синтаксических конструкций, ритмики, средств речевого усиления тональность в научной речи получает свойственное полю многомерное выражение и становится полноправной категорией научного текста в целом — при большом диапазоне варьирования в зависимости от темы, жанра и творческой индивидуальности автора текста.

Оценочность научного текста

Тональность научного текста неотрывна от его рациональной оценочности. Последняя выражается открыто, с использованием базовых языковых и близких к ним единиц, так что основными текстовыми здесь выступают базовые дотекстовые единицы.

Косвенный, второстепенный характер категории оценочности в научных текстах связан с тем, что в них преимущественно оценивается не собственно проблема, а разработка этой проблемы в научной литературе. Таким образом, оценочное поле — это «рецензионное» поле научного текста, и этим оно существенно отличается от поля тональности, в котором отражается авторское мироощущение и лишь наряду с ним — эмоциональное осмысление тех или иных научных воззрений.

Поле оценки формируется достаточно большим набором лексических единиц, близких семантически к базовым понятиям *хорошо/плохо*. Употребительны обороты на базе слов: *удачный (найде-на удачная форма; удачной представляется подача...; удачный пример), убедительный (убедительные работы; решение очень убедительно), корректный (корректное решение; корректный подход), оптимальный (оптимально решена проблема; оптимальный способ), продуктивный (продуктивное движение мысли), авторитетный (авторитетное мнение, утверждение; авторитетный историко-литературный труд), безупречный (безупречная точность), успешный (аналогичные работы успешно ведутся в...), значительный (значительная работа; значительный успех)* и др. Отрицательные оценки выражаются реже, для этой цели используются производные от названных выше единиц антонимы: *неудачный, неубедительный, некорректный* и др.

Кроме рассмотренной группы собственно оценок, в научной речи используется большая группа лексических средств, указывающих на соответствие или несоответствие означаемого основным требо-

ваниям к научному исследованию. К ним относятся правильность, точность, новизна, актуальность, логичность исследования, а также точность, содержательность, наглядность речевого оформления исследования. Соответствие названным качествам равно положительной оценке, несоответствие — отрицательной. Ср. положительно-оценочные: *верно, более верным представляется, точно, строго соответствует, весьма логично, оригинально, авторская находка, впервые, новаторский труд, актуально, до сих пор не потеряло актуальности, очень нужно, наглядно представлено* — отрицательно-оценочные: *представляется неверным, ошибка заключается в..., теряют смысл, неточность, небрежно; утверждения, противоречащие основному тезису; упрощенное истолкование, обеднить*.

Таким образом, оценочное содержание в целом получает в научном тексте достаточно разнообразное и в то же время стандартизованное выражение. За исключением части рецензий, авторские оценки и самооценки связаны с различными видами коннотативных значений: рациональной оценочностью и психологической окраской. Со стороны автора научного текста по отношению к своему исследованию и анализируемой проблеме допустимы определенные отступления от нейтрального тона в пользу психологически окрашенного (выражение интереса и др.), по крайней мере, указание на психологические краски. По отношению же к исследованиям по данной проблеме других авторов и к самим этим авторам психологические краски используются редко, и лишь положительные, но уместна и употребительна объективированная рациональная оценка, как положительная, так и отрицательная.

Кроме «рецензионной» линии, в оценочном поле содержится рациональная (нередко в сочетании с эмоционально-экспрессивной) оценка научных фактов по степени их значимости, пригодности для целей анализа и т. п.: *вершинное стихотворение, плодотворный контакт, неудачная операция*. Эта группа оценочных единиц, естественно, выражена в тексте гораздо слабее и сильно зависит от сферы знания и темы исследования. В связи с последним следует еще раз вспомнить о гуманитарном направлении в науке, а в его пределах — о литературоведении, поскольку здесь подобных единиц больше.

Оценочные единицы научного текста неравномерно располагаются на его пространстве. Их скопление связано с определенными содержательными частями текста, к которым прежде всего относятся введение, а в нем — изложение истории вопроса, плюс все полемические фрагменты текста (как во введении, так и в основной части). Наряду с этими «плотными» участками поля оценок используются также малые группы оценочных единиц и одиночные их употребления, необходимость в которых возникает по ходу аргументации и представления материала.

Темпоральная структура научного текста

Объективное время научного текста, с учетом связи «текст — ситуация научной деятельности», — это время проведения научного исследования во взаимосвязях с его предысторией и перспективой развития. Смысловой точкой временного отсчета является время создания научного текста, а две другие позиции — объективное прошедшее и объективное будущее время — связаны с предысторией вопроса и его дальнейшей разработкой.

Основное содержание научного текста не наделяется объективными (эмпирическими) темпоральными характеристиками. Здесь реализуется концептуальное время, для которого важны не абсолютные, а относительные диахронные или синхронные связи (Тураева, 1986, с. 87). Таким образом, в научном тексте выделяется два типа темпоральной семантики. Первый включает в себя объективное текстовое время, создающее единую темпоральную перспективу научного текста, которая согласуется с этапами становления и развития авторской концепции (Баженова, 1987). Второй тип, концептуальное время, связывается с основным этапом ситуации научного исследования, этапом изложения теории, и таким образом вписывается в общую темпоральную перспективу.

Рассмотрим названные разновидности текстового времени в научном стиле.

Объективное время наиболее часто проявляется как объективное прошедшее. Последнее актуально применительно к этапу формирования гипотезы исследования и связано с выражением преемственного знания, что обязательно для исследователя. Основным способом выражения объективного прошедшего служит прямая датировка научного события, выполняемая непосредственно в тексте или с помощью ссылок: *Известный русский лингвист N в 1890 г. писал ...*; *Вопрос, рассмотренный в статье N («Вопросы языкознания, 1977, № 1»)...*; *Проблема Гете — Байрон рассматривается в целом ряде работ (1—7); Его роль высоко оценивал Ж. Вандриес² (Изв.).*

Если в научном тексте используется точная или обобщенная (в конце XIX века, в русском языкознании) датировка разработанности проблемы до автора, то она оформляется, как правило, в грамматическом прошедшем времени, много реже — в грамматическом настоящем. Разница между этими способами не принципиальна, так как ведущей семантической составляющей выступают лексические, а не грамматические указатели и в любом случае события преподносятся как объективно состоявшиеся. Однако собственнo стилистические различия прослеживаются. Формы грамматического прошедшего отделены от авторского восприятия, формы же настоящего напоминают «настоящее изобразительное», они приближают излагаемое мнение к современности и нередко подчер-

кивают его близость к собственной концепции автора. Частотность форм настоящего грамматического времени глаголов при передаче объективного прошедшего естественно повышается, когда речь идет об авторах — современниках пишущего.

Наряду с основным способом передачи объективного времени (прямой датировкой) используется способ косвенного лексического указания. Показателями объективного времени служат лексические единицы, в значении которых есть сема времени, причем здесь употребительны указания на период, а не на точку во времени: *отечественная традиция, на протяжении длительного времени, в послереволюционный период, задолго до...* Своеобразными указателями такого рода являются собственные имена: *такой взгляд... восходит к Аристотелю*. Конкретное текстовое содержание подобных единиц обычно не расшифровывается в контексте конкретного научного произведения: их адекватное восприятие предполагает опору на presupпозицию.

Средства выражения объективного прошедшего времени чаще всего сконцентрированы во вводной части научного текста, см., например, статью «Метод сравнения в синхронном языкознании» (Изв.): *На протяжении длительного времени в языкознании термин... был... Однако уже в конце XIX в. стали появляться... Известный русский лингвист... в 1890 г. писал... С развитием типологических идей стали все чаще... На возможности различного использования процедуры сравнения... указывал N (7, с. 11). В недрах Пражского лингвистического кружка проблема... получила дальнейшую разработку. Так, N посвятил ей специальную работу (9, с. 33).*

В основной части научного текста такой плотности не бывает, но одиночные отсылки или небольшие их группы — норма для корректной научной работы. Что касается объективного будущего времени, то оно имеет проспективный характер (Стриженко, Кручинина 1985, с. 95) и возникает в тех фрагментах текста, которые указывают на дальнейшее развитие или отдаленный результат излагаемой теории (в заключении или, по более частным вопросам, в основной части текста). Обозначение перспективы исследования не является обязательным для экспликации этапом авторской концепции, и в жанре статьи объективное будущее время используется не часто. При необходимости оно реализуется на лексической основе с участием грамматического настоящего и будущего: *в дальнейшем предполагается, в будущем планируется, изложение вопроса будет продолжено в...*

Объективное настоящее время приходится на основной этап ситуации, научного исследования — этап создания теории, но здесь

происходит его трансформация в концептуальное время. Это выражается прежде всего в условности временной точки отсчета — авторского «сейчас». Научное «сейчас» — это не конкретно-историческая дата. Важно не столько «сейчас» как денотатно обеспеченное «сегодня», «в определенном году», «во время создания данной теории», сколько «сейчас» в смысле «на современном этапе определенного мыслительного процесса», осуществляемого, в некотором смысле, коллективно — с участием тех ученых, которые обращались к исследованию данной проблемы раньше автора. С другой стороны, для настоящего концептуального не характерна «точность». Авторское «сейчас» можно уточнить как «сейчас и всегда с этого времени», поскольку убежденное изложение собственной теории как достигнутой истины — норма научного текста (относительность этой истины подразумевается, но это не меняет дела).

Отличный от всех иных этапов по существу и реализующийся в концептуальном времени, этап авторской теории значительно отличается от других этапов и в плане языкового выражения категории времени. Здесь не играют никакой роли лексические темпоральные указатели, зато грамматические выдвигаются на первый план.

Известно, что наиболее актуально для научного текста настоящее вневременное глагола (Кожина, 1983, с. 168), которое в наибольшей степени отвечает конструктивному принципу научной речи — обобщенности и отвлеченности. Это относится именно к отражению этапа авторской теории. В соответствующих фрагментах научного текста, составляющих большую часть его объема, настоящее постоянное может преобладать или даже быть единственной принятой глагольной формой сказуемого. Однако абсолютизировать данное явление нельзя, реальная картина сложнее.

По нашим данным, встречается немало научных текстов, в которых при изложении авторской теории используются свободные переходы между настоящим и прошедшим временем глагола, причем это отнюдь не объясняется отражением реальных эмпирических временных переходов. Данный факт обнаруживает, что основная (или, возможно, одна из основных) функция грамматического времени в тексте — не объективно-семантическая и не абсолютная, и делать выводы о семантической структуре текста на основании грамматических показателей некорректно. Г. В. Колшанский верно заметил: «Определение грамматических маркеров текста является иллюзорной задачей» (1974, с. 140). Основная функция форм грамматического времени — это функция сегментации текста на сложные структурно-содержательные части и, как ее логического дополнения, интеграции отдельных смысловых фрагментов в структурно-содержательное единство (Стриженко, Кручинина, 1985, с. 93).

Нередко в тексте оказывается важна не собственно форма времени с присущей ей абстрактной семантикой, а мена грамматических форм, с помощью которой более четко сегментируются различные информационные части текста. Проиллюстрируем данное положение.

В статье «Метод сравнения в синхронном языкознании» (Изв.) с помощью введения формы грамматического настоящего времени после обширного ряда форм грамматического прошедшего обозначен конец обзора и переход от описания преемственного знания к его обобщению: *На протяжении длительного времени термин «сравнение» был односторонне ориентирован на ... Однако уже в конце XIX в. стали появляться высказывания о... Известный русский лингвист писал... С развитием типологических идей стали все чаще противопоставлять... рассмотренные выше точки зрения на роль сравнения в лингвистике (и т. д. — на протяжении фрагмента из шести абзацев. —> Рас-ском анализе показывают, что развитие современной науки о языке характеризуется наличием целого ряда исследовательских приемов и подходов.*

Релятивность значения грамматических форм глагольного времени доказывается возможностью трансформации этих форм из одного времени в другое, а также наличием больших участков текста, выдержанных в одном грамматическом времени.

Еще одна — сходная, но более масштабная — функция грамматических форм времени — это установление дистантной связи фрагментов в целом тексте. Замечено, что композиционно-текстовые связки, а также сигналы хода мысли целого текста оформляются однотипными видо-временными и личными формами глаголов. См., например, текстовые логические связки по тексту «Гете и Байрон (в связи с концепцией мировой литературы)» (Изв.):

Настоящая работа ставит своей целью... (1-абзац). —> Для сравнения укажем... (2-й абзац). —> Z Заметим здесь, что... (6-й абзац) —> L Вернемся к... (7-й абзац). —> Z Присмотримся более внимательно к... (9-й абзац). —> Z Прежде всего отметим... (15-й абзац). —> Z Подчеркнем... (21-й абзац). —> Z Отметим... (23-й абзац). —> Z Проведем одну ... параллель (24-й абзац). —> Z Прежде всего отметим, что... (32-й абзац). —> Z Мы лучше поймем это, если... (36-й абзац), —> Z Заметим, что... (57-й абзац). —> Z Подведем некоторые итоги (58-й абзац, последний).

Чаще всего с помощью грамматических показателей дублируется лексически выделенная линия текстовой связи.

Итак, научный текст в целом характеризуется единой темпоральной перспективой в соответствии с этапностью ситуации науч-

ного исследования (объективно-темпоральная линия текста). Концептуальное время базируется на объективном настоящем и является неизменным на протяжении всего изложения собственной теории автора.

Наши данные не подтверждают вывод З. Я. Тураевой о том, что научный текст ориентирован на грамматический момент речи, который представляет собой отраженный в языке внеязыковой момент речи (за знаком — объективная реальность) (1986, с. 97). Соотнесенность с миром реалий в научном тексте, как и в художественном, осуществляется на уровне текста, и грамматическое время полностью подчинено текстовой темпоральной организации.

Объективное и концептуальное время обладают различными способами текстового выражения. Ядро языковых средств выражения объективного времени образуют лексические средства, а концептуального времени — грамматические формы настоящего времени глагола. Мена грамматических форм при передаче обоих типов категории времени используется в целях сегментации текста.

Локальная структура научного текста

Преемственность — столь же важный экстралингвистический фактор научного текста, как и формирование знания (Баженова, 1987), поэтому всю информацию такого текста можно разделить на преемственную и новую. С преемственной информацией связана одна из пространственных координат научного текста. Точность, важный конструктивный принцип научной речи, влечет за собой, в частности, не только темпоральную, но и локальную привязку преемственных знаний через указание на источник информации, ее материального носителя, будь то печатное издание, научное учреждение или человек, например: *В учебные пособия по стилистике, даже в школьный учебник, включены краткие сведения о...; В целом ряде статей описаны отдельные явления, типичные...; В Саратовском университете эта работа проводится уже много лет; Работами В. М. Тобирковой и Н. В. Шевченко убедительно доказано, что... (ФС).*

Значительная часть пространственных указателей названного типа носит клишированный характер, причем в составе клише объединяются указатели времени создания и местонахождения предшествующей информации. Широко известны такие клише, как: *В... году (веке) в работе (статье, монографии, трудах) дано обоснование...; Первое обращение к данному вопросу (проблеме) встречается (отмечено) в работе...; Данная теория в своих чертах восходит к трудам N; Как отмечает N в работе ...; Уже N отмечал...*

Характерной чертой научного текста являются точные библиографические сведения об источнике преемственной информации, что достигается с помощью сносок, сопровождающих текстовые указания на источник, или с помощью самостоятельных (выделяются скобками) цифровых отсылок к приводимому в конце издания списку литературы. Второй способ, чрезвычайно экономный и не авторизующий информацию непосредственно в основном тексте научного произведения (*Радиальные части атомных функций... были взяты из [5]. — МР*), в настоящее время вышел за пределы точных наук и утверждается в научной речи независимо от сферы исследования.

В грамматическом отношении локальные указатели источника преемственной информации неоднотипны. Чаще всего грамматическая и лексическая семантика дополняют друг друга (*В литературных источниках по Туве мы находим сведения о цаме только в книге... (РП)* — словосочетание на базе лексической единицы из тематической группы «литературное издание» в синтаксической роли детерминанта), но это не обязательно. Локальная привязка достаточно часто выражается и одним только семантическим способом: *В 1985 г. издательство Пекинского университета выпустило учебник Фу Хуайцина по современной китайской лексике (ВЯ)*.

Локальная привязка преемственной информации по источнику используется в научных текстах вне зависимости от научного направления и темы исследования. Степень насыщенности текста пространственными указателями зависит только от жанра и резко возрастает в жанрах обзора и рецензии.

Таким образом, одной из пространственных линий в научном тексте является локальная «паспортизация» преемственного знания, обязательная для исследователя как доказательство корректности исходных посылок и гипотезы, а также как средство ознакомления читателя с историей вопроса. Можно утверждать, что не существует научного текста, в котором не была бы выражена эта смысловая линия, назовем ее пространственно-ситуативной, или объективно-пространственной. Конечно, объективное реальное пространство, связанное с научной речью в данном контексте, очень ограничено: в рассмотренной ситуации фиксируется только пространственная принадлежность источника знания, полностью отсутствуют характеристики векторного характера (с указанием направления или взаимной ориентированности характеризующихся явлений), лишь в редких случаях пространство связывается с действием в нем.

Учитывая универсальность пространственно-временных представлений человека и его способность создавать по аналогии с реальным концептуальное, социальное и другие виды простран-

ства, можно предположить существование в научном тексте еще двух пространственных координат — пространственно-теоретической (концептуальной) и пространственно-фактической. Научные понятия, первичные и основные элементы научного знания, несут условно «точечный» характер, но научная концепция неизбежно представляется объемным явлением. Что же касается фактического материала, на основе которого строится теория, то его реальная объемность не вызывает никаких сомнений.

Пространственная характеристика нового теоретического знания осуществляется в научном тексте очень экономно. Встречаются характеристики ограничительной семантики, например, указание на границы данной концепции. Пространственные указатели этого, первого типа — нейтральные слова соответствующей семантики: *область, сфера, зона, русло, рамки, границы, ряд* и др., давно сформировавшие в структуре лексического значения отдельные лексико-семантические варианты, соответствующие описанному употреблению их в научной речи: *Область, о которой далее пойдет речь, а именно образование некоторых типов каузативных глаголов, находится строго говоря, на границе словообразования и формообразования глагола* (ВЯ).

На базе этих и подобных указателей в русском языке сформированы отыменные предлоги (*в области, в сфере* и др.), семантически тождественные первообразным, а стилистически прикреплённые к книжным стилям речи. С помощью этих предлогов образуются типичные конструкции научной речи — обстоятельственные детерминанты пространственного значения.

Возможен также иной вариант ограничительности, когда пространственный указатель очерчивает более крупную единицу, в пределах которой находится концепция того или иного исследования: *Предпринимаемые в настоящее время в рамках интеллектуальных систем и автоматической обработки текста попытки формализовать знания о внешнем мире при помощи тезаурисов, фреймов, семантических сетей и т. п. — это...* (ВЯ); *Таким образом, в рамках приближения релятивистских присоединенных плоских волн удалось объяснить природу...* (МР). Типичные клише ограничительности — *в рамках метода, в системе терминов* и т. п.

В сочетании с приведенными выше субстативными пространственными указателями используются глаголы *находиться, располагаться, относиться, лежать, являться*. В отличие от пространственно-ситуативных характеристик, в числе пространственно-теоретических отмечены лексические единицы, содержащие сему направленности: *направление, путь, ход* (они часто используются в жанрах обзора и рецензии: *именно это направление выбрано N.; это плодотворный путь; данный ход позволяет N. осуществить...*).

Собственно ~~локальное~~ значение выделенных и подобных указателей нередко бывает размыто, осложнено дополнительными логическими смыслами (Котюрова, 1988, с. 79) или указывает лишь на связь, отношение, и в этом качестве пространственный указатель, похоже, перестает быть необходимой частью контекста. Ср. контекст: *Область, о которой далее пойдет речь, а именно образование некоторых типов каузативных глаголов, находится...* (ВЯ) — с его трансформацией: *Образование некоторых типов каузативных глаголов находится...* Однако нельзя не заметить и информационные потери, происшедшие при трансформации. Оригинальная фраза именно с помощью пространственного указателя *область* подчеркивает масштабность предмета речи и синхронный взгляд на него, т. е. содержит больше информации; кроме того, оборот с пространственным указателем *область... находится*, будучи основан на вторичных значениях лексических единиц, если и не является образным, то сохраняет остаточную образность и тем самым работает на интересы адресата.

Вторая разновидность пространственно-теоретических характеристик — это указание на положение данной теоретической категории в ряду однотипных или за пределами этого ряда, осуществляемое с помощью предлогов *среди, в ряду, в кругу, в числе, наряду с, помимо, за пределами, кроме*, а также указание на ее положение по отношению к более крупной теоретической категории — с помощью предлогов *в, в составе*: *Среди глубинных падежей Филмора есть особый «падеж» — инструменталис; У Гераклита же наряду с понятием «логос» возникает «номос»* (ВЯ).

Итак, концептуальное пространство обозначается в научном тексте очень сдержанно и сводится к двум-трем смысловым задачам: очертить границы выделяемого теоретического явления, указать на область его функционирования или сферу действия избранного метода, расчленив предлагаемую теорию на составляющие.

Пространственную характеристику материала в научном тексте, напротив, можно назвать повсеместной. Фактический материал обладает фактными квантитативными характеристиками (см. клише: *объем материала; большая, меньшая, значительная часть материала*), а с помощью предлогов пространственного значения и глаголов с семой пространства (*находиться, располагаться, распространяться, достигать* и т. п.) он получает в тексте конкретную пространственную характеристику, в том числе векторную. Материальный состав пространственных лексических указателей в этом случае совпадает с пространственно-теоретическими. Вообще пространственно-фактическая (назовем ее так) линия — не самоцель научного текста. Она носит вспомогательный характер по отношению к линии теоретической (новому научному знанию) и тесно связана с констатацией определенного теоретического положения (Котюрова, 1988, с. 78).

Элемент нового теоретического знания подается как научный факт с его пространственной привязкой по материалу, т. е. с указанием области реального действия данного факта. Возможно, поэтому пространственная характеристика собственно научного факта оказывается избыточной.

Проиллюстрируем приемы пространственно-фактической характеристики в научном тексте: *Слог в хинди может насчитывать одну, две или три моры* (ВЯ); *Обереги-запреты, связанные с медведем, были широко распространены среди эвенков и других тунгусоязычных народов* (РП); *Состояние аргона в металлах активно изучается* (МР).

Пространственно-фактические указатели встречаются практически во всех научных работах анализируемых жанров и реализуются, как правило, в рамках синтаксической позиции обстоятельства места на крайне разнообразном лексическом материале, внутреннее сходство которого заключается лишь в том, что он обозначает эмпирическую базу научного исследования. Характер обозначения при этом неоднороден: могут обозначаться собственно материал (предмет исследования), место его действия (сфера функционирования), а также побочные факты, связанные с эмпирической основой исследования.

Наиболее типичное расположение пространственно-фактических указателей научного текста — в иллюстративном фрагменте, часто после логических связок *так, например* и др. Они могут выполнять и более масштабную текстообразующую роль, например, служить сквозным средством связи композиционной части научного текста. В этом случае пространственно-фактические указатели располагаются в инициальной части абзацев и тесно связаны между собой семантически — вплоть до тождества лексических указателей: *З В ц и к л е отражается... —> Z ...З д е с ь отмечается... —> Z Разбросанные в отдельных миниатюрах мысли писателя... —> А. Общей художественной задаче подчиняется структура цикла. В каждой из его трех частей собраны...*

Тесная связь пространственно-фактических характеристик с теоретическими позициями научного текста, а также материальное совпадение пространственно-теоретических и пространственно-фактических указателей отражают закономерную связь эмпирической основы и логического результата научной деятельности. Это позволяет предположить возможность выделения единой системы пространственных координат нового знания в научном тексте.

Третья группа пространственных характеристик связана с осмыслением самого текста как материального объекта, имеющего линейные и объемные, количественные и векторные пространственные признаки. Часть пространственных указателей такого рода — указания на место размещения определенного содержательного фрагмента в целом тексте — являются средством связи содержа-

тельных фрагментов по линии проспекции/ретроспекции. Это клишированные единицы, чаще всего на основе словоформ *выше* и *ниже* (последняя встречается много реже первой), передающих зрительное представление о письменном тексте: предшествующая информация располагается на листе текста выше, а последующая — ниже условной «точки логической остановки» автора текста. Названные словоформы сочетаются с узким кругом глагольных форм прошедшего или будущего времени: *выше отмечалось, было упомянуто, приведено*. Возможны отсылочные указания: *см. выше, см. ниже*. Есть и более конкретные пространственные указатели проспективного и ретроспективного характера, в которых используются обозначения стандартных композиционных частей текста: *во введении было указано; подробнее данный вопрос будет рассмотрен в главе 3; см. введение; см. с. 213*.

Достаточно часто встречается в научном тексте и обозначение «точки логической остановки» автора с помощью наречия *здесь*. По существу, это фиксация точки текста, в которой автор отклоняется от магистральной линии рассуждения, с тем чтобы сделать дополнительное замечание, заглянуть в историю вопроса, позволить себе прагматически оправданное отступление от темы: *здесь, что...; здесь следует вспомнить...; сошлемся здесь на...*

Итак, научный текст располагает, по крайней мере, тремя пространственными координатами: пространственно-ситуативной, связанной с характеристикой преемственного знания, комплексной пространственной координатой нового знания с теоретической и фактической составляющими и пространственно-композиционной координатой, связанной с созданием и строением текста.

Размещение пространственных указателей в тексте подчиняется требованиям жанра и композиции. Высокой концентрацией пространственных сигналов первого типа характеризуется введение научной статьи и жанры обзора и рецензии в целом. Второй тип локальных указателей связан с основной частью научной статьи и является ее характерной чертой. Третий тип — композиционные пространственные указатели — во всех жанрах используется гораздо реже двух первых.

Композиционные блоки научного текста

Композиция научного текста является стандартизированной, с обязательным наличием всех трех «пунктов концентрации текстовой информации» (Щорс, 1983) — заголовка, введения и заключения. Это существенно облегчает порождение и восприятие сложной логической информации текстов данного типа.

Все композиционные части научного произведения достаточно четко разграничены с помощью различных приемов и соотнесены между собой средствами, отличными от прочих текстовых связей.

Справедливо замечание М. П. Котуровой о том, что «между более сложными единицами речи связь должна быть выражена ярче, чем между простыми, чтобы затраты на восстановление логических связей между ними были минимальными» (1979, с. 181). Рассмотрим композиционно-структурный комплекс «заголовок — введение — заключение».

Заголовок соотносится с текстом через категории прагматики, информативности и проспекции (Щорс, 1983, с. 10—11). В научном стиле следует констатировать уменьшение количества связей. Для научного текста заголовок прагматического типа или ориентированный на прагматическую связь с текстом — редкое явление, связанное с ситуацией обостренной научной полемики. В норме же заголовок научного произведения — это сугубо информативная единица, включающая в себя имя темы целого текста и перспективно связанная с текстом в целом и каждым его фрагментом на собственно логических основаниях.

Здесь крайне редки любые разновидности иносказания или скрытого указания на тему типа: *один из источников изучения одежды народов Сибири* (РП) (о каком источнике речь — неизвестно). Как правило, в заголовке научного текста содержится базовая, она же основная, номинация текстовой тематической цепочки, нередко в сочетании с указаниями на материал или сферу исследования (еще одно подтверждение неразрывной связи теории исследования с ее эмпирической базой), например: *Стилистика фразеологизмов в художественной речи; Погребальные сооружения ненцев устья Оби; Нелокальный модельный псевдопотенциал для алмазоподобных кристаллов; Лингвистические исследования в Китае* и т. п.

Наиболее распространенная структурная формула научного заголовка — это номинативное словосочетание, в котором имя темы используется в начальной форме (см. примеры выше). Наряду с данной конструкцией используются заголовочные клише «о (чем)», «к вопросу (о чем)», «к проблеме (чего)», «к (чему)»: *О некоторых предметах культа надымских ненцев; О морфологии хинди; О поэтике публицистики; К вопросу о стилистическом словаре; К теории электрического потенциала в кубических кристаллах*.

Нередко в научном тексте используется подзаголовок, с помощью которого определяется этап исследования: *К постановке проблемы*; соотношение данной проблемы с более крупной: *Диалогизация как способ построения публицистического текста (к типологии публицистического жанра)*; материал исследования, если он не указан в заголовке: *Один из источников изучения одежды народов Сибири (на материалах обских угров)*; другие существенные для автора обстоятельства: *К индоевропейской проблеме, (В связи*

с выходом в свет книги Н и М «Индоевропейский язык и индоевропейцы»).

Обозначение жанра в заголовочный комплекс научного текста включается очень редко. Жанр обозначается в заголовочном комплексе целого «комплексного» текста, например, подзаголовок «сборник статей» на титульном листе коллективного тематического издания, обозначения рубрик в научных журналах, где последовательно выделяются жанровые рубрики «обзоры» и «рецензии».

Вводный композиционный блок научного текста характеризуется стандартным содержанием. Он соответствует экстралингвистическим этапам проблемной ситуации и эмпирической гипотезы и связан с отражением преемственного знания, уточнением аппарата исследования и определением исследовательской задачи, причем все эти компоненты являются обязательными, а их совокупность существенно отличает введение от основной части текста, где смысловые акценты иные.

Относительная самостоятельность введения может подчеркиваться использованием композиционного подзаголовка (*введение, постановка проблемы* и т. п.) или технически, с помощью отбивки, пробела. Но для жанра статьи такой характер выделения вводной части гораздо менее характерен, чем для крупных жанров — монографии, учебника.

Как правило, в конце или ближе к концу введения формулируется проблема исследования, основной логический тезис текста. Это своеобразное указание на завершение вводной части не всегда выделяется с помощью специальных языковых средств и может устанавливаться только на основе сопоставления с заголовком по ключевым словам. Чаще все же используются некоторые стандартные формулы введения тезиса. Это обороты, содержащие указание на автора данного текста в первом лице или жанр данного текста: *в данной статье мы коснемся; для выяснения вопроса нами выполнен расчет; в настоящей работе рассматривается...; настоящая работа является попыткой...; проблема данной статьи состоит...* и т. п. С их помощью вводится информация о проблеме и задачах, стоящих перед автором текста, а также (вторичная функция) обозначается условная граница введения и основной части текста.

В отличие от введения, заключение научного текста располагает целым рядом стандартно-информативных языковых вводов (см. табл. 2), к которым автор вправе добавить до некоторой степени индивидуализированные варианты, например: *Заканчивая свое короткое слово...: Каковы же выводы?*

В то же время следует отметить, что формализованный ввод в заключение не является обязательным. Знаменовать собою начало этого композиционного блока может резкая смена темы или

изменение объема обсуждаемого вопроса, т. е. заключение может выделяться на содержательных основаниях, с опорой на лексические со- и противопоставления. Так, явственным сигналом перехода к заключению является перевод разговора в метанаучную плоскость: *В одной статье трудно рассмотреть весь круг вопросов, которые решаются или требуют решения в процессе...; Высказанными соображениями хотелось бы привлечь внимание к...* (РП).

Другой, и более частотный, лексический способ обозначения перехода к заключению — это использование слов и оборотов с обобщающим значением и значением законченности, завершенности. Они могут сочетаться с лексикой метанаучного характера, см.: *Общие наблюдения над... позволяют...; со всех точек зрения...; Изложенный материал показывает...; Анализ приведенного материала показывает...; Обращаясь к пути, пройденному нами вслед за философской мыслью античности и средневековья, нельзя не заметить...*

Но самый существенный способ указания на переход к заключительному композиционному блоку, применяемый наряду с названными выше или помимо них, — это введение основной тематической номинации, той, которая уже использовалась, как минимум, в заголовке и в конце введения, ср.: *Лейтмотивные слова в повести М. Горького «В людях»* (заголовок). —> *Мы остановимся на лейтмотивных словах повести «В людях», рассмотренные нами, являются...* (начало заключения) (ФС), *Домашние покровители укетов* (заголовок). —> *В настоящей статье рассматриваются старинные представления кетов о домашних покровителях и охранителях, уходящие в...* (во введении, близко к концу), —> *Представления, связанные с домашними покровителями... частично сохраняются и в наши дни, но...* (начало заключения) (РП). Обратим также внимание на повторение в заключительной части стереотипов, отмеченных во вступлении, типа *в настоящей статье* или их коррелятов типа *рассмотренные нами*.

Таким образом, мы приходим к важному выводу, что разграничение композиционных частей текста базируется на параллельном использовании целого ряда языковых средств, т. е. на функционально-стилевой и структурно-содержательной спецификации более частных текстовых категорий. Выше, по существу, шла речь о действии линейной категории «тематическая цепочка», применительно к введению и заключению научного текста, а также его заголовку. Если рассматривать эту триаду в плане тональности, оценочности, темпорального и локального развертывания, то каждая композиционная часть будет обладать спецификой относительно выражения этих универсальных смыслов, типизированной в пределах жанра и функционального стиля.

2.2. ОФИЦИАЛЬНО-ДЕЛОВОЙ СТИЛЬ

Официально-деловая речь имеет две ориентации — на констатацию факта и на предписание. Будучи предназначенным для обслуживания деловых отношений в административной и правовой сферах, официально-деловой текст отражает некоторое положение дел в определенной сфере и нацеливает адресата на необходимые действия, вытекающие из этого положения. Отношения между адресантом и адресатом — социально-ролевые, причем прагматическая программа сводится к императивно-авторскому, волевому началу (Васильева, 1986, с. 8). Рациональная программа осуществляется развернуто: в текстах констатирующих жанров (справка, стандарт) она может являться исчерпывающей, в текстах предписательного характера (закон, указ, инструкция) — выступает на равных с прагматической. Эмоционально-оценочное содержание официально-делового текста проблематично, оценочная программа содержит в себе логическую мотивировку рациональной.

Тематическая цепочка официально - делового текста

Состав и строение тематической цепочки официально-делового текста в общих чертах сходны с аналогичным явлением научного текста, хотя о полном тождестве говорить не приходится. Базовой номинацией в официально-деловом тексте выступает термин или номенклатурное наименование из области делопроизводства в различных сферах правовой, промышленной, финансовой и прочей деятельности. Весьма часто данные номинации представляют собой развернутые атрибутивно-именные словосочетания: *развитие народного хозяйства СССР, порядок государственного планирования и финансирования хозяйства союзных республик* (Зак.); *библиографическое описание документа, единицы учета фондов библиотек, хранение документов в фондах библиотек и органов научно-технической информации* (СБД). В тексте документа нередко используется прием свертывания номинации, вплоть до опорного наименования (*библиографическое описание документов* —> *библиографическое описание* —> *описание*). Комбинаторика различных номинаций тематической цепочки здесь отлична от научного текста. В последнем повторяющаяся базовая номинация последовательно чередуется с трансформами и субститутами, сохраняя роль основной текстовой единицы. Официально-деловой текст тяготеет к единообразию, достигаемому за счет многократного повторения основной номинации, в качестве которой может выступать трансформ. Так, в Законе о государственном предприятии 1987 г. (ЗКП) уже на первой странице осуществлен переход от максимально полной номинации — базового словосочетания *социалистическое государ-*

ственное предприятие к номинации государственное предприятие и затем — к номинации предприятие. Далее весь текст закона строится на основе номинации предприятие (десятки употреблений), и лишь последняя статья содержит название документа, в котором вновь возникает полный оборот. Аналогичным образом в текстах различных стандартов по библиотечному делу и библиографии заголовочная базовая номинация библиографическое описание документа многократно и без вариантов используется в виде трансформации библиографическое описание.

Большая плотность единиц цепочки на странице делового текста, а также преобладающее их размещение в инициальных частях абзаца подчеркивает, что точность через единообразие вводится здесь в принцип, см., к примеру, тематические цепочки двух официально-деловых текстов:

1. Состав цепочки: библиографическое описание документа (а), библиографическое описание (б), описание (в) (СБД). Структура цепочки:

а а Б в Б Б ... Б (14 раз) а Б а а Б Б

2. Состав цепочки: сотрудничество в области жилищного и других видов строительства (а), такое сотрудничество (б), это сотрудничество (в), сотрудничество (г) (Зак.) Структура цепочки:

а а б а в Г Г Г б а Г Г Г Г Г

При всей разнице сопоставляемых цепочек, преобладание сформированного в начальной части документа рабочего термина, основной единицы тематической цепочки, очевидно.

Специфической чертой официально-делового текста является дополнительная цепочка на базе жанрового определения текста. Обозначение жанра настолько важно в данном стиле, что всегда выносится в заголовок или подзаголовок текста, исчерпывая их (заявление, справка, приказ) или входя в лексический состав (Закон об изменении системы органов управления промышленностью). Наличие «жанровой цепочки» объясняется тем, что наряду с собственно содержательной стороной дела в официально-деловом стиле учитывается и факт наличия данного текста в качестве деловой бумаги, документа, обладающего регламентирующей силой. В составе «жанровой цепочки» только два типа единиц: базовая номинация — жанровое обозначение документа и его развернутый трансформ с определением настоящий (настоящее положение, соглашение; настоящий закон, стандарт). Трансформ играет в тексте дополнительную роль и никогда не бывает первичной номинацией. «Жанровая цепочка» не всегда проходит через весь текст. Типично ее расположение во вводной части документа.

Все сказанное имеет отношение к документам констатирующего характера (положение, стандарт, патентное описание и др.), а также к композиционным частям предписательного текста, содержа-

шим его преамбулу. В предписательных документах или предписательных частях документов номинационная цепочка темы строится по иному принципу. Здесь она утрачивает строевую роль в тексте и многокомпонентность. Фактически в тексте лишь утверждается, фиксируется определенная тема, а затем центр тяжести текста перемещается на прагматику волеизъявительного плана. Утверждение темы достигается удвоением базовой номинации темы. Первое использование базовой номинации происходит в заголовке текста, второе завершает преамбулу или открывает постановляющую часть и входит в состав обстоятельственного детерминанта предложения, являющегося конструктивным центром текста. Например:

1. *О мерах по дальнейшему улучшению использования труда пенсионеров по старости и инвалидов в народном хозяйстве и связанных с этим дополнительных льготах* (заголовок). —> *В целях дальнейшего улучшения использования труда пенсионеров по старости, инвалидов и лиц, занятых в домашнем хозяйстве, Совет Министров СССР постановляет...* (Зак.).

2. *О жилищно-строительной и дачно-строительной кооперации* (заголовок). —> *Учитывая пожелания граждан СССР о расширении кооперативного строительства жилых домов и дач, Совет Министров Союза ССР постановляет...* (Зак.).

Логическое содержание детерминанта — это мотивировка создания, целеполагание предлагаемого документа волеизъявительного типа. В постановляющей части таких документов тематическая цепочка может быть продолжена на общих основаниях (малое количество составляющих, высокая степень повторяемости, почти полное отсутствие субститутов), а может и не продолжаться, так как дальнейшее изложение связано с перечислением конкретных мер по достижению обозначенной цели, при этом в тексте формируется иной предметно-тематический ряд. В том и в другом случае ведущая роль от имени темы — предметной номинации переходит к имени предлагаемого действия — глаголу в одной из форм с волеизъявительным значением.

Таким образом, строение тематических цепочек в официально-деловом тексте носит типовой характер, отличный от собственного научному тексту. В стилистическом отношении цепочки данных стилей идентичны: основаны на базе книжных номинаций и по преимуществу включают в себя только эти и нейтральные единицы. Доля нейтральных единиц в составе тематической цепочки документа меньше, чем в цепочке научного произведения, в частности, за счет неупотребительности местоименных и прочих субститутов. Внутрестилевой экстралингвистический фактор, влияющий на характер тематической цепочки, — это целевой характер официально-делового текста, констатирующий или предписывающий.

Цепочки хода мысли официально-делового текста

Официально-деловой текст не совпадает с научным в логико-лингвистическом отношении. В научном тексте мы наблюдаем формирование авторской мысли, прослеживаем ее развертывание от проблемной ситуации и гипотезы до выводов, т. е. научный текст предстает перед нами как динамическая структура в снятом виде. Для выражения логико-динамических связей в научном тексте используются десятки конкретных средств связи — отдельные слова, словосочетательные клише, развернутые обороты со стандартной семантикой связи. Что касается официально-делового текста, то он сконцентрирован не на динамике, а на структурной статике мысли. Логическая схема документа выражена в нем предельно ясно, и «вертикальная структура» текста практически ничем не отягощена при его «горизонтальном», линейном развертывании. По функционально-смысловой типологии официально-деловой текст — это текст-описание и/или текст-предписание, преимущественно объективно-логического по типу передаваемой информации характера.

Помимо названного различия, официально-деловой текст обладает отличиями и в области информационной программы. Здесь находит выражение только существенная объективная информация (не играют роли сопоставления, лишь косвенно отражается полемика, редко используется информация частного характера).

За счет названных факторов в официально-деловом тексте ограничено использование специальных языковых средств связи. Сопоставления с данными научной речи показывают, что официально-деловой текст не содержит цепочек хода мысли и отдельных связочных средств, вводящих субъективную информацию о предмете речи, а из числа связок, вводящих объективную информацию, в нем отсутствуют связки, которые указывают уточняющую, ассоциативно привлеченную информацию.

Наблюдения показали, что и существенное для официально-деловой речи логическое членение текста (на основную и дополнительную информацию, на однотипные информационные части и др.) чаще всего находит в нем иное выражение, нежели в научном стиле. Совпадение, и то неполное, наблюдается лишь при введении иллюстративных фрагментов, введении информации со ссылкой на ее источник, а также при установлении дистантной связи фрагментов в целом тексте.

В любом из этих случаев наблюдается жесткая стандартизация применяемых языковых средств. В целом официально-деловой стиль располагает небольшим набором вариативных средств, но в каждом отдельном тексте последовательно используется только один из вариантов. Иллюстративный тезис вводится, как правило, связкой *например*. Источниковедческое обоснование тезиса чаще

всего уведено в подстрочник, в самом тексте используется лишь цифра — порядковый номер сноски. Если аргументирующий источник особенно важен, то информация о нем включается непосредственно в текст со стандартным официальным вводом — отыменным книжным предлогом *в соответствии*: *Для строительства предприятий, на которых в соответствии с п. 5 постановления ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 28 мая 1969 г. № 390 «Об улучшении проектно-сметного дела» министрами и руководителями ведомств СССР ... разрешено до утверждения проектов выполнять...* (Зак.).

Структурно-композиционные связи, указывающие на дистантную связь информационных частей текста, не допускают ни меньшей неопределенности. Здесь не используются отсылки типа *выше отмечалось* и обязательные точные указания на определенный раздел документа, приложение, иллюстрацию и др.: *Правила объединения библиографических описаний нескольких документов приведены в обязательном приложении 1* (СБД; проспективная отсылка); *На рис. 5 показана схема...* (СЗ); *Находящиеся в зоне затопления водохранилища строения и сооружения, не указанные в пунктах 11 и 12 настоящего Положения...* (Зак.; ретроспективная ссылка).

Дополнительная информация (в тех редких случаях, когда она необходима) подается как «текст в тексте», т. е. выносится за черту основного корпуса текста и снабжается внутренним заголовком *Примечание*.

Более строго в языковом отношении обозначается в деловом тексте и основной логический тезис. Он вводится с помощью прямо информирующих определений *главный, основной, ключевой*, а поскольку тезис формируется здесь в соответствии с целеустановкой, то можно говорить о клише введения тезиса: *главная роль, основная задача, ключевой смысл и др.; Главной задачей Госплана СССР является...; Ключевое значение в осуществлении предусмотренных преобразований имеет принятие Закона СССР о государственных предприятиях* (ЗКП). Подобные структуры используются в начальной части преамбулы делового текста.

Еще раз отметим, что основной логический тезис в официально-деловом тексте выполняет иную строевую роль, нежели в научном. Он не доказывается, а утверждается как данность, требующая для своей реализации определенной программы действий, изложение которой и составляет весь дальнейший текст.

Таким образом, специфика обозначения логических связей в официально-деловом стиле достаточно существенна даже в тех случаях, когда дело касается содержательно аналогичных по отношению к научной речи логических связей. Лингвистические средства логической связности здесь отчетливо стандартизованы, формальная вариантность связок стремится к нулю (в пределах одного

текста в однотипной текстовой ситуации используется одно и то же связочное средство), а все собственно лингвистические средства в целом значительно потеснены внешелингвистическими. Если обратить внимание на главное для официально-делового текста — отражение статической структуры констатируемой и предписываемой информации, легко заметить преобладающее использование внешелингвистических средств.

Абзацное членение текста, его рубрикация с использованием цифр и букв, шрифтовое выделение ключевых единиц текста — все это в сочетании с последовательностью фрагментов, определяемой движением от рода к виду, от более важного к менее важному, делают прозрачной логическую схему текста. В результате весь он в целом имеет дискретный, «рубленый» вид, но именно это входит в правила функционально-стилевой «игры» данного стиля. Названные средства в большинстве своем не являются исключительной принадлежностью официально-деловой речи, но только здесь они столь тщательно систематизированы, разработаны в деталях и употребляются не наряду со словесными средствами, а вместо них.

Некоторая часть внешелингвистических средств является специфичной только для рассматриваемого стиля. Это, к примеру, абзацное выделение однородных и однопорядковых явлений или действий (с использованием буквенных или цифровых индексов последовательности или без них), которые оформлены в тексте как широко распространенные однородные члены предложения:

1. Совету Министров СССР при проведении в жизнь экономической стратегии партии:

обеспечить поэтапное и последовательное осуществление всего комплекса мер по перестройке управления народным хозяйством...;

нацелить систему управления на глубокие преобразования в экономике, ускорение научно-технического прогресса...;

осуществить меры по коренному изменению планирования и материально-технического обеспечения, управления научно-техническим прогрессом...;

коренным образом улучшить деятельность центральных экономических органов, министерств и ведомств, Советов Министров союзных республик, местных органов управления... (ЗКП).

2. Организации, разработавшие проекты нормативных документов, несут ответственность:

за соответствие требований нормативных документов новейшим достижениям науки и техники;

за отражение в нормативных документах требований, направленных на снижение стоимости...;

за правильность включенных в нормативные документы...;

за соответствие нормативных документов дейст-

*вующему законодательству, государственным стандартам...;
за разработку нормативных документов в сроки,
установленные... (ЗКП).*

Другим примером специфических средств связи следует считать укоренившуюся в официально-деловом тексте двух-, четырехступенчатую цифровую рубрикацию; 1, 2 (главы, части, разделы) —> 1.1, 1.2—2.1, 2.2 (подразделы первого порядка) —> 1.1.1, 1.1.2—1.2.1, 1.2.2 (подразделы второго порядка) —> и т. д.

Помимо официально-делового стиля, такое объемное членение текста используется только в отдельных жанрах научной речи (диссертация, учебник).

Заклячая все сказанное, отметим, что в отношении цепочек хода мысли официально-деловой текст весьма специфичен. Отсутствие развернутой формы рассуждения, абстрагированность от субъектной подачи информации, информационная статичность официально-делового текста в сочетании со стремлением к максимальной точности и сжатости информации обуславливают логическое членение текста на основе категории последовательности и внешнелингвистических средств связи. Лингвистически выраженные цепочки хода мысли имеют в тексте документа дополнительный характер и минимальный размер, как правило, это пара, содержащая немаркированную и маркированную единицу: [Н] —> *например...*; [Н] —> *кроме* [Н] ..., [Н] —> *указанные в* [Н]. Упорядоченность использования, крайняя лексическая ограниченность языковых связей логического характера органично сочетается со стандартностью их расположения — в начале текстовых фрагментов.

Тональность официально-делового текста

Психологические краски официально-делового текста определяются жанровой типологией текстов, а также целевым предназначением композиционных частей текста. Полностью или по преимуществу констатирующие жанры (справка, акт, стандарт, положение) связаны с отсутствием эмоционально-экспрессивных, усиительно-экспрессивных, волеизъявительных языковых средств на всех уровнях и тем более с отсутствием речевого акцентирования данной семантики. То же характерно для констатирующих частей деловых текстов с комплексной целеустановкой (констатация + предписание), таких, как инструкция, соглашение, закон, постановление. Казалось бы, из этого следует наличие объективно-нейтральной тональности, но лишь тексты «элементарных констатирующих» жанров (справка, акт) характеризуются ею.

Ведущей, представленной в большинстве жанров и конкретных текстов тональностью официально-деловой речи является тональность предписания, волеизъявления коллективного, реже — инди-

видуального адресанта, обязывающего адресата действовать строго определенным образом. Предписание может быть категоричным или сравнительно спокойным, но даже большинство констатирующих деловых бумаг не выдерживается исключительно в объективно-нейтральном тоне, а сочетает эту тональность со сдержанным спокойно-уверенным тоном рабочего распоряжения (например, в жанре стандарта). Во многих же случаях тональность распоряжения приобретает окраску настойчивости, акцентированности.

Поле тональности в официально-деловых текстах организовано однотипно. В него входят лексические единицы с понятийной семей волеизъявления (*обязанность, право, необходимо, соблюдать, предоставить, долженствовать, обеспечить, разрешить* и т. п.) и грамматические конструкции, выдвигающие на первое место действие, а не субъект этого действия (в числе последних наиболее активны модально-инфинитивные и неопределенно-личные предложения). При этом ведущую роль играют, конечно, лексические средства.

Достаточно разнообразные по конкретной семантике, они концентрируются вокруг двух смысловых полюсов: «обязанность» (безусловность, непереносимость действия) и «право» (санкционированная свобода действий). Конкретные лексические единицы обеих подгрупп, как правило, входят в состав клишированных оборотов:

Н обязан (должен) выполнять обязательство, нести ответственность, предоставить, иметь право, быть вправе и др. Семантика предписания подчеркивается грамматически: большинство слов, семантически несущих идею предписания, относится к глаголам, отглагольным существительным или существительным в составе сказуемого, т. е. налицо акцентирование самого действия, а не его субъекта, передача «абстрагированного волевого начала» (Васильева, 1981, с. 98). Синтаксические единицы поля, названные выше структурные типы предложений, точно соответствуют той же идее намеренного затушевывания подлежащего при полном сохранении значения и роли сказуемого (Пешковский, 1956, с. 371).

К числу лексических показателей тональности следует, вероятно, отнести и жанровое обозначение делового текста, по правилам оформления входящее в состав его заголовка или подзаголовка. Большинство жанровых обозначений содержит в составе лексического значения сему логически осмысленного волеизъявления, см.: *закон, нормативный акт высшего органа государственной власти, принятый в установленном порядке и обладающей высшей юридической силой**; *договор, письменное или устное соглашение, условие о взаимных обязательствах*;

* Значения приводятся по Словарю русского языка в 4-х томах (М.: Рус. яз., 1981—1984). В словарных дефинициях выделены слова, эксплицирующие сему волеизъявления.

инструкция 'руководящие указания, свод правил, устанавливающий порядок и способ осуществления чего-л'; *приказ* 'официальное распоряжение органа власти, руководителя предприятия, организации и т. п.' Таким образом, должностяуще-предписывающий (М. Н. Кожина) характер -целого текста задается уже предтекстом (заголовок + подзаголовок). Тонально определенное жанровое обозначение в препозиции к тексту задает контекст, в котором вся информация приобретает характер предписания определенного типа. В этом случае лексическая базовая номинация тональности может не использоваться в начальных фрагментах текста.

Если же жанровое обозначение текста не содержит включенной семы волеизъявления, то тональность предписания задается во вводной части текста и в связи с содержанием документа в целом. Так, каждая из статей ГОСТа по библиотечному делу и библиографии содержит во введении базовую единицу поля обязательности или другие слова с семой предписания: *Термины, установленные настоящим стандартом, обязательны для применения в...; Стандарт обязателен для органов научно-технической информации, библиотек, книжных палат...; Настоящий стандарт устанавливает требования к составлению и построению рецензий и аннотаций (СБД).*

Однократного использования лексической единицы предписания в предтексте или во вводно-организующей позиции текста достаточно, чтобы она могла сыграть роль текстового ключа, задающего тональность целому тексту. За счет этого и формируются отмечаемые стилистами текстовые сдвиги значения глагольных форм настоящего времени в область субъективной модальности (Васильева, 1981, с. 98; Кожин и др., 1982, с. 106), как в следующем примере:

Предприятие обязано эффективно использовать труд работников.

Для наиболее полного использования трудового потенциала и создания условий для высокопроизводительной трудовой деятельности каждого рабочего предприятие:

*устанавливает технически обоснованные нормы труда;
добивается выполнения возрастающих объемов работ...;
проводит аттестацию... (ЗКП).*

В приведенной иллюстрации текстовое значение глагольных форм настоящего времени обладает модально-предписательным приращением смысла, т. е. глаголы *устанавливает, добивается* и т. д. означают «должно устанавливать, добиваться» и т. д., что достигается за счет проспективной силы препозитивной модальной единицы *обязано* в ключевой фразе фрагмента.

Дальнейшее развертывание официально-делового текста идет по рассмотренной модели: препозитивная модальная единица распространяет свое влияние на обширный перечислительный ряд, см. аналогичный предыдущему пример: *предприятие и м е е т п р а в о: определять формы и системы оплаты труда...; определять рабочие места, на которых...; вводить доплаты за совмещение профессий...; устанавливать... надбавки...* (ЗКП).

За счет последовательного использования данной структурной схемы в тексте документа создается сильное тональное поле предписания, характерное для текстов с комплексной целеустановкой (приказ, закон). Слабое поле предписания организуется без участия внутритекстовых модальных конструкций, рассмотренных выше. Так, в тексте ГОСТов тональность, заданная ключевой единицей во введении (*стандарт о б я з а т е л е н*), поддерживается далее исключительно грамматическими средствами — частотностью неопределенных структур: *Библиографические сведения в описании указывают в...; Элементы библиографического описания подразделяют на...; Общий для группы описаний обязательный элемент в описании опускают* (СБД).

Перейдем теперь к вопросу о другой составляющей тональности — эмоционально-экспрессивном подполе. Утверждение о безэмоциональном характере официально-деловой речи, ставшее общим местом в функционально-стилистических исследованиях (см., например: Кожин и др., 1982, с. 108), не столь уж бесспорно. Справедливое по отношению к деловым текстам сугубо констатирующего характера, оно не подтверждается материалом многих жанров официально-деловой речи. В прамбульных частях документа (реже — за их пределами), содержащих мотивировку последующего предписания, обычно используется некоторое количество лексических единиц, относящихся к полю тональности. Они близки друг другу по семантике (это собственно экспрессивные — усилительно-экспрессивные слова) и переходят из текста в текст, так что здесь можно усматривать стилистическую закономерность: мотивировка текстового предписания не чужда использованию эффекта усилительности, достигаемого лексическими и контекстными способами.

Типичным является прием использования стандартных лексических единиц с усилительно-сопоставительной семой «более» типа *усилить* ‘сделать более сильным’ (*увеличить, расширить, укрепить* и т. п.). Сами по себе достаточно «спокойные», при текстовом сочетании на сравнительно небольшой площади данные единицы создают заметное отклонение от нейтральности. См., к примеру, предикативную основу двух предложений, составляющих прамбулу Закона о государственном предприятии (ЗКП): *Настоящий Закон... определяет... у к р е п л я е т... р а с ш и р я е т...; Закон у г л у б л я е т... предусматривает у с и л е н и е... использование полного хозяйствен-*

ного расчета, р а с ш и р е н и е... определяет... Употребительны также аналитические формы сравнительной степени имен прилагательных, где сема «более» лексически эксплицирована: в целях б о л е е э ф ф е к т и в н о г о использования капитальных вложений; б о л е е в ы с о к и е плановые задания; это позволяет б о л е е п о л н о использовать преимущества...

Официально-деловой стиль располагает целым рядом стандартных метафор усилительной семантики (*высокие темпы развития, высокое качество, широко разъяснять, серьезные недостатки, крупные недостатки*), а иногда и не вполне стандартных (*разбухание аппарата*) или не усилительных (*свежие силы, подрыв принципов, раздвинуть границы*). Используются также лексические интенсивы разных частей речи или словосочетания с интенсификаторами: *быстро внедрять, важнейшие экономические рычаги, новейшие достижения, глубоко аналитическая информация, чрезмерно большое место, значительное сокращение, неуклонное повышение, максимум настойчивости*. Кроме того, отмечены слова с категориальной семой интенсивности: *мощный, могущество, эффективный*.

Клишированный характер большинства средств экспрессивности и повторяемость их в различных текстах приводят экспрессивность в соответствие с деловым характером документа, уменьшая ее, но не устраняя вовсе. Последнее невозможно в силу большой плотности экспрессивных единиц на пространстве преамбулы: как правило, они встречаются в каждом абзаце, а в отдельных предложениях используются в качестве основы многочисленных перечислительных рядов, например: *Считать главной задачей министерств, коллективов промышленных предприятий... обеспечение в ы с о к и х темпов развития и п о в ы ш е н и е эффективности промышленного производства, в с е м е р н ы й рост производительности труда, н а и л у ч ш е е использование имеющихся производственных фондов (ЗКП).*

Таким образом, официально-деловой стиль не противопоставлен всем другим: и ему не чужды психологические краски, выраженная тональность. Конкретно это тональность уверенности, подготавливающая адресата к психологическому приятию предлагаемого после преамбулы предписания.

Конечно, языковые составляющие поля тональности в официально-деловом стиле своеобразны: его ядро составляют собственно экспрессивные и образные единицы, при полной неупотребительности эмоциональных. Кроме того, за исключением способов контекстного объединения, в официально-деловом стиле используются только лексические средства тональности.

Оценочность официально-делового текста

В оценочном отношении официально-деловой текст неоднозначен. Поле оценки здесь нередко сопутствует полю тональности, будучи

свойственно преамбуле делового текста с комплексной целеустановкой. Однако оценочность может служить и единственным прагматическим основанием мотивировки предписательного содержания текста.

Основными единицами текстового поля оценки в официально-деловом тексте служат глагол *улучшить* и отглагольное существительное *улучшение*, отличающиеся от базовой единицы языкового поля «хорошо» сопоставительно-усилительной семей. Основные номинации — неотъемлемые единицы преамбулы официально-делового текста (за исключением элементарно-бытовых констатирующих), поскольку каждый документ мыслится его создателями как шаг вперед по пути прогресса, и это мнение подлежит открытому языковому выражению. Противоположный полюс — отрицательная оценка отражается в деловом тексте факультативно — когда в мотивирующей части есть критическое описание исходной ситуации.

Наряду с основными единицами, в состав текстового ядра поля оценки входит лексика с дифференциальными семами оценочности — положительной (*совершенствование, правильность, прогресс, рациональный, эффе́ктивность, передовой, благоприятный, удовлетворение*) или отрицательной (*бюрократический, недопустимый, неоправданный, негативный, диспропорция*). Употребительна также лексика с рационально-оценочной коннотацией (грань с предыдущей группой здесь неопределенна, размыта): *плановое развитие, гибкая структура, сбалансированная система* — положительно-оценочная коннотация; *громоздкая структура, узковедомственный подход* — отрицательно-оценочная. Состав таких единиц определяется на основе практического опыта делопроизводства и юриспруденции, а в составе текстов делового стиля некоторые из них выдвигаются на заметное место и становятся наиболее распространенными стандартами. К ним относятся все номинативно- или коннотативно-оценочные характеристики предлагаемого как общественно полезного и ценного: *новый, современный, передовой, приоритетный, актуальный* и др.

Как уже отмечалось, оценочное поле тесно связано с полем тональности. Это проявляется не только в составе лексических средств, где экспрессивность или образность языкового знака влечет за собой вторичную оценочность и наоборот, но и в синтагматических связях экспрессивных и оценочных единиц.

Типичная речевая синтагма официально-делового текста — это сочетание оценочной единицы с интенсивом: *коренным образом улучшить, наиболее полное удовлетворение, недопустимо медленно, непомерно высокие цены, крайне неудовлетворительно*. Нередко оценочная усилительность акцентируется с помощью фигуры повтора, чаще всего — семантического повтора на оценочном основании: *крупные недостатки [—] и диспропорции [—]; бю́ро-*

кратические [—] и узковедомственные [—] методы руководства; воспитание компетентных [+] и инициативных [+] и творческих [+] руководителей; принижает [—] роль предприятий, сдерживает [—] развитие демократических начал... приводит к неоправданному [—] разбучанию [—] аппарата*. В многочисленных повторах такого рода приобретается оценочное приращение смысла и неоценочными лексическими единицами, см., например: *Структура отраслевого управления стала сложной, громоздкой и многоступенчатой, потеряла свою гибкость* (ЗКП). В ином контексте лексическое значение слов *сложный* и *многоступенчатый* может быть нейтральным в плане оценки или приобрести положительно-оценочный смысл.

В целом преамбула таких официально-деловых жанров, как закон, постановление, положение, соглашение, в норме характеризуется открытой оценочностью, а в технологическом плане — адекватностью текстового поля оценки языковому (если не учитывать синтагматические текстовые особенности). Плотность оценочного поля преамбулы, как правило, велика, так что субъективно-модальное содержание, не являясь актуальным для всех официально-деловых текстов (в констатирующих жанрах — в нашем материале это жанр стандарта — оценочные средства не отмечены), в жанрах с комплексной целеустановкой выступает типовым и значительным. Текстовая значимость оценочного поля носит явно выраженную прагматическую направленность: с помощью средств субъективной модальности адресант текста подготавливает адресата к позитивному неосложненному восприятию главного содержания официально-делового текста — предписательного.

В постановляющей (предписательной) части делового текста оценочная подача может быть такой же или почти такой же по качеству и силе, как и в преамбульной. Так, например, построено постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР от 17 июля 1987 г. «О перестройке деятельности министерств и ведомств» (ЗКП). Сравнительно короткие части, пункты, отдельные положения в его постановляющей части насыщены экспрессивно-усилительными оценочными языковыми и речевыми средствами, так что поле оценки применительно ко всему этому тексту в целом является равномерно распределенным и целостным.

Чаше же в постановляющей части делового текста наблюдается значительное уменьшение количества оценочных средств или используется строго объективная манера подачи предписательной информации. И все-таки, даже в последнем варианте, неоценоч-

* Знаком [—] передается отрицательно-оценочная семантика слова, знаком [+] — положительно-оценочная.

ной постановляющая часть текста не остается. Во-первых, преамбульная часть дает оценочную (и шире — прагматическую) настройку всему тексту. Формульное ее выражение примерно таково: «Данная ситуация неудовлетворительна и требует улучшения; в целях улучшения полезно и потому предписывается следующее...» В более редких случаях документ представляет собой не программу преодоления, а программу развития предшествующей позитивной работы. Тогда в преамбуле используются стандартные речевые образования на базе глагола *одобрить*: *Одобренная... концепция служит нацнко обоснованной программой для* (ЗКП). В любом случае все предписываемое оценивается как положительное.

Во-вторых, массированная оценочность преамбулы поддерживается конкретными разовыми дистантно расположенными сигналами оценки в постановляющей части, как правило, в инициальных фразах отдельных статей или более мелких фрагментов. В целом же можно утверждать объемность и комплексный характер оценочно-прагматической программы деловых текстов.

Существенное семантическое отличие оценочности официально-деловых текстов сравнительно с другими функционально-стилевыми разновидностями состоит в ее гипотетичности. Оценка, если только она не относится к информации о прошлом, в деловом тексте всегда преподносится на модальной подкладке должествования, обязанности. В ключевых логических фрагментах текста (инициальных или заключительных фразах текста, части, пункта или параграфа) это сочетание эксплицируется: *Предприятие обязано постоянно обеспечивать воспроизводство материально-технической базы на прогрессивной основе; Забота о чести марки должна быть предметом профессиональной и патриотической гордости рабочих, инженеров, конструкторов и руководителей; Предприятие обязано проявлять заботу об улучшении условий труда и быта...* (ЗКП).

Периодическое использование таких синтагм способствует аналогичной смысловой ориентации одиночных промежуточных языковых сигналов оценки. Все оценочное поле делового текста с семантической базой «улучшить» — это характеристика цели предписываемых действий, а не самих этих действий. Подобный «агитационный» характер оценочности противопоставляет официально-деловой текст научному и в определенной мере сближает его с публицистическим.

Темпоральная структура официально-делового текста

Темпоральная структура официально-делового текста, как и любого другого, отражает определенную типовую ситуацию, здесь — ситуацию деловых взаимоотношений. Текст документа появляется на свет как сигнал изменения некоторой ситуации и прог-

предситуации, ее критический разбор.

Своеобразие делового текста состоит в том, что временная точка отсчета, определяющая темпоральную структуру целого текста, — текстовое «сейчас» носит не условный, а реальный характер. Любой официально-деловой текст датируется либо в подзаголовке, либо другим способом, например, в составе клишированных конструкций, отработанных для каждого жанра. Наиболее типичны клише, где непосредственно темпоральная часть вводится с помощью предлога *от*: *Утверждено Постановлением Совета Министров СССР от 2 февраля 1976 г.*; *Постановление Совета Министров СССР от 2 марта 1973 г.* (ЗКП). Вторая распространенная модель — это оборот «*подписан(о) / принят(о) когда*»: *Закон... принят на второй сессии Верховного Совета СССР десятого созыва 30 ноября 1979 г.* (ЗКП).

Данный факт не может не оказывать влияния на темпоральную перспективу текста. Аналитическая часть преамбулы, содержащая разбор сложившегося положения дел, относится ко времени, предшествующему точке отсчета, и оформляется преимущественно с помощью грамматического прошедшего времени. См.: *Сложившаяся система планирования не соответствует новым требованиям, пришла в противоречие с задачами и стала тормозом...* (далее в тексте используется 30 предикатов на основе глагольных форм прошедшего времени: *возникли, получили, были ослаблены, стали подрываться* и т. д.) (ЗКП).

Если аналогичный фрагмент строится на основе глагольных форм настоящего времени, что возможно, то временной диапазон в содержательном отношении остается тем же, а начало и завершение аналитико-ретроспективного фрагмента маркируются лексически: начало — с помощью языковых сигналов *сложившийся, существующий (метод, система, отчетность, формы* и т. п.), конец — сигналами *изменить, улучшить, усовершенствовать* и т. п.

Формулировка цели создания документа и вся постановляющая часть, будучи скоординированы с датировкой документа, мыслятся как темпорально ориентированные на реальное будущее независимо от того, на какой грамматической основе — глагольного настоящего или глагольного будущего времени — они построены. Закономерностью является лишь последовательное использование избранной формы. Так, Закон о государственном предприятии (ЗКП) строится на применении настоящего времени глаголов-предикатов (*деятельность предприятия строится на...; материально-техническую базу и средства предприятия составляют...; управление предприятием осуществляется на...* и т. д.), а Соглашение между СССР и США о сотрудничестве в области жилищного и других видов строительства (Зак.) — на ис-

пользовании форм будущего времени (*стороны будут развивать и осуществлять...; это сотрудничество будет направлено на...; такое сотрудничество будет осуществляться в соответствии с...*) Текстовая равнозначность форм глагольного времени характерна для описания предписываемых действий — информативного ядра официально-делового текста. Что же касается констатации самого волевого решения официального лица или учреждения, то оно всегда отнесено к настоящему актуальному: *постановляет, считает необходимым, придает значение, признает нужным, приказывает*.

Собственно констатирующая часть официально-делового текста характеризуется преобладанием форм настоящего времени, что отнюдь не отрицает всего сказанного выше. Предтекстовая датировка действия документа (например: *Постановлением Государственного Комитета СССР по стандартам от 31 марта 1984 г. № 1187 срок введения установлен с 01.01.86* — СБД) обладает проспективным воздействием на весь текст и позволяет читать его темпоральное содержание как «с обозначенного срока и в будущем, вплоть до отмены данного документа».

Отметим текстовую значимость «шапки» официально-делового текста, его заголовочного комплекса, для темпоральной структуры. Чаще всего именно здесь содержится языковой сигнал (датировка документа), который свидетельствует о характере отраженного текстового времени, обращает текст к объективному реальному времени с противопоставлением друг другу реального прошедшего и реального будущего — времени до и времени после обозначенной временной точки конкретно-исторического характера. Грамматические формы глагольного времени используются здесь достаточно свободно, но при учете принципа единообразия и сопоставления. Лексические единицы с семой «время» того или иного статуса (*год, этап, начало* и др.) употребляются в соответствии с требованиями жанра и мерой конкретности текста. Чем «крупнее» жанр, тем меньше в нем конкретно-лексической привязки к хронологическому времени непосредственно в тексте. Приказ по учреждению в этом отношении отличается от закона — документа долговременного действия.

Итак, текстовое поле времени в официально-деловом тексте своеобразно. Оно непосредственно отражает внетекстовую реальность, имеет «точечное» ядро — конкретное обозначение временной точки отсчета, реального исторического времени вступления документа в действие, вынесенное в предтекст. Темпоральную перспективу текста организуют видо-временные глагольные формы, но, как и в научном тексте, не за счет их собственного значения, а за счет текстовой группировки однотипных форм и сопоставления группировок (сегментирующей функции грамматических форм).

Лексические средства темпоральности играют в деловом тексте незначительную роль, и вопрос об основных единицах текстового поля времени проблематичен. Если учитывать частотность и текстовую значимость отдельных конкретных средств, то ведущими здесь оказываются глагольные видовременные формы, но с существенным уточнением: их текстовое значение определяется коррекцией с ключевой темпоральной единицей текста — его временной точкой отсчета. Вероятно, лексически выраженную ключевую единицу темпоральности — датировку можно считать фактом открыто поданной пресуппозиции, которая определяет, как известно, содержательное качество всего текста (в данном случае — относительно категории времени). Пресуппозицией задается общая темпоральная перспектива официально-делового текста, в которой значима ось ориентации (от реального прошлого к реальному будущему) и незначима векторность (направление событий).

Официально-деловой и научный текст существенно различны в плане общей организации темпоральной структуры. Рассмотренная выше объективно-темпоральная перспектива характерна и для научного текста, но там она является вспомогательной и одной из реализуемых. В официально-деловом стиле это линия, на оси которой располагается все текстовое содержание.

Текстовая категория темпоральности наглядно отражает общее характерное свойство официально-делового стиля: соединение в нем максимальной конкретности содержания и абстрагированности средств выражения (Кожин и др., 1982, с. 104).

Локальная структура официально- делового текста

Языковые средства, выражающие идею пространства, встречаются в официально-деловом тексте редко и почти не поддаются систематизации. Данный тип текста не фиксирует условную точку отсчета «я — здесь», только отталкиваясь от которой и организуется концентрическое или векторное текстовое пространство. Несущественны также квантитативно-пространственные характеристики предмета речи, который мыслится как единое социальное целое. Конкретно-физические пространственные семы неактуальны в контекстах деловой речи для лексических значений слов, обозначающих предмет речи. Государственное предприятие, Госплан, прокуратура, совхоз в официально-деловом контексте понимаются как конкретно-социальные, а не конкретно-физические явления и редко структурируются в пространственном отношении.

Единственно значима для официально-делового текста смысловая позиция сферы действия предмета речи. Как правило, сфера действия документа определяется уже в заголовочном комплексе с помощью собственного имени или номенклатурной единицы: *По-*

*становление Совета Министров СССР, Государственный стандарт Союза ССР, приказ по Уральскому государственному университету, Закон Союза Советских Социалистических Республик, совместное советско-американское коммюнике. Далее в тексте сфера действия может больше не указываться, но подразумевается она такой, как указывает предтекст. Отклонение от этого правила связано лишь с необходимостью конкретизации. Так, в Законе о всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни (ЗКП) отдельные статьи начинаются с локальных указателей: *В союзной республике проекты законов и другие вопросы...; В автономной республике проекты законов...**

Потребность во внутритекстовых локальных сигналах различна в зависимости от содержания документа. Для таких сигналов не характерна композиционно-текстовая фиксированность (кроме отмеченного расположения в инициальной части фрагмента), здесь меньше клише, хотя они есть, к примеру: *в центре и на местах, местные органы.*

Текстовые локальные указатели семантически согласованы с перспективным ключевым указателем предтекста. Как отмечалось, это связь в области социального пространства (административно-территориальное деление, подразделения или совокупность учреждений), см. внутритекстовые локализаторы: *упразднить в союзных республиках...; придавая особое значение совершенствованию управления в РСФСР и других союзных республиках...; сохранить для городов Москвы и Ленинграда, Московской и Ленинградской областей действующий порядок; надзор за соблюдением законов в местах предварительного заключения, в местах содержания задержанных осуществляют... (СЗ); при отсутствии запрашиваемого произведения печати... в библиотеках и органах НТИ бланк-заказ с отметкой об отсутствии издания в данном регионе перенаправляют в отраслевой или универсальный центр МБА (СБД).*

Сказанное не означает, что данная (социально-конкретная) пространственная линия полностью исчерпывает пространственную организацию документа, но все прочие линии реализуются в нем факультативно и не носят общестилевого характера.

Таким образом, в официально-деловом тексте наблюдается координация смыслов «время» и «пространство». Пространственно-временной континуум документа адекватно отражает некое реальное историческое пространство и время, что и формирует такое важное качество делового текста, как конкретность. Сочетающаяся с нею абстрагированность, «всеобщность» такого текста также до-

стигается не без связи с категориями локальности и темпоральности, но уже за счет «отрицательных показателей», т. е. за счет отсутствия стандартного текстового структурирования. «Нечто констатируется или предписывается на всем обозначенном реальном пространстве и на все время, начиная с обозначенной реально-исторической точки отсчета», — такова типовая пространственно-временная модель официально-делового текста. Еще раз отметим отработанный лаконизм стиля. Предтекст делового документа (комплекс заголовка и подзаголовка) в компрессивном виде содержит не только обозначение темы текста, но и заданную тональность, характер оценочности, временной «векторный нуль», а также сферу (пространственный объем действия) этого документа. Собственно текстовая разработка всех названных категорий, кроме первой, достаточно лапидарна — в пользу собственно констатации и/или предписания.

Дополнительная локальная линия официально-делового текста касается пространственной привязки преемственной информации. Это связано с документальным источником вне данного текста или внутри него. В том и другом случае этот источник — мотивировка рабочего предписания, поэтому стандартный ввод, как правило, осуществляется с помощью предложно-падежного оборота «*в соответствии с (чем)*», где полнозначная часть — это обозначение другого документа или предшествующей части данного документа: *в соответствии с Конституцией СССР, Советским законодательством, Указом Президиума Верховного Совета СССР, требованиями ГОСТ 7.1—84, ст. 2 настоящего закона* и др. Другие применяемые формы — это ретроспективные отсылки «*см. (что)*», «*по (чему)*»: *см. п. 1.15; термины и определения — по ГОСТ 16487—83 и ГОСТ 7.48—84.*

Локальная привязка преемственной информации в официально-деловом тексте обладает значительной спецификой по сравнению с научной речью. Помимо сказанного выше, отметим для документа неактуальность локализации текста как пространственной реальности. Композиционно-текстовые локализаторы используются только в том случае, когда содержание документа необходимо мотивировать предыдущим текстом. Никакие дополнительные задания прагматической направленности (акцентирование мысли, организация со- или противопоставления, повторение с целью разъяснения) здесь невозможны, как невозможна и семантическая расплывчатость. Сигналы типа *выше, в предыдущей главе* здесь исключены, проспективные указатели пространства не употребляются, сигнал «точка логической остановки автора» также не встречается.

Таким образом, ситуативно однотипная смысловая линия (отражение преемственной информации с точки зрения ее пространственной привязки) в различных функциональных стилях обладает и

содержательной, и формальной спецификой. В официально-деловом стиле опора на преемственную информацию осуществляется гораздо более свернуто, строго и стандартно ради более полного выражения непосредственно констатации и предписания. Не менее специфична подача нового знания. В официально-деловом стиле оно ставится в контекст реально-исторического пространства, тогда как в научном стиле — в контекст концептуального.

Композиционные блоки официально-делового текста

В композиционном отношении официально-деловой текст относится к клишированным, т. е. к текстам со строго определенной композиционной структурой (Ейгер, Юхт, 1974, с. 108). Часть из них представляет тексты-схемы, в которых клишируется не только композиция, но и конкретные смысловые элементы в их последовательности (образцовым текстом-схемой является анкета, где определенность и последовательность содержательных фрагментов предписывается шаг за шагом от начала и до конца). В других жанрах регламентация не столь детальна, но тоже достаточно строга. Проследим функционально-стилевые особенности наблюдаемых композиционных блоков.

Заголовок официально-делового текста обладает высокой значимостью, причем наиболее значимо жанровое обозначение текста. В деловых текстах индивидуально-бытового характера данное обозначение может исчерпывать собой заголовок (*заявление, справка, объяснительная записка*), в других текстах может служить его основанием (*Инструкция по определению содержания окиси углерода в отработавших газах приборами ТХ СО-А; Акт обследования жилищных условий рабочих ЦХП Верх-Исетского металлургического завода*) или же входить во вторую часть заголовочного комплекса — подзаголовок (*О государственном предприятии (объединении)* —> *Закон Союза Советских Социалистических Республик; Об улучшении управления промышленностью* —> *Постановление ЦК КПСС и Совета Министров СССР*). В том случае, если данный текст входит в группу однотипных, используется общий сложный заголовочный комплекс.

В любом из названных вариантов жанровое обозначение — это проспективный сигнал целого текста, в котором закодирована информация о композиционном клише, субъективной модальности в общем виде (констатация, предписание или сочетание того и другого) и конкретизированном (тональность предписания, характер оценочности). Отмеченный факт подчеркивает, на наш взгляд, насколько существенно в официально-деловом тексте субъективно-модальное содержание (ср. в других стилях — жанровое обозначение используется в тех случаях, когда текст принадлежит к менее

распространенным жанрам: в научном стиле эксплицируется жанр рецензии, в публицистическом — репортажа и фельетона).

Таким образом, жанровое обозначение в предтексте делового произведения представляет собой общепринятый лаконичный способ содержательной и прагматической ориентации адресата. Собственно заголовок указывает тему целого текста, жанровое обозначение — способ ее развертывания и характер субъективной модальности.

Еще одна составляющая предтекста — это пространственные и временные указатели. С их помощью весь текст ориентирован не на относительное, а на конкретно-историческое время и конкретно-социальное пространство. Вторая возможность помещения этих указателей — «посттекст», заключительное клише после основного корпуса текста: подпись, дата, место (последнее — факультативно).

В целом заголовочном комплексе или «рамке» официально-делового текста в эксплицитном виде представлены основные текстовые категории (композиция, тематическая цепочка, тональность и оценочность, пространство и время текста), что существенно облегчает производство и восприятие документа. «Наличие заголовка облегчает обработку документа: его регистрацию, распределение по исполнителям, исполнение и контроль. Заголовок облегчает классификацию документов, их организацию, хранение и использование в делопроизводстве и архиве» (Лившиц, Филиппов, 1981, с. 16).

Основная часть официально-делового текста также носит клишированный характер. В норме официально-деловой текст делится на выделенные частные тексты, снабженные нумерацией (самостоятельной или с обозначением принятой единицы деления, чаще всего — параграфа (§), статьи) или внутренними заголовками. Возможно сочетание этих двух приемов.

Группе частных текстов нередко предпосылается неозаглавленное введение общего характера, в котором кратко формулируется основное содержание или мотивируется предписание документа. Стандартная единица такого введения, указывающая на его общетекстовое содержание, — это словосочетание «*настоящий* + жанровое обозначение данного текста»: *настоящий Закон, настоящий стандарт, настоящая инструкция*. Подобное клише нередко открывает начальную или заключительную фразу введения в жанре закона, хотя обязательным не является. В жанрах с комплексной конституирующе-предписывающей установкой (постановление, указ, соглашение) четко обозначается грань между преамбулой и постановляющей частью. Первая специальными языковыми средствами не маркируется, начало второй обозначается стандартной формулой: «В целях (каких) субъект действия постановляет». Целе-

вой компонент предложения факультативен, основным лексическим маркером перехода является глагол *постановлять*, как правило, выделяемый шрифтовыми способами. Его текстовые варианты: *установить* (что), *признать необходимым* (что).

Особенность частного текста, свойственная исключительно постановляющей части соответствующих жанров официально-деловой речи, заключается в том, что эти тексты представляют собой развертывание состава предиката на основе однородности. Вся постановляющая часть такого типа представляет собой одно простое предложение с предикатом *постановляет(-ют)* и обширным, ограниченным в своем развертывании лишь требованиями смысла набором распространенных дополнений. Эти дополнения выделены в отдельные абзацы, снабжены нумерацией, могут содержать смысловые уточнения, оформленные в виде самостоятельных предложений, что и позволяет называть их частными текстами. Они четко клишированы, что выражается в закреплённой форме дополнения — на базе глагольного инфинитива, количество их может достигать нескольких десятков.

Как правило, официально-деловой текст не имеет заключения, а интродукции в нем вообще исключены. Обдуманый характер текста, логико-классифицирующий характер его развертывания, расчет на восприятие «с листа», установка на отсутствие любых повторений являются причиной этого.

2.3. ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ СТИЛЬ

Публицистический стиль речи в информационном отношении разнообразнее научного и официально-делового и сосредоточен на информации, отобранной под углом зрения актуальности и новизны (Мамалыга, 1983), кроме того, в нем резко усиливается роль дополнительных информационных программ, как оценочной, так и прагматической.

Оценочная программа — это, по сути, ведущая программа газетно-публицистического текста. Тот или иной факт интересует журналиста не сам по себе, а в аспекте социальных оценок. Во многих жанрах эти оценки даются как личностные авторские оценки, включающие в себя эмоциональную окрашенность. Авторская ориентация при создании публицистического текста определяется не стремлением выявить гносеологические и онтологические признаки предмета речи, как в научном стиле, а стремлением выявить признаки, существенные в социальном, идеологическом, политическом отношении. По названным причинам оценочная программа газетного текста, независимо от того, выражена она в оценочных логических тезисах или «вкраплена» в текст, не может быть устранена при свертывании этого текста, а его основная мысль всегда имеет оценочную окраску или допускает возможность оценочной интерпретации.

Важное место в газетно-публицистическом тексте занимает и прагматическая программа. Стандартизированная в силу особенностей ее создания и функционирования, газетная речь уравнивает стандарт экспрессией. Экспрессивность — конструктивный признак публицистической речи. Формы и приемы экспрессивности в газетном тексте чрезвычайно многообразны, и поиск нового в этой сфере постоянно продолжается. Экспрессивная программа газетного текста только дополняет его объективно-логическое содержание и теоретически может быть устранена при компрессии текста. На практике же мы легко убеждаемся в том, что очищенный от экспрессии и сведенный к строго логическому содержанию газетный текст теряет свое лицо, превращаясь то в общеизвестную истину, то в фактографическое описание события. Иначе говоря, информационные потери, возникающие при устранении экспрессивной программы газетного текста, оказываются невозполнимыми. Экспрессивная программа затрагивает существо газетного текста, ее роль здесь — строевая, а не дополнительная.

Основная мысль газетного текста определяется, таким образом, на основе всех трех его программ: объективно-логической, оценочной и прагматической. Здесь актуально разграничение объективно-логического основного тезиса текста и тезиса-идеи, в формулировке которого применимы оценочные и экспрессивные средства.

Тематическая цепочка публицистического текста

Тематическая цепочка публицистического текста подчиняется конструктивному принципу сочетания стандарта и экспрессии (Костомаров, 1971). Состав цепочки публицистического текста разнообразен, с выраженным чередованием нейтрально-номинативных и оценочно-эмоционально-экспрессивных номинаций. Базовой номинацией служит собственное имя, если предмет речи характеризуется его наличием. При этом на собственные имена-варианты распространяется закон чередования стандартных и экспрессивных единиц. Так, в портретном очерке «Дети Акаюэмы» (Чер.) используются следующие собственные имена — номинации героини очерка: *Людмила Степановна Ярославцева* (а) — *Ярославцева* (б) — *Людмила Степановна* (в) — *Акаюэма* (инд.-авт.; г). Основным из них является имя *Людмила Степановна* (11 повторений в тексте). Кроме названных, в составе цепочки — словосочетания *москвичка Людмила Степановна Ярославцева* (д), *эта женщина* (е), *моя собеседница* (ж); нарицательные слова *мать* (з), *мама* (и), *дочь* (к); нулевые номинации (л), местоимения-субституты *она* (м), *сама* (н). Как видим, набор номинационной цепочки велик по объему и разнообразен. Разделив все единицы этой цепочки на нейтральные и стилистически маркированные, получаем следующую картину чередований: 1обр—8нейтр—5разг—13нейтр—1разг—3нейтр—2разг—5нейтр—1разг—1эмоц—7нейтр—1разг—3нейтр.

Обращает на себя внимание почти полное отсутствие повторения одинаковых единиц цепочки друг за другом, исключения составляют лишь серии нулевых номинаций:

где з В м а м л л л л м м б В б м б В ...

Серии нулевых номинаций, подлежащих восстановлению через «большой» контекст неполных предложений и парцелированных конструкций, являются одним из средств создания разговорной интонации, характерной для современного газетного очерка: *Конечно, надо говорить о том, что она многое потеряла в жизни. \emptyset Мечтала стать философом, писателем \emptyset Приехала из Читы... поступать в Московский университет. \emptyset Не прошла по конкурсу. Но \emptyset сдала экзамены в Литературный институт. \emptyset Снимала угол. \emptyset Работала в больнице — в Чите успела кончить курсы медсестер.*

Принцип разнообразия является ведущим для тематических цепочек публицистического текста. Это проявляется в объемных жанрах публицистики и в маленьких заметках, в лексическом составе, размещении и композиции номинационных цепочек. Рассмотрим тематическую цепочку небольшой заметки (текст приводится полностью).

* \emptyset — знак нулевой номинации.

Кубик Рубика

Придумал *его* венгерский преподаватель Эрне Рубик как учебное пособие студентам Высшей школы декоративного искусства в Будапеште для развития пространственного воображения и тренировки сообразительности. *Эта игрушка* сочетает в себе сразу несколько старинных головоломок. Маленькие кубики образуют *большой*, стороны которого окрашены в разные цвета.

Кубики могут вращаться послойно (по 9) вокруг взаимно перпендикулярных осей, проходящих через центр *куба*, — вот и все устройство. Но число комбинаций положений кубиков — астрономическое. Поэтому, как говорит создатель *игрушки*, надо как бы видеть все шесть граней одновременно, помнить расположение сдвинутых малых кубиков, иметь в уме план дальнейших перемещений.

В 1977 г. *красочные кубики* появились в продаже на новогодней будапештской ярмарке игрушек. С тех пор в мире продано несколько десятков миллионов *головоломок*. За рубежом проводятся соревнования по скорости сборки граней *кубика*, издаются книги в помощь желающим овладеть «секретами» *головоломки*. «Венгерский куб», «магический куб», «кубик Рубика» — так называют *создание венгерского архитектора*. На этой же основе придуманы и другие игрушки (КР).

Номинации цепочки *кубик Рубика* (базовая номинация); он (субститут-местоимение); *эта игрушка, куб, головоломка* (таксономические номинации, родовые на разных основаниях и уровнях абстракции); *большой (куб), стороны которого... красочный кубик, венгерский куб, создание венгерского архитектора* (перифразы). Повторяемость единицы, в том числе базовой, минимальна: не более двух. Основной номинацией является базовая — *кубик Рубика* (выделяется на основании расположения в ключевых позициях текста: в заголовке, во введении (через отсылку) и в заключении).

Ср. также основные цепочки газетных публикаций разной тематики и жанровой принадлежности: *Владимир Джанибеков и Виктор Савиных — космонавты — лидеры команды космонавтов — В. Джанибеков и В. Савиных — экипаж — космонавты — «Памиры» — Джанибеков и Савиных — «Памиры»* (очерк); *морской жандарм Пентагона — гигантские стальные коробки, на которые Пентагон израсходовал миллионы долларов — авианосец — надводный корабль — авианосец — надводный корабль — авианосцы — главная ударная сила флота — авианосцы — авианосцы — такие корабли — авианосцы* (статья). Забота о разнообразии тематической цепочки не оставляет журналиста и в тех случаях, когда

создается небольшой по объему текст строго информативного характера, выдержанный в нейтрально-объективной тональности: *эмбарго — дискриминационная мера — эмбарго — антииранская акция (ВЭ); фестиваль фольклора — Первый международный фестиваль фольклора — он — смотр — фестиваль (ФФ)*.

Основной номинацией цепочки является, как правило, базовая или близкая к ней, и этим публицистический текст напоминает научный, но состав цепочки, ее композиция и расположение в тексте полностью затушевывают это сходство (анализ особенностей номинационных цепочек публицистического текста см.: Майданова, 1987, с. 124—132). Самое существенное в строении цепочек публицистического текста состоит в следующем: 1) основная номинация в количественном отношении незначительно превосходит неосновные (ср. с научными и официально-деловыми текстами); 2) базовая номинация в публицистическом тексте далеко не всегда выводится в заголовок, она может быть отодвинута в глубь текста, тогда как первичной номинацией в заголовке и/или экспозиции текста служит любая из дополнительных номинаций: нейтральная и образная перифраза, синоним, в том числе индивидуально-авторский, субститут-местоимение.

Иногда вся номинационная цепочка текста сильно сдвигается от начала. Газетно-публицистический текст может начинаться обширной образной зарисовкой, общим рассуждением, описанием авторского восприятия того или иного явления, события, лица и др., цель которых — подготовить читателя к восприятию основного содержания текста, оживить фоновые знания, настроить на желательную для автора оценку (в терминологии Т. М. Дридзе, это фон высказывания). См., например, заметку о работе адресного бюро:

Сообщаем адрес...

«Дорогие товарищи! Сердечное вам спасибо за помощь! Благодаря вам я нашел фронтового товарища Суханова П. Ф. Наладили переписку. С уважением ветеран войны и труда Козлов В. Ф». «Здравствуйте, уважаемые инструкторы! Своим трудом вы очень помогаете людям. Если бы у вас была книга для записи благодарностей, я сделал бы в ней сердечную запись от имени всех, кому вы помогли. Будьте счастливы! Д. И. Комин».

Таких писем много приходит на Пушечную улицу, в Центральное *адресное бюро* Московского горисполкома. Люди благодарят работников *бюро* за оперативность, внимание, чуткость. Справки выдаются здесь круглосуточно, и в выходные, и в праздники (СА).

Экспрессивные единицы тематической цепочки выполняют не только собственно номинационную и связующую функции. Не менее важна для них функция характеристики, формирования прагматического эффекта целого текста, причем тематическая цепочка — очень заметная структурная линия текста, по которой можно су-

доть о степени ясности и доступности текста, его тональности, эстетических установках автора.

Цепочки хода мысли публицистического текста

Публицистический текст отличен от других книжных текстов особенностями развертывания мысли. Если способ, характерный для научного стиля, можно назвать открытым и последовательным выражением хода мысли, а для официально-делового стиля — открытым и полным выражением результата мысли, то публицистический стиль в этом отношении определить однозначно нельзя. Логическая схема публицистического текста может иметь эксплицитное и имплицитное выражение (Майданова, 1987, с. 59), в числе логических отношений фрагментов много прагматически существенных: детализация информации, разъяснение, комментирование, выражение авторской реакции, призыв к социально необходимым действиям (Мамалыга, 1983, с. 22).

Логические связи публицистического текста не обеспечены обязательными языковыми связками, а если они и употребляются, то в большинстве случаев имеют другое выражение по сравнению с научной и деловой речью. Ведущими способами раскрытия хода мысли автора являются неспецифические способы: последовательность расположения фрагментов в тексте, лексико-семантические связи текста, в частности связи тематического характера и связи по линии конкретное/абстрактное. Резкая смена подтем скачкообразно продвигает вперед авторское изложение, а смена конкретных номинаций общими либо наоборот сигнализирует соответственно о переходе от фактических фрагментов к обобщающим или о противоположном ходе мысли.

Пожалуй, наиболее проработанными в публицистическом тексте являются композиционно-структурные связи между его фрагментами (в научной речи преимущество явно было за структурно-содержательными связями). Эти связи выражены неравнозначно. Начальные фрагменты публицистического текста выделяются нечасто: позиция начала текста говорит сама за себя. Положение заключительного фрагмента в конце развития темы обозначается более последовательно, но, как правило, иными языковыми средствами, нежели в научном тексте. Это такие средства, как открытое указание на финал, завершение текста (*Свой репортаж мы хотели бы завершить беседой с N*), использование специальной языковой связки (*Идея ясна: несмотря на все свои неудачи, просчеты, ООН располагает... И вот результат...*). Обращает на себя внимание стремление к нестандартному вводу заключительной части, к поиску новых форм или нежестких, лексико-грамматически не ограниченных конструкций. Именно в этом нужно искать специфику публицистического текста относительно развертывания

авторской мысли (правда, следует признать, что термин «цепочка хода мысли» при этом сильно размывается).

Наиболее типичное для публицистического текста обозначение перехода к концовке — это лексический переход на базе обобщающего слова. Так, в статье «Королевская оппозиция» о шахматном противоборстве А. Карпова и Г. Каспарова (Рош.), с портретно-аналитическими описаниями и сюжетно-повествовательными фрагментами о каждом из двух чемпионов мира, концовка текста вводится фразой: *все чемпионы мира рано или поздно становятся экс-чемпионами*. Аналогично в тексте «Сила музыки» (Каб.) используется ввод концовки: *Какую удивительную книгу можно было бы составить, если бы рассказать в ней хотя бы о некоторых (о всех — невозможно!) страницах жизни людей разных народов, разных эпох, разных профессий, которые любили музыку...* В статье на политическую тему «Прорыв к истине» (Арб.) концовка вводится фразой: *Мы готовы обсуждать все вопросы...* Обобщающее слово, и прежде всего местоимение *все (всё)*, является типичным для публицистического текста знаком концовки целого текста или его отдельной структурно-содержательной части.

Другим способом обозначения перехода к заключительной части публицистического текста является смысловой повтор начальной фразы текста или ее ключевых единиц. Так, в репортаже об уральском охотнике В. Ф. Медведеве «В лесу, как дома» (Смир.) скорректированы начальная фраза первого абзаца: *Василий Филиппович Медведев — потомок донских казаков* и начальная фраза последнего абзаца: *Старому охотнику 81 год*. Номинационная связь тематических частей данных предложений текста несомненна. «Кольцо номинаций» сигнализирует о концовке текста, хотя повтор здесь не дословный, а референтный, смысловой. Аналогично соотносятся начальные фразы первого абзаца и последнего абзаца-вывода в журнальной статье «Нужны ли гарантии» (Жух.): *Молодая писательница из Ленинграда, еще не публиковавшаяся в столице, приехала в Москву и сказали... —> Начиная «профессионалка» из Ленинграда хочет гарантий, и в этом...*

Данный прием чрезвычайно употребителен и характеризуется большим количеством структурно-семантических вариантов, определяемых разновидностями повтора (полный лексический, синонимический и др.) и размещением его в составе композиционных фрагментов. См., например, в очерке «Импровизация в миноре» (Гур.) корреляцию вступления и заключения через собственное имя героя очерка: *Одним из молодых актеров был Олег Даль. —> Олег*

Даль. Его не стало в сорок лет (заключительные фразы целого текста, выделенные в абзац).

На этом же тексте можно продемонстрировать прием резкой смены темы и характера изложения как способ обозначения грани композиционных частей, здесь — переход к заключению. Весь последний фрагмент основной части строится на конкретно-повествовательной основе: *Вечером я одна села у телевизора. Отключила телефон. <...> Не отрываясь, смотрела на Олега. <...> Кончился фильм. И надо было... В общем, надо было как-то продолжать жизнь.* Далее сразу следует цитата, связанная с текстом не на сюжетно-ситуативной, а на глубинно-смысловой основе: *«...У меня впечатление, что, начиная с определенного возраста, у людей здесь, по крайней мере в театральной среде, исчезает импульс к продлению жизни», — это слова английского режиссера...* Обобщенность содержания цитаты (см.: *возраст, люди, среда, продление, жизнь*), а также ее связь со всем предыдущим текстом, с каждым его фрагментом определенно настраивают на переход к заключительной части текста.

Таким образом, функция членения текста на информативно и композиционно разные фрагменты в публицистическом тексте осуществляется не с помощью специальных языковых связей, как в языке науки, а другими средствами, преимущественно лексико-семантическими. Что же касается языковых связей, то публицистический текст, можно сказать, избегает их, особенно в книжных вариантах, или же переиначивает в употреблении. К примеру, стандартно-выводной сигнал научной речи *итак* используется и в публицистическом тексте, но не всегда как сигнал логического вывода, например: *И т а к, тем кто заварил «Закарпатское дело», уже начинало казаться, что судьба Сержанова предрешена* (Кис.; вывод по экспозиции очерка), а также: *И т а к, это произошло примерно в середине второго матча* (Рош.). Связка *итак* в обоих случаях не выполняет обобщающей функции, это не обобщение логического порядка, а способ выделения наиболее значительного момента из сообщения о факте, первоначально поданном в подробностях.

Из других сигналов композиционно-структурного деления текста можно отметить сигнал развития темы *теперь*: *А т е п е р ь вспомним наш русский древний мир* (Каб.).

Для средств содержательной связи внутри композиционных частей публицистического текста характерна малая частотность связей и нестандартность их языкового выражения, однако используемые связочные средства полностью укладываются в общую типологию связей информационных фрагментов в тексте, см.: *Вы чувствуете, как схожи эти два мифа* (Каб.) — выделение сопоставляемой информации; *Все вы, конечно, читали книгу Д. Фур-*

манова «Чапаев». Помните, как он сказал о простой песне... (Каб.) — введение информации с указанием на ее источник; *За примерами далеко ходить не надо* (Жух.) — введение иллюстративной информации; *И еще один важный момент хотел бы отметить* (Арб.) — введение дополнительной информации.

В публицистическом тексте встречаются, конечно, и типовые формы связей, но только нейтральные, такие, как, например, *кстати, в частности* (*К с т а т и, о честности в политике* (Арб.) — введение ассоциативно привлеченной информации). При использовании стандартных форм связи публицистический текст гораздо свободнее в их оформлении, в нем не обязательна строгая формальная и структурная согласованность соотносительных связей, как это характерно для научной речи: *Нельзя в о - п е р в ы х, не обратить внимания, что...* (развивающий смысловой фрагмент). —> Фрагмент из семи предложений, последнее содержит соотносительную связь: *Это, мне кажется, второй главный момент, из которого логически вытекает третий: форум для решения проблем есть. Это — ООН* (Шал.).

Если попытаться определить своеобразие цепочек хода мысли в публицистическом тексте, то можно связать это своеобразие с сознательным отталкиванием от книжных логических структур, рассмотренных в предыдущих главах, с противопоставлением им. Сказанное относится и к частотности логических связей, и к их материальному составу. Малое количество связей объясняется пространственностью логических объединений на основе включенных лексико-семантических средств — их семантики и текстовой композиции. Применение специальных связей обусловлено с индивидуализацией и «прагматизацией» приема. Логическая связка диалогизируется (*вы чувствуете, помните*), наделяется личностным характером и образностью.

Организация внутритекстовых логических связей ясно отражает характер текстовой целеустановки в публицистике: воздействовать, информировать.

Тональность публицистического текста

Важность эмоционально-экспрессивного содержания публицистических текстов подчеркивается тем, что разграничение подстилей публицистики осуществляется в функциональной стилистике на эмоциональном основании. Выделение официального и неофициального подстилей, а затем, в более детальной разработке А. Н. Васильевой, выделение официально-информативного, неофициально-информативного, обобщающе-директивного и других подстилей в первую очередь связано с этим основанием, которое и отражено в терминах, и лишь во вторую очередь — с характером самой информации (Васильева, 1982а).

Монографическое исследование А. Н. Васильевой позволяет в полной мере оценить разнообразие публицистической речи в плане тональности. Диапазон тональностей здесь очень велик — от подчеркнуто объективного, нейтрального тона до эмоционально насыщенного, со всеми возможными переходами. Конкретно поле тональности зависит от жанра, темы, целеустановки.

Официально-информативные жанры хроникального сообщения, информативной заметки связаны с тональностью объективности. Эти жанры содержат рациональную информацию, которая «подчеркнуто устраняет такой субъективный момент, как мнение и оценка информатора» (Васильева, 1982а, с. 31). Думается, что нет оснований и в данном случае говорить о нулевой тональности. Подчеркнутое внимание к фактической стороне дела создает психологическую картину деловитости, отстраненности от личных эмоций — и это тоже определенная тональность.

Аналитический жанр газетной статьи связан со сдержанным проявлением психологических красок. Наиболее полно категория тональности проявляется в очерке, а также в репортаже, с его жанрово узаконенным отличием — открытым описанием присутствия при излагаемом событии автора-журналиста.

Вообще, наличие, набор, количество средств тональности зависят от жанрово определенного права автора на «личное присутствие» в тексте: «Коэффициент модальности... тем выше, чем отчетливее проявляется личность автора в его произведениях» (Гальперин, 1981, с. 118). Жанры, дающие автору текста возможность самовыявления, обладают сильным полем тональности; коллегиальные, неличностные тексты — слабым. В дальнейшем мы обратимся к текстам тех жанров, которые характеризуются выраженной тональностью.

Теоретический интерес представляет строение поля тональности в публицистическом тексте, а также его типовое текстовое содержание.

Можно ли поставить вопрос о типовой, универсальной семантике тона для публицистической прозы? На первый взгляд, это абсурдно — столь велико многообразие тем, жанров, авторских индивидуальностей в области публицистики. Но при ближайшем рассмотрении поиск универсального для публицистики тона оказывается уже не столь странным. На наш взгляд, универсален для публицистического произведения тон непринужденности и дружелюбия, тон собеседования с читателем. Иногда это единственная психологическая краска публицистического текста — так бывает в строгом жанре статьи. Чаще, в личностно окрашенных жанрах, на нее наслаиваются собственно эмоциональные краски, но установка на непринужденность общения и рождаемая ею интонация дружеской уважительной беседы остаются неизменными и роятся

между собой совершенно разные произведения. Назовем эту тональность базовой, или фоновой, тональностью публицистики.

Как лингвистически обеспечивается эта тональность?

Можно назвать, по крайней мере, два основных способа: это собственно полевой способ, при котором тональность обеспечивается рассыпанным в тексте множеством конкретных языковых средств, и способ авторизации, когда, кроме основного текста, существует еще метатекст «автор в поисках истины», представляющий собой отражение метасобытия, т. е. той деятельности, которую осуществляет журналист, изучая явление действительности (Майданова, 1987, с. 85). Метатекст, как нам кажется, вводится исключительно с целью более явственной передачи тональности создаваемого публицистического текста: образ автора — это психологический камертон текста, а поскольку «образ автора в публицистике — это авторское «я» журналиста» (Вакуров и др., 1978. с. 12), постольку его реализация придает индивидуально-личностную окраску всему, о чем идет речь в тексте. (Сказанное не предполагает ни обязательности решения авторского образа только через текстовое «я», ни отождествления текстового «я» только с образом автора; здесь говорится лишь о наиболее типичном публицистическом решении.)

Иногда образ автора важен в публицистической работе и композиционно, в этом случае метатекст представляет собой «сюжет в сюжете». Так, в очерке «Машине — время» об ансамбле «Машина времени» и его лидере А. Макаревиче (Щерб.) в трех главах из семи автор занимает центральное положение и рассказывает читателям о событиях и впечатлениях собственной жизни:

Что там в начале? «Битлз»? Или Шестая симфония? Шестой симфонией Чайковского я «сушил мозги» своей десятилетней дочери. Впрочем, простите, не симфонией, а устными рассказами о ней. Потому что — ныне уже за девятнадцать лет жизни в Москве — так ни разу и не удалось купить билеты на нее: всегда она в каком-то абонементе. Не попадалась и пластинка. Впрочем, я и не хотел бы показывать дочери свое любимое произведение на пластинке. Такая музыка настоящая только живьем.

Как видим, автор текста не побоялся показать свою эстетическую леность — ради живости изложения, тональности доверительного разговора.

Чаше же образ автора создает «второй план» очерка или еще более дальний план в текстах других жанров, приоткрывая для читателя «журналистскую кухню» и открыто выражая личное мнение журналиста*.

* О структурно-текстовых схемах введения авторского «я» в текст очерка см.: Майданова, 1986, с. 141—156.

В содержательном отношении фрагменты с авторским «я» разнотипны. Одни из них включают описание впечатлений, реакций автора, осмысления им проблемы: *Меня тревожат предложения о так называемой «национализации»*; *Как всегда, я задаю себе очень существенный для меня лично вопрос...* (Ган.). С помощью других фрагментов образ автора-повествователя включается в предметную (денотативную, фабульную) сетку текста, придавая ему дополнительное измерение: *Подъехать к берлоге медведя на тракторе и, ничем не рискуя, в упор расстрелять зверя; взрывчаткой убить в реке рыбу; с вертолета, снизившись до предела, пальнуть по медведю...* Это, к сожалению, для некоторых становится нормой поведения. Я знаю это не только по письмам в редакцию. Много наблюдал сам или слышал рассказы «из первых рук» (Песк.).

Обе разновидности приема экспликации авторского «я» едины по своей сути: и в том и в другом случае речь «оживлена конкретностью восприятия, окрашена субъективным отношением свидетеля. Она в известном смысле «ближе» читателю: он, живой конкретный человек, получает информацию от живого конкретного человека» (Васильева, 1982а, с. 154).

При всем содержательном разнообразии текстовых фрагментов с авторским «я», они характеризуются общей темой — темой журналистского поиска, темой исследования интересующей журналиста проблемы. Это естественно, так как автор публицистического произведения не имеет права полностью переключить внимание читателя на себя. Экспликация авторского «я» — концентрированное выражение самой идеи субъективно-оценочного характера публицистического текста. Не просто оценка по долгу службы, но оценка, пропущенная через себя, опирающаяся на глубокое индивидуальное проникновение в тему — так воспринимается данный прием, и в этом его сила и его сложность. Необходимо создать образ работающего журналиста, сообщающий личностную окраску всему изложению и притом никогда не выдвигающийся на передний план. Профессиональные журналисты достигают этого, пользуясь включенным образом автора очень сдержанно: чаще всего они прибегают к «точечным» включениям (один, два, три фрагмента в очерке или репортаже), а если на данном приеме строится одна из композиционно-структурных линий текста, то он реализуется самыми скромными языковыми средствами.

В публицистических произведениях писателей, видных общественных деятелей прием метатекста используется более свободно и развернуто. Так, многие публицистические работы В. Шукшина имеют зачин индивидуально-авторского характера, основанный на конкретно-биографическом факте, см. его «Монолог на лестнице»:

Однажды случился и у меня неприятный разговор с молодыми учеными. Разговор был о деревне. А неприятный оттого, что я совсем не умею спорить. А надо было спорить, доказывать свою правоту. Я не сумел, и потом было тяжело.

Поступила записка. Спросили: «А сами Вы хотели бы сейчас пройтись за плугом?» Тут я сбился. Между тем мне хотелось бы продолжить этот разговор (Шукш.-1).

Использование в той или иной форме включенного авторского «я» либо отказ от него зависит от индивидуального замысла автора и требований жанра. Наибольшими возможностями в этом плане располагает, конечно, очерк.

Полевый способ создания фоновой тональности, действующий и в сфере метатекста, прежде всего связан с широким использованием средств разговорности.

Современная публицистика много работает в этом направлении. Разговорная лексика и синтаксис, диалогичность, резкие ассоциативные переходы, свободное изменение тона в зависимости от предмета речи, элементы языковой игры — эти и другие особенности, свойственные живой устной речи, характерны сейчас не только для самого свободного публицистического жанра — очерка, они проникают и в более строгие жанры. Так, статья «Потеснит ли Гендель сопромат?» (Гонт.), довольно сложная по языку (обилие книжной лексики, в том числе терминов, многочисленные именные словосочетания, большое количество обособленных оборотов и перечислительных рядов, преобладание предложений осложненной синтаксической структуры), получает краски естественности за счет умело и экономно использованных в тексте разговорных языковых средств. Это преимущественно средства, связанные с диалогизацией речи. Полемическая, как явствует уже из ее названия, статья преследует цель не просто высказать определенное мнение о подготовке научно-технических работников, но и доказать его, оспаривая аргументы противоположной стороны. Эти аргументы приводятся в зачине статьи, а затем дважды, на значительном удалении от зачина и друг от друга, даются связанные с зачином фрагменты-ответы, в которых воспроизводится не только суть, но и словесная форма, и эмоциональный тон высказываний предполагаемого оппонента:

Особенно характерна публикация «Строгий взор на кругозор», в которой один из инженеров-практиков сетует на то, что в его деятельности не понадобились не только разные «этики-эстетики», но даже высшая математика и многое другое, преподаваемое в современном инженерном вузе. (Фрагмент зачина, изложение мнения противоположной стороны, которое автор собирается опровергнуть. В этом фрагменте воспроизведена окказиональная ироническая формулировка, использованная оппонентом: разные «этики-эстетики».) <...>

И тут выясняется, что пути решения этой задачи обязательно пройдут через пресловутые «этики-эстетики», т. е. через необходимость систематической гуманитарной подготовки современного инженера. (Элементы диалогизации: прямая тематическая связь с приведенным выше фрагментом, воспроизведение наиболее яркой речевой единицы этого фрагмента). <...>

Итак, важнейший вывод: эмоционально-образное мышление, «мышление-лирик», выступает как полноправный участник, а еще точнее — как своеобразный катализатор абстрактно-логического «мышления-физика». Вот вам и «разные там «этики-эстетики». (Явная фигура диалогизации: моделируется типично разговорная по форме ответная реплика, в которую включена лексическая единица — сигнал реплики собеседника. Использовано характерное разговорное слово-усилитель там.)

В данной статье почти нет других рефлексов разговорной речи, но и приведенных достаточно, чтобы сообщить всему тексту общую интонацию естественной непринужденной речи

Количество языковых средств, с помощью которых создается модальность непринужденного общения, очень велико (вопросно-ответные единства, парцеллированные конструкции, разговорная лексика, разнообразные экспрессивные средства и др.), и нами не ставится цель описать их все. Остановимся лишь на средстве, которое редко рассматривается специально, видимо, в силу его неспецифичности. Имеется в виду простая фраза, т. е. предложение типовой нейтральной или нейтрально-разговорной синтаксической структуры, без осложняющих элементов, с общеупотребительным, чаще всего конкретно-предметным лексическим составом. Так создается тон убедительной достоверности, правдивости, далекой от патетики и эмоциональных деклараций, столь чуждых современному читателю. К данному средству прибегают журналисты разной индивидуальной манеры, оно употребительно в различных жанрах публицистики, будучи наиболее характерно для очерка: *За порогом дома проблемы не исчезают... Собаку вывели погулять. Но город, увы, не приспособлен для этого. На бульваре и в парке, где вы появились, немедленно возникают конфликты (Песк.).*

Базовая тональность непринужденности и доброжелательности к читателю не мешает проявлению самых разнообразных чувств по отношению к предмету речи. Психологическая доминанта текста складывается на основе множества текстовых данных и носит конкретный характер, определяемый целым рядом экстралингвистических обстоятельств. Однако нас интересуют обобщения на уровне функционального стиля.

Наблюдения показывают, что журналисты не так уж часто прибегают к средствам «открытой тональности», т. е. использованию базовых единиц языкового поля в качестве основных. Чаще жур-

налистика предпочитает действовать через факт. Сюжетно-фактическое обеспечение тональности следует поставить на первое место как чрезвычайно разработанное в публицистике. Факты отбираются и выстраиваются в той последовательности, которая формирует тональностное восприятие. Это, в частности, очень характерно для жанров статьи и информации.

Второй путь, свойственный публицистическим работам, — фиксация эмоций героев, а также эмоциональной окраски ситуации. Автор не изображает чувства своего героя, но с помощью нейтральной лексики соответствующего значения обнаруживает богатство его эмоциональной жизни или эмоциональный заряд избранной ситуации, за счет чего весь текст приобретает определенную психологическую окраску. Например, очерк В. Пескова «Жестокость» озаглавлен именно такой нейтральной лексической единицей, в тексте она повторяется в разных сочетаниях двенадцать раз, и к ней присоединяются другие слова, указывающие на человеческие чувства и связанные с понятием «жестокость» как следствие с причиной: *негодование, стыд, раскаяние, страдание, мучения, болезненное*. Так создается семантическое поле отрицательных эмоций по поводу изображаемого, тональность тревоги, боли, возмущения, характерная для этой работы В. Пескова. Заметим, что эмоционально-оценочная доминанта текста рассматриваемых жанров нередко задается уже его заголовком, как в названном очерке; см. также заголовки: *Счастливый однолюб; Тревоги и надежды Самотлора; Обвинения, высказанные в запальчивости; Крах одной фальшивки*.

К прямым логическим сигналам тональности при создании текстового поля примыкают лексические единицы с эмоциональным семантическим потенциалом. Не будучи связаны в языке по логикопонятийному значению, а в тексте по сюжетно-фактическим связям, такие единицы, рассыпанные в тексте, ощутимо поддерживают друг друга согласованностью своей скрытой оценочной и эмоциональной семантики и укрепляют создаваемую автором единую субъективно-модальную линию текста. Например, светлый колорит предновогоднего репортажа в значительной мере создается большим количеством слов с положительной эмоционально-оценочной коннотацией: *виртуоз, легкость, изящество, праздничный* (встречается в тексте трижды), *чудеса* (дважды), *гордиться, молоды, интересный, герой, спасибо, улыбаться, неповторимый, легкий, разительно-веселый, улыбка, сюрприз, секрет, позаботились* (Парх.). Ср.: *ущерб, потрясать, конфликт, нервозность, антагонизм, нарушение* (Песк.).

И только в третью очередь назовем создание тональности открытым способом, за счет экспрессивных средств субъективной модальности. В их числе лексические (экспрессивная лексика и

фразеология), морфологические (усилительные частицы, эмоциональные междометия, вводные слова с эмоционально-оценочным содержанием), синтаксические (инверсия, субъективно-оценочные конструкции), собственно текстовые (повтор и другие стилистические фигуры).

В публицистике никогда не прекращается работа по обновлению и увеличению набора экспрессивных средств на самой различной основе. «Все функциональные стили, так или иначе взаимодействующие с газетно-публицистическим стилем, вносят свою лепту в язык журналистики; который перерабатывает эти включения и выражения в соответствии со своими внутренними законами и делает их достоянием литературного языка» (Солганик, 1984, с. 60).

Как правило, поле тональности в публицистике отличается четкой выраженностью. В зависимости от жанра, темы произведения, индивидуальной манеры автора меняется степень активности той или иной группы языковых средств создания этого поля в конкретном тексте, но практически любой публицистический текст обеспечивает это поле всеми тремя типами составляющих его единиц: нейтральной лексикой оценок и эмоций, нейтральной лексикой с эмоционально-оценочным языковым потенциалом и экспрессивными языковыми средствами, в которых эмоциональная оценка находит непосредственное выражение. Именно за счет этой оценочной многократности читатель ясно осознает общую тональность текста и субъективно-оценочную позицию автора, которые, при желании, можно выразить вербально.

Оценочное поле публицистического текста

Оценка предмета речи возводится в принцип создания публицистического текста. Авторское «гражданское «я» (А. Н. Васильева), сверяемое с общественными идеалами времени, особенно ярко проявляется в жанре очерка, но свойственно и другим жанрам.

Авторские оценки могут быть рациональными по смыслу и развернутыми по форме, тогда они выражаются в отдельных микротекстах и входят в логическую схему текста на правах отдельных логических тезисов. Оценочные тезисы являются логическим продолжением основного или развивающего тезисов. В другом случае авторская оценка бывает разлита по всему тексту, при этом оценочные единицы вкраплены во многие микротексты, за счет чего оценочно окрашивается весь текст. Оценка в публицистике может переводиться в эмоциональный план, а может оставаться рациональной.

Неотъемлемость и открытый характер оценочности в публицистическом тексте отнюдь не означают, что она выражается непосредственно базовыми единицами поля оценки *хорошо/плохо* и т. п.

Наблюдается картина, схожая с категорией тональности. В современной публицистике очень распространены тексты, которые вообще не содержат лексических сигналов оценочности, хотя никто не усомнится в оценочной позиции автора. Все фрагменты такого текста носят объективно-логический характер, изложение, казалось бы, фактографично, рассудочно — и только. Но отсутствие в тексте оценочных тезисов или оценочных языковых сигналов еще не означает отсутствия оценочности вообще. Отбор и расположение объективно-логической информации, средства экспрессивного усиления используются автором газетного текста таким образом, что предполагают вполне определенную социальную оценку предмета речи. Читатель получает оценочную идею автора не в готовом виде — он самостоятельно выводит ее из объективно-логического содержания текста. Сошлемся на портретный репортаж «В лесу, как дома» (Смир.). В нем ни одной базовой единицы оценки, и все же суть портретного описания в оценочном свете может быть сведена к мысли: «Вот портрет достойного человека» или «Охотник Василий Медведев — настоящий профессионал и достойно живущий человек». Оценка одобрения, скрытая в подтексте, но хорошо понятная читателю, является следствием отобранных журналистом объективных характеристик личности: *потомок донских казаков, страстный любитель леса и охоты, отличный промысловик в течение 66 лет, фронтовик, знаток округи*. Перечисление положительных качеств естественно формирует и целостную положительную оценку объекта описания, в данном случае — человека. По аналогии с текстовой тональностью назовем данный способ обеспечения оценочности сюжетно-фактическим.

Другой важный способ организации оценочного содержания публицистического текста — это использование нейтральной лексики с рационально-оценочной коннотацией, известной носителям данного языка из общечеловеческого или национального опыта. В сознании людей существует выработанный в коллективном опыте набор понятий, которым приписывается положительная или отрицательная оценка. Так, если иметь в виду обозначения черт характера, то *честность, смелость, трудолюбие* и др. — это положительная рационально-оценочная лексика, а *лживость, трусость, лень* — отрицательная. Равным образом в развитом обществе накапливается оценочное представление об общественных (идеологических, политических, культурных) явлениях, откладывающееся в коннотации соответствующих слов: *демократия, право, фашизация, экстремизм* (Стриженко, Кручинина, 1985, с. 43). Это свойство многих нейтральных слов и используется в публицистическом тексте чрезвычайно активно, причем к лексическим языковым средствам добавляются описательные обороты. Рассмотрим данное явление на материале небольшой заметки.

Надежный работник

Когда он появился в первом цехе московской кондитерской фабрики «Большевик», то сразу *приглянулся всем своей расторопностью, аккуратностью. А главное — удивительной работоспособностью.* За восемь часов он может разложить по пачкам до 5 тонн печенья и при этом *нисколько не устает, готов без перерыва работать еще хоть целую смену.*

«Артур-II» — *первый* в пищевой промышленности робототехнический комплекс, предназначенный для автоматической разбраковки, транспортировки, укладки печенья.

Около двух лет понадобилось на «обучение» робота. Зато теперь он *безошибочно определяет малейшие дефекты* в изделиях. Специальные датчики, установленные на контрольно-распределительном агрегате, регистрируют каждое проходящее печенье, и *в случае брака оно тут же отправляется на доработку.* А хорошие изделия аккуратными пачками — по семь штук в каждой — перекладываются в заверточную машину и упаковываются в бумагу с фабричными этикетками. На упаковку каждой такой пачки уходят считанные секунды (НР).

Содержание текста — развернутая характеристика предмета речи — робототехнического комплекса для разбраковки, транспортировки и укладки печенья. Основной логический тезис выражен в тексте открыто (2-й абзац). Это объективно-логическая формулировка с неявно выраженной положительной оценочностью: «Артур-II» — первый в данной отрасли промышленности комплекс, следовательно, это новинка, достижение технической мысли, то, что связывается с положительной социальной оценкой. Данная оценка проявляется в тексте достаточно явно, как до формулировки основного тезиса, так и после нее. Это достигается отбором фактов и приписываемых роботу характеристик-олицетворений: он *приглянулся всем, аккуратность, смывленность, работоспособность робота; нисколько не устает; безошибочно определяет малейшие дефекты, возвращает брак на доработку; укладывает за считанные секунды.* Весь этот ряд можно завершить оценочным выводом: «и это хорошо», проявляющим оценочное содержание перечисленных положений.

Аналогичное явление налюдается и в научной речи, но в публицистике несоизмеримо шире набор оснований опосредованной оценки.

Еще один способ передачи оценки в публицистическом тексте — это ее открытое выражение. Так, в небольшой заметке «Андрей Рублев» (АР) используются такие оценочные слова и обороты: *гениальный художник, гражданственность, величайший живописец, гениальное творение, возвышенное поэтическое*

искусство, лучшие соборы. Еще раз отметим, что столь высокая плотность средств открытого выражения оценки не так уж характерна для современного публицистического текста. Опосредованные же, завуалированные способы передачи оценки достигают большого разнообразия и значительной сложности.

Сравнивая между собой поле тональности и поле оценки, можно заметить их внутреннее единство в области использованных средств. Современная публицистика избегает лобовых оценочных выводов. Открытому выражению эмоций и оценок предпочитается воздействие опосредованными путями — через отбор фактов, а также их качественную характеристику. В результате основные единицы текстового поля тональности и поля оценки не совпадают с базовыми единицами соответствующих языковых полей. Можно сказать, что текстовые поля тональности и оценки носят несколько нейтрализованный, логизированный характер, особенно в жанрах «строгой» публицистики. Названное качество не лишает публицистический текст определенности тона и оценки. Напротив, они становятся, вероятно, более просто и четко воспринимаемыми.

Отличие же публицистического поля оценки от научного и других заключается в его ведущей роли по отношению к тональности в целом и ко всему набору ее языковых средств в частности. «Публицистика остро нуждается в экспрессивных средствах, однако публицистическая экспрессия носит подчеркнуто социальный характер. Это прежде всего экспрессия целенаправленная, избирательная, оценочная» (Солганик, 1986, с. 133).

Поле времени публицистического текста

Организация поля времени публицистического текста связана с общей целеустановкой публицистики информировать и, формируя, воздействовать. Объективное время публицистического текста имеет точкой отсчета текущий момент действительности, историческое «сегодня». В авторизованных текстах, содержащих описание метасобытия — деятельности журналиста в процессе создания текста, нередко создается хронологическая ось, проходящая через весь текст. Объективная хронологическая ось может использоваться и в связи с основным событием, см., например, в статье «Прорыв к истине»: *год назад, 11—12 октября, в Исландии состоялась встреча Михаила Горбачева и Рональда Рейгана —> Рейкьявик —> историческое продолжение первой встречи М. С. Горбачева с Р. Рейганом в Женеве в ноябре 1985 г. Можно сказать, что от Женевы до сентября прошлого года... --> После Рейкьявика мир в целом вступил ... в новый период своего развития... —> Сегодня, после Рейкьявика ...* (Арб.).

За счет объективно-хронологической оси журналист получает возможность организовать повествовательную линию текста, которая чрезвычайно важна для его восприятия читателем: хорошо известно, что повествование воспринимается гораздо легче, чем описание и рассуждение. Прием введения повествования «от себя», в связи с метасобытием, имеет очень широкое хождение в современной публицистике. Он вносит личную человеческую ноту в решение любой темы, а в публицистике нравственно-этического содержания приобретает первостепенное значение. При этом сигналы объективного времени играют роль фактической опоры для выражения авторского оценочного отношения к событиям. В качестве примера приведем статью «Нужны ли гарантии»:

У писателей свои праздники, у читателей свои. В начале этого года моими читательскими праздниками стали три вещи: роман В. Дудинцева «Белые одежды», повесть А. Приставкина «Ночевала тучка золотая» и книжка стихов А. Аронова «Островок безопасности». —> Три десятилетия назад Владимир Дмитриевич Дудинцев опубликовал роман «Не хлебом единым». —> Спусти сколько-то лет — уже не помню, пять или десять — разнесся слух: Дудинцев заканчивает новый роман. —> Проходил год, роман не печатался, но обещание возобновлялось. Потом, видимо, стало стыдно — фамилия Дудинцева исчезла из рекламных перечней. Ну, а с романом что? Говорили, есть, лежит. Год лежит, два лежит. Двадцать лет. Теперь не лежит — вышел. —> На меня этот роман влиял довольно сильно. И не только теперь, когда я его читал, влиял все двадцать лет «лежаний» (Жух).

В жанре информационной заметки темпоральные единицы нередко создают сквозную линию связи. Так, в заметке «Мост, построенный дважды» (МПД) начальные фразы всех трех абзацев содержат сигналы времени: *Соединив в 1912 году два красивейших днепровских парка в Киеве... —> Семь десятилетий служил он людям. —> Два часа понадобилось на демонтаж старого моста, две недели на монтаж нового, двадцать минут — на его подъем и установку на опоры.*

В то же время хронологическая линия публицистического текста — понятие достаточно неоднозначное. Здесь совсем не обязателен переход от более раннего события к более позднему. С «точки» сегодняшнего дня журналист может отходить как в прошлое, так и в будущее, делать свободные отступления в область сугубо личных и в область исторически соотносительных событий. См.: *Пока стрелка часов не торопясь двигалась к на-*

значенному сроку начала матча... (настоящее время «репортажа»). *Еще в недавние времена как только не называли боксеров наилегчайших весовых категорий* (хронологическое отступление) (Елиз.). В зависимости от наличия/отсутствия метасобытия, от количества событий, соблюдения или нарушения хронологии в публицистической речи наблюдается большое разнообразие темпоральной организации (Майданова, 1987, с. 81—107).

Наличие выраженной линии объективного времени не является обязательным для публицистического текста. Если текст строится по модели описания или рассуждения, то лексические сигналы объективного времени редки и не выстроены в цепь. Так, в репортаже «Ракеты уходят в отставку» использовано всего три таких сигнала, не связанных друг с другом: *Командир части, несмотря на ранний час, побывал уже...* (сигнал времени работает на создание эффекта присутствия читателя на месте событий — так дается объективно-временная привязка явления, а затем автор текста больше в ней не нуждается). —> *И вот поступил этот приказ — собираться в дорогу* (акцентируется текущий момент — речь идет о переезде военной части), —> *Еще вчера они* (офицеры. — Т. М.) *были... А потом...* (временное отступление, другой субъект действия) (Дм.). В публицистическом выступлении «Сила музыки», эмоционально окрашенном рассуждении, вообще нет сигналов объективного времени, если не считать композиционно-текстовой единицы *теперь*: *А теперь вспомним наш древний миф, нашу новгородскую легенду-былину о Садко* (Каб.).

Сигналы объективного времени, кроме функции общетекстовой связи, выполняют функцию сегментации, неразрывно связанную с первой. Они располагаются, как правило, в начале абзацев, иногда — в начале и в конце смыслового фрагмента текста, т. е. текстовые функции их те же, что и в научной речи. Разводит эти стили форма выражения, гораздо более свободная в публицистике и стандартизованная в научной речи. Предлагаемая ниже небольшая подборка сигналов времени в публицистическом тексте показывает стремление авторов к нестандартности, свойственное этому типу текстов: *Оглядываясь на события тех дней...; Я вспоминаю в связи с этим события двухлетней давности; Пока стрелка часов не торопясь двигалась к назначенному сроку начала матча...; Что там в начале?; Спустя сколько лет — уже не помню, пять или десять...; Однажды весенним вечером...*

Итак, объективное время в публицистическом тексте — сильная субкатегория, без которой редко обходится публицистическое произведение: опора на факты в публицистике повсеместна, причем на факты, приблизительно или точно хронологизированные.

Документируется и временная точка отсчета — датой выхода газеты или журнала. Можно сказать, что объективное время — основная темпоральная координата в публицистике, осуществляемая в основном лексическими языковыми средствами.

Кроме объективного времени, применительно к публицистическому тексту можно говорить о концептуальном времени (отражение реального на уровне концептов, моделей этой реальности). Для публицистического стиля характерна не только приверженность к фактам, но и стремление подняться над этими фактами до крупных социальных обобщений. В числе средств выделения концептуальной информации — пространственно-временные. Как и в других книжных стилях, концептуальное время отличается от объективного лексической немаркированностью. Субкатегория объективного времени реализуется в тексте на лексической основе (даты, слова с категориальной, дифференциальной или потенциальной семой времени, описательные обороты с семантикой количества или направления времени); субкатегория концептуального времени осознается через отрицательные лексические показатели названных типов, а также через следующую лексико-грамматическую модель: субъект концептуально-текстового значения (ключевое слово текста) предиктируется с помощью глагольной формы настоящего времени. Грамматическое настоящее время глагола в наибольшей степени пригодно для целей обобщения (настоящее постоянное, настоящее вневременное, настоящее концептуальное).

В объемной статье «Блеск и нищета номенклатуры» (Кост.), содержащей полемический анализ сталинской административной системы, чрезвычайно важна объективно-темпоральная координата, выражаемая с помощью точной и приблизительной датировки, множества собственных имен и темпорально ориентированных нарицательных слов. Текст относится к многособытийным, так что компоновка объективного времени сложна, не однолинейна. Самостоятельность композиционных частей текста подчеркивается использованием внутренних заголовков.

Если выделить из текста предложения, позицию субъекта в которых занимают ключевые слова текста (*номенклатура, аппарат, власть, идеология, методы руководства* и др.), выделяется их внутреннее и формальное сходство, ср.: *Я бы сказал, что номенклатура, в том виде, в каком она существует до сих пор, является и порождением и жертвой сталинизма* (введение). —> *Суть номенклатуры — в подмене власти идей голой идеей власти. Идеология в руках номенклатуры превращается в инструмент удержания власти* (2-я главка). —> *По меткому и горькому выражению Г. В. Плеханова, в стране осуществляется «идеал персидского шаха»* (3-я главка). —> *Вместе с тем, как*

все в нашей нынешней жизни, номенклатура нуждается в трезвой, а не только эмоциональной оценке (9-я, последняя, главка).

Помимо семантико-стилистического сходства субъектов, эти предложения объединяет однотипность остальных лексических единиц: все фразы носят небытовой обобщенный характер; грамматической основой предиката выступают полужнаменательные умеренно книжные глаголы в форме настоящего времени.

Отмеченное сходство рождает текстовую связь и внутреннюю целостность данных фрагментов (кстати, расположенных в сильных информационных позициях — в начале или конце абзацев), что и позволяет говорить о выделенности концептуальной информации, в частности, за счет текстовой субкатегории концептуального времени.

В целом по стилю публицистики отметим, с одной стороны, принципиальное сходство темпоральных координат с аналогичными в научной и деловой речи, а с другой — существенное несовпадение их значимости и композиции в каждом из стилей.

Есть и принципиальное отличие публицистического стиля от рассмотренных ранее научного и официально-делового. Это «образ времени», который несет в себе публицистический текст, и особенно группа текстов одного периода. Публицистический стиль, обладающий собственной поэтикой (Солганик, 1986), настолько пристально следит за реальным социальным временем, используя не только его прямые номинации, но и многообразные и многочисленные характеристики, что в результате складывается целостное представление об эпохе, периоде, конкретном времени. Это представление художественного типа, но не аналогичное собственно художественному в силу открытой оценочности изображения.

Локальное поле публицистического текста

Пространственная организация публицистического текста в значительной степени изоморфна темпоральной. Ведущей смысловой линией в таком тексте является линия объективного пространства, преимущественно в его социальном варианте. Публицистический текст воспроизводит объективное пространство с помощью лексических и контекстных средств. От содержательной структуры текста зависит единство места или отсутствие такого единства, дискретность или общность пространства, его концентрический или векторный характер. В конкретные текстовые схемы пространственной организации мы здесь не входим, отметим лишь обязательность локальной привязки факта для публицистики. Факт (что), не снабженный конкретизаторами (где) и (когда), — это не публицистический факт. Значимость пространственно-временных указателей подчеркивается наличием специальных приемов, характерных для отдельных жанров пуб-

лицистического стиля. Одним из таких приемов является изолированное использование локального указателя в абсолютном начале текста. Он широко применяется во всех хроникальных материалах, а нередко и в жанре информационной статьи, например, «ООН: действовать друг с другом»: *Нью-Йорк (Соб. корр. «Известий»)*. *За то время, что идет общая политическая дискуссия, под сводами огромного зала, где проходят заседания 42-й сессии Генеральной Ассамблеи ООН, прозвучали десятки речей* (Шал.).

Подобные локальные вводы, выделяемые в тексте шрифтовыми способами, иногда объединяются с темпоральными, но локальный указатель используется на первом месте, что связано с его большой стабильностью, а также ситуативной непредсказуемостью, тогда как негласное условие публицистики — отражение событий последнего времени позволяет в ряде случаев не указывать точное время (кроме того, в публицистике применяется общая датировка издания (газеты, журнала), которая проясняет и датировку конкретных текстов этого издания).

В жанре очерка названный прием не используется, но локальная характеристика события также осуществляется обязательно и с самого начала: *«Шторм-2»* (заголовок). —> *«Одесская история» повторилась в Ужгороде... Почему?* (подзаголовок). —> *Начну со странных совпадений. Капитан милиции Александр Малышев ... начальник городского ОБХСС Одессы... был арестован в августе 1985-го. В марте 1986-го арестовала начальника ОБХСС Закарпатской области полковника милиции Виктора Сержанова* (зачин) (Поп.).

Для публицистического текста характерна своеобразная метонимическая модель на основе локального указателя: обозначение события через обозначение места протекания данного события: *встреча М. Горбачева и Р. Рейгана в Рейкьявике* —> *Рейкьявик, Олимпийские игры в Сеуле* —> *Сеул*. Как правило, таким образом замещается развернутый словесный оборот, не имеющий однословного лексического аналога, — по образцу общеязыковой метонимической модели: *вся Москва* в значении «все жители Москвы».

В однособытийном тексте локальные и метонимические на основе локализатора указатели могут выступать связующими средствами целого текста. Пронаблюдаем инициальные фразы, начинающиеся такими указателями в тексте «Прорыв к истине. Логика Рейкьявика»: *Год назад, 11—12 октября в Исландии состоялась встреча Михаила Горбачева и Рональда Рейгана* (1-й абзац). —> *Рейкьявик — логическое продолжение первой встречи М. С. Горбачева с Р. Рейганом...* (4-й абзац). —> *Что же произошло в Рейкьявике такого, что продолжает работать и дей-*

ствовать сегодня? (7-й абзац). —> Вот в этом отношении Рейкьявик, конечно же, был великим моментом страны (11-й абзац). —> А в Рейкьявике был именно честный, серьезный разговор (13-й абзац) (Арб.).

Далее еще четыре подобных ввода, последний — в конечной фразе текста: Первые результаты логики Рейкьявика налицо. Приведенные фразы сами создают хотя и искусственный, но не лишенный смысла текст, что доказывает их структурно-содержательную текстовую роль.

В многособытийных текстах воссоздание широкого социального пространства складывается за счет относительно самостоятельных в локальном отношении фактов, см., например, в статье «Блеск и нищета номенклатуры»: Едва ли не каждый день в том или ином разговоре, особенно если в центре Москвы, нам приходится слышать (1-я глава). —> В 1895—1896 годах в тифлисских газетах «Иверия» и «Квади» были напечатаны несколько стихотворений... (2-я глава). —> Деревенский коммунист из Спасо-Деменского уезда Калужской губернии в декабре 1924 г. писал в своем письме в «Правду»... (4-я глава) —> 500 тысяч заключенных... пробили Бельморско-Балтийский канал имени Сталина... (6-я глава) (Кост.).

Данная подборка показывает также специфику языковой организации поля объективного пространства в публицистическом тексте. На роль основных здесь выдвигаются различные собственные имена, поскольку пространственная привязка отображаемого факта максимально конкретна и социальна. Наряду с ними значимы конкретно-предметная лексика и средства пространственного дейксиса. На этом хорошо проработанном конкретном фоне концептуально значимые участки текста выделяются своей «экстерриториальностью» — нелокализovanностью абстрактно-логического факта.

Мера самостоятельности и текстовая роль пространственных указателей в публицистическом произведении зависят более всего от функционально-смыслового типа речи во фрагменте или целом тексте.

В повествовательных фрагментах текста или при повествовательной логической схеме локальные указатели чаще всего блокируются с темпоральными: Всего несколько дней тому назад многие из игроков этого матча выходили на футбольное поле Лужников в составе одной команды — сборной страны; Соединив в 1912 году два красивейших днепровских парка в Киеве...; В середине 20-х годов, когда пресса еще не была монополизирована номен-

клатурой, центральные газеты в большом количестве помещают горькие письма рядовых коммунистов.

В названном отношении публицистический текст ничем не отличается от художественного повествования, тем более, что формы передачи локальности в публицистике свободны, вплоть до индивидуальных. Сходство усиливается и тем, что публицистический текст допускает различную пространственную позицию (текстовое «здесь») и для автора текста. Это может быть позиция непосредственного наблюдателя (жанр репортажа), исследователя событий (жанр очерка) или нелокализованная позиция исследователя проблемы (жанр статьи). При повествовательной схеме сквозного метасобытия непосредственное авторское «я — здесь», т. е. присутствие автора на месте событий, последовательно эксплицируется, см. в очерке «Оправдательный приговор»: *Несколько месяцев назад в городском суде слушалось дело Найля Хайрулина... —> Я был в горнарсуде. —> В гостиничном номере я фантазировал на такие темы... —> Никогда не забуду свой приход в дом Наиля* (Поп). Этот же фактический материал показывает ориентированность локальных указателей в публицистике на живую разговорную речь, что свойственно практически всем жанрам современного публицистического стиля.

Фрагменты аналитического типа могут строиться вообще без локальных указателей, т. е. без фиксированной пространственной точки зрения автора. Зато в описательных текстах, функция которых — «дать образ предмета вместо простого его названия» (Лосева, 1980, с. 77), локальные указатели независимы от темпоральных и используются для контактной и дистантной связи. Например, в заметке «Не обошлось без инцидентов» (НО): *По всей Польше в день Первомая... —> Впервые по всей Польше были проведены... —> Однако... в Варшаве, Гданьске, Вроцлаве и некоторых других городах —> В ряде мест...* (общетекстовой локально-темпоральный ввод сменяется одиночными локальными).

Чаще всего публицистические тексты объемных жанров (статья, очерк) характеризуются сочетанием различных функционально-смысловых типов речи (повествования, описания, рассуждения), и пространственно-временная организация текста зависит от характера их сочетания.

Степень индивидуальности и развернутости объективно-пространственной характеристики текстового содержания зависит от целеустановки автора. В задачи автора может входить создание «образа пространства» по типу художественного, тогда в публицистическом тексте используются не одиночные пространственные указатели, а развернутые пространственные описания. Но

чаще пространственная привязка событий носит деловой, информирующий характер и осуществляется экономно и сдержанно.

Композиционные блоки публицистического текста

Конструктивный принцип публицистики распространяется на все текстовые категории, в том числе и на композиционные блоки. В первую очередь это относится к заголовкам публицистических текстов. Информативность их содержания сочетается с экспрессивностью выражения, ведь особая функция публицистического заголовка — это функция рекламы текста (заголовок должен вызывать интерес и побуждать к чтению текста). В заголовке концентрированно выражаются все три функции текста — информативная, оценочная и прагматическая (экспрессивная), с преобладанием двух последних. Как следствие этого, публицистический заголовок представляет собой средоточие особо напряженного экспрессивного поиска, разнообразнейших приемов и способов достижения выразительности, усиленного воздействия. Так, в заголовках чрезвычайно активно используются рефлексы разговорности, трансформация фразеологизмов, вопросительные конструкции, заголовки «детерминантного» типа (*В лесу, как дома; Вслед за «ударом молнии»*), недоговоренность (*На ринг вызываются...*), парадокс (*Мост длиною в тридцать лет*).

Анализ лингвистической техники газетного заголовка привлекал внимание многих исследователей (см., например: Коровова, 1982; Стам, 1982; Лазарева, 1989), поэтому мы не останавливаемся на нем подробно, затронем лишь один аспект. Это опора публицистического заголовка на общекультурный опыт читателей. Сиюминутность публицистических произведений, а также их социальная ситуативность подталкивают журналистов к созданию в заголовках, с одной стороны, эффекта необычности, а с другой — эффекта узнавания. Экспрессивность заголовка должна не отрицать, а подчеркивать информационное содержание текста. «Эффект узнавания» в значительной степени обеспечивается опорой на цитатный и афористический фонд русской речи, прежде всего широко известные авторские и народные произведения. Вероятно, такие заголовки неодинаково прочитываются русским и иностранцем, культурно подготовленным и малоподготовленным человеком, людьми разных поколений, но автор всегда может рассчитывать на то, что часть читателей воспримет заголовок семантически полно, т. е. воспримет его культурный компонент.

Все сказанное не отрицает возможности заголовков информативного типа, особенно для жанров информационной заметки и статьи.

Как и в других типах речи, заголовок публицистического произведения — это информативно сильная единица текста.

имеющая перспективные связи с его основным корпусом. Заголовок воздействующего типа должен получить обоснованную и четкую мотивировку, в том числе оценочную. Такое обоснование содержит весь текст, но особенно значимы в этом плане зачин и концовка. Непосредственная связь заголовка с зачином, концовкой или с тем и другим одновременно нормативна для публицистического текста: *Нужны ли гарантии?* (заголовок).

—> *Даже столь юный профессионал не хочет браться за перо без гарантий* (зачин). —> *Начинающая профессионалка хочет гарантий, и в этом есть свой резон. Но когда человек кричит от боли или поет от радости, он не ждет твердых заверений, что крик услышат, а песню оценят* (концовка) (Жух.); *Путешествуйте!* (заголовок). —> *Одна из самых больших ценностей в жизни — поездки по своей стране и другим странам* (зачин). —> *Путешествия многое нам открывают, о многом заставляют думать, мечтать* (концовка) (Лих.). И все же специфика данного стиля не в том, что данная связь существует — она характерна для любого текста, имеющего заголовок, — а в том, какими способами осуществляется эта связь. Названные композиционные части могут не содержать повторяющихся лексических единиц, связь заголовка с текстом может быть ассоциативной.

Зачин публицистического текста — это композиционный блок, назначение которого сходно с назначением заголовка — выразить авторскую целеустановку, привлечь и удержать внимание читателя. «Если заголовок не дает возможности выразить достаточно четко свое отношение к излагаемой информации ввиду его краткости, то используется подзаголовок — зачин статьи» (Стриженко, Кручинина, 1985, с. 47). Отсюда постоянное стремление журналистов в авторских жанрах публицистики к разнообразию зачина (Майданова, 1987, с. 143—147): зарисовке (сюжетной, портретной, пейзажной), художественному фрагменту — цитате, диалогу, воспоминанию, т. е. к нестандартному началу. Установка на художественность или, по крайней мере, непринужденность изложения является здесь преобладающей.

В более строгих жанрах, где используются зачины логического типа, воздействующую роль играет насыщенность текста фактическими данными в нейтрально-языковом оформлении. Нередко зачин связан с метасобытием, что позволяет автору использовать личные краски, способствующие установлению контакта с читателями.

В любом случае зачин публицистического текста проясняет исходные позиции, задает тональность текста, знакомит читателя с манерой авторского изложения, т. е. содержит в себе целый пучок смысловых нитей текста.

Концовка публицистического текста аналогична зачину по характеру функций, см., например:

1. *Не правда ли, конец совсем как в святочном рассказе. И единственное оправдание автора: все — истина. К тому же редактор, если захочет, это запросто выбросит. Никто и не заметит.*

Итак, последний сантиметр пленки: «...Только в самых далеких пределах одного я прошу, как и прежде: чтобы жить и дышать, и любить и мечтать, пусть меня не оставит надежда! (Эмоциональная концовка на метаоснове.) (Щерб.).

2. *Наивно думать, что перестройка упразднит номенклатуру. Но революция в мышлении, реформа политической системы требуют новых кадров, номенклатуры нового типа. ... Нужна революция номенклатуры, адекватная революции в политике. (Концовка выводного типа с осложняющей модальностью волеизъявления.) (Кост.)*

Данное свойство концовок — полифункциональность резко противопоставляет публицистический стиль научному. Заключение научного текста — логическая стандартная единица; концовка публицистического — логическая, оценочная и прагматическая, она «антистандартна», что выражается с помощью более частных линейных и полевых категорий текста.

2.4. РАЗГОВОРНЫЙ СТИЛЬ

Разговорная речь характеризуется неподготовленностью, ситуационной обусловленностью, неофициальностью. С последней из названных характеристик связано такое важное явление, как речевая индивидуальность участников общения, личный характер общения (Земская, 1988а, с. 14—15). Все книжные стили связаны с типизацией адресанта и адресата. В разговорной же речи текст принадлежит автору — конкретному лицу и обращен к подобному лицу, а чаще производится ими совместно. Отсюда гораздо большая языковая свобода личности и отсутствие социальных предписаний по поводу употребления тех или иных языковых форм (Скребнев, 1985, с. 45).

Еще один важный признак разговорной речи — это ее диалогичность, выраженная явно (в диалогах) или не вполне явно (в разговорных монологах). Речевые партнеры разговорного общения равны если не по реальной речевой активности, то по своему праву на нее. Мена ролей говорящего и слушающего накладывает сильный отпечаток на весь разговорный текст в силу особенностей протекания речи. Л. П. Якубинский отмечал: «...подготовка к продолжению высказывания одного из партнеров идет одновременно с восприятием чужой речи, что приводит к ослабленному переживанию каждого из двух моментов» (1923, с. 142). Отчасти этим объясняется такая своеобразная черта разговорного текста, как тематическая разноплановость (Ширяев, 1982), или политематичность (Земская, 1988б). В отличие от всех других стилей, в разговорном необязательно единство темы текста: возможно параллельное существование двух или даже трех тем, последовательная смена одной темы другой. Обыденный уровень сознания, с которым связана разговорная речь, диктует особый характер рациональной программы — здесь много речевых произведений с элементарным, фактографическим рациональным содержанием, при выраженности и значимости его эмоционального и оценочного осмысления.

Теоретически сложным вопросом является понятие разговорного текста как законченного целостного речевого произведения, хотя в целом в современной лингвистике нет сомнений относительно правомерности такого понятия: разговорный текст. В настоящей работе понятие разговорного текста в его целостности и отдельности выводится исходя из ситуации. Текстом считается речевой отрезок, принадлежащий одному лицу, двум или нескольким лицам и соответствующий определенной экстралингвистической ситуации. Начало и конец текста определяются складыванием и разрешением ситуации, т. е. экстралингвисти-

чески (обзор оснований выделения диалога как текста см.: Общение..., 1989, с. 79—80).

К разговорным текстам применимо понятие жанра, впервые предложенное М. М. Бахтиным (1975) и используемое исследователями разговорной речи (Русская разговорная речь..., 1978, с. 12—15; Капанадзе, 1988). Среди этих текстов различают крупные жанры — диалог, монолог, разговорный рассказ (сюжетный разговорный монолог) и малые — городские стереотипы (последние нами не рассматриваются). Специфическая особенность разговорного текста — это возможность сочетания в нем нескольких жанров, их комбинации, при сохранении самостоятельности каждого жанра. «Жанры разговорной речи можно уподобить короткометражкам в длинной киноленте повседневного языкового существования, они мелькают, могут быть мимолетными, краткими, но пересекаться не могут, имея каждый раз свой сюжет и строго определенную форму» (Капанадзе, 1988, с. 230). Такое толкование жанров делает возможным иной подход к разговорному тексту — как конгломерату частных жанрово-определенных речевых произведений. В данной работе этот подход не используется.

Понятие разговорной речи понимается в настоящей работе в широком смысле, т. е. оно не связывается с непринужденным устным общением только литературно говорящих людей (разговорным стилем литературного языка). В проанализированном нами материале есть тексты с просторечными и жаргонными проявлениями. Понятия «разговорная речь» и «разговорный стиль» употребляются как синонимы.

Тематическая цепочка разговорного текста

Тематические цепочки разговорных текстов не похожи ни на какие другие. В них наиболее активны местоимения. Лицо или предмет, о котором рассказывает говорящий, получает обозначение собственным или нарицательным именем только в самом начале текста, а затем многократно используется субститут, см., например: *Значит / ну я тоже была девчонкой / мне было лет двенадцать // И я очень любила вообще собак // И там была собака - а ... Дымка / которая была... Я почему-то до сих пор помню ... // И вот значит эта собака Дымка / она меня очень любила // Она страшно злая была / все боялись / она сидела на цепи / и все боялись к ней подходить / но я подходила / она меня очень ... ласкалась и вообще была... Она была на цепи в сарае таком / сарай был открытый ... // И у нее щенки были // Было шесть щенков // И вот она знает никому не давала подходить к этим щенкам //* (РРТ, с. 114).

Состав цепочки: *собака Дымка (а), она (б)*; структура цепочки:

а а Б Б Б Б Б Б Б

Аналогичное явление см. еще в одном тексте:

А. Маленькой спит у меня // — Б. Может хоть часов до двух поспит // А. Может / он сытый // (после паузы) Он видишь / трудно ему с семи часов до двенадцати терпеть / промежутки большой // а что [че] биолакта-те // он вот плохо терпит / он вот ничего [ниче] не может / ему ничего [ниче] на свете не надо / ему есть надо // он наелся / без пяти одиннадцать я его накормила // — Б. Полдвенадцатого спать лег / да? — А. Нет / накормила и сразу / нисколько [нисколько] сидеть не стал / сразу же / сразу глаза закрыл // (РТ).

Наряду с тематической цепочкой обычного, т. е. предметно-тематического типа, в разговорном тексте есть вторая цепочка, назовем ее тематической цепочкой говорящего. О чем бы ни говорил человек при разговорном общении, он говорит и о себе, причем открыто. Содержание разговорного текста, за редкими исключениями, можно сформулировать как «я и событие» или «событие в моей жизни» (см. выше в текстах-иллюстрациях).

Иногда в разговорном диалоге возникают две цепочки такого рода — в том случае, когда собеседник — равноправный партнер инициатора диалога и «перепасовка» активной позиции в разговоре осуществляется взаимно. В такой ситуации «двойное «я» текста неизбежно уводит от предметной темы и выдвигает на эту роль самих собеседников. Для примера приведем диалог о подарке — туши для ресниц, переходящий в разговор о возрасте и внешности беседующих подруг:

А. На / я тебя с днем рождения поздравляю и ото всей души желаю... / «джи-си» несмыслимая (о туши для ресниц) // Б. Спасибо // — А. Красься на здоровье // — Б. А у меня же одна такая есть / «джи-си»-то // — А. Ну и что / будет две // — Б. Ну ладно... старье мы стали такие... // — А. А что [чѐ] это мы старье-то? — Б. А что [чѐ] нет / вообще [ваше]? — А. Я лично старой себя не считаю / а ты / не знаю как (смеется) // — Б. Не очень-то // — А. Что [чѐ] это ты / не очень-то! — Б. Да не могу / не могу смотреть на себя уже в зеркало // (РТ).

Политематичность разговорных текстов приводит к соответствующему количеству тематических цепочек. Отмеченное свойство последних — субститутная основа (начальная полнозначная номинация может и не употребляться, если предмет речи находится перед глазами) делает разговорный фрагмент или целый текст настоящей шарадой для непосвященных. Так, во время встречи двух подруг хозяйка дома в одно и то же время поддерживает беседу, укачивает своего маленького сына и запи-

сывает на магнитную ленту происходящий разговор (текст носит стимулированный характер). В результате формируется разговорный полилог с четырьмя темами: 1) убаюкивание ребенка, 2) подготовка к уроку (хозяйка дома — студентка-практикантка в школе), 3) рассматривание фотографий, 4) магнитофон. При этом в одной реплике бывают собраны фразы разной тематической отнесенности, см.:

А. *Соса-то где у тебя?* (после паузы) *Ну там где-то была / как найдем-то / сейчас [шас] (смеется) // Вон ему твои волосы надо / ой / горе мое / так [дак] куда ее бросил-то // Лена / ты погромче разговаривай // слышишь?*

Б. *Зачем?*

А. *Ну затем чтобы я записывала / где соса-то у тебя?*

Б. *Я не знаю (смеется) //*

А. *Ты куда ее дел-то / нет правда Лен / погромче говори / ладно / чтоб записывало //*

Б. *А зачем чтоб записывало?*

А. *Ну надо / надо / надо надо // Тайная информация / я этот / как его Трианон (помехи) вот она // Давай бай-бай будем / давай / ты говори погромче / чтобы оно записывало / ты понимаешь / это моя работа мне надо целую кассету записать ... Нет Лен / наверное пока придется выключить магнитофон чтобы его услышать // а то будем слушать / он черта с два уснет / лучше наверное вообще отсюда уйти и его туда же утащить / а он пусть тут лежит / все равно захочет уснуть // (РТ).*

Завершение текста демонстрирует «тематическую смесь» первой и четвертой тем, которая ярко обнаруживает приверженность разговорной речи к местоименным указаниям на обе темы. Текстовая семантика указателей однозначно разрешается через конситуацию, хотя для читателя, воспринимающего данный текст с листа, текст почти пародиен (возможно, это одна из черточек разговорной речи, которая не переходит в стилизованную разговорную речь художественного текста).

Из всех тематических цепочек наиболее важна цепочка говорящего (говорящих). Лексически она крайне бедна (местоимение *я*, изредка *мы* и нулевая номинация), но функциональная значимость ее в тексте очень высока. По сути, это обязательная субкатегория разговорного текста, отражающая его конкретно-личностный характер.

Итак, состав и структура тематических цепочек в разговорном тексте существенно отличны от свойственных книжным текстам. Наличие сквозной текстовой цепочки говорящего — это одна особенность. Вторая состоит в том, что в разговорном тексте редко выделяется и разворачивается единая предметная тема. Чаще предметно-логическая линия носит прерывающийся ха-

рактар, темы разговора меняются под влиянием желания говорящих, ситуативных требований, ассоциативных сдвигов, и выделить среди них главную невозможно. Лексико-стилистический состав всех тематических цепочек разговорного текста сходен: на роль основных единиц выдвигаются личные местоимения, набор единиц цепочки невелик, стилистически окрашенные единицы встречаются редко. Различие предметной цепочки и цепочки говорящего в том, что базовой единицей последней является местоимение первого лица. Комбинаторика единиц тематических цепочек не настроена на разнообразие, основные единицы характеризуются многократной повторяемостью. Плотность цепочек высока, их расположение в тексте не регламентировано.

Цепочки хода мысли разговорного текста

Различные по содержанию фрагменты разговорного текста связаны друг с другом по преимуществу ситуативно или ассоциативно, т. е. в плане языкового выражения имплицитно (Ширяев, 1982, с. 114), и лишь в редких случаях в тексте устанавливается связь с помощью эксплицитных специализированных языковых средств.

Формирование разговорного текста подчинено логике общения и ситуации, а не логике формирования мысли или отражения ее результата. Наиболее распространенный способ перехода от фрагмента к фрагменту — это резкий тематический сдвиг. Смысловые перебивы нормальны для разговорного текста и лишь изредка вызывают отрицательную реакцию собеседника. Как правило, они не обставляются специальными вводами или переходами, так как ситуация и внутренняя установка на многотемность текста заведомо толкают говорящих к этому. Однако не обязательные, но достаточно распространенные разговорные сигналы нового смыслового отрезка речи все же есть.

В качестве специфически разговорных указателей начала нового фрагмента или возвращения к прерванному используются частицы *ну, вот, ну, так, значит* и др. Так, в рассказе о походе темой 1-го (ситуативного) фрагмента является варка кофе; 2-й фрагмент, собственно рассказ о походе, начинается с частицы: *Ну вот / значит /* Вышли мы утром // *Ну доехали до Ялты на автобусе*; 3-й фрагмент, разговор о производственных делах, начинается с той же частицы: *Ну так вот / слушайте*; 4-й фрагмент, продолжение рассказа о походе, открывается парой реплик: *Ну Светик / рассказывай — Ну вот / мы значит шли по этим склонам*; наконец, 6-й фрагмент, новое продолжение рассказа о походе после короткого вставного эпизода, начат репликой: *Ну вот // Теперь чего?.. Ну вот / и мы стали подниматься-подниматься* (РРТ, с. 88—96). Заметим, что названные частицы не являются исключительно связочным средством.

В этом же тексте отмечено использование частицы *ну* в качестве внутрифразового усилителя: *Ну / да; Нет / ну мы ему говорили* (с. 96), а также в побудительном значении: *Ну и что она вам сказала на этот раз?* (с. 94).

Целенаправленное рассмотрение логических связей разговорного текста подчеркивает нормативность двух его смысловых линий, назовем их ситуативной и предметно-логической. Как правило, разговорный текст протекает на фоне определенной реальной ситуации (чаепитие, занятие несложными бытовыми делами, прогулка, поездка в транспорте и т. д.) и отражает эту ситуацию, хотя специальным предметом разговора она не является (возможны и другие типы конситуации, см.: Земская и др., 1981, с. 208—211). Участники разговора не считают эту ситуацию существенной, обращаются к ней служебно, по мере необходимости, прерывая тем не менее основной текст в любом его месте и затем возвращаясь (или не возвращаясь) к нему. Иногда ситуация настоятельно требует своего («интервенция конситуативной тематики», по определению Е. А. Земской — 19886, с. 237): говорящему необходимо сделать что-то, отвлекаясь от предметной темы разговора, но часто ситуативное отвлечение объясняется инициативой одного из говорящих, несфокусированностью его мысли на предметной теме разговора. Такова, например, вставка о том, не мешает ли собеседнику открытая форточка и не закрыть ли ее, внутри разговора о музыке и театре (РРТ, с. 124) или вставка — отвлечение на деталь одежды собеседника: *А. А Женька что? — Б. Женька в своем репертуаре* (следует рассказ о сыне). — *А. Это что, новенькая?* (о шляпе собеседницы). — *Б. Да нет, с прошлого года еще //* — *А. Ну-ну... //* — *Б. Ну и вот эта Настя ему говорит* (продолжается рассказ о сыне) (РТ).

Ситуация гарантирует участников разговора от непонимания, хотя стороннему наблюдателю логика перехода с одной темы на другую может показаться неясной. См., например, диалог мальчиков, играющих в больницу:

А. Дыши // *Петь / дыши больше //* — *Б. (дышит) — А. Меньше дыши //* *ма-ло ды-ши //* *много дыши //* — *Б. (дышит) — А. Не дыши //* *не дыши //* *Ну и все. — Б. Можно встать?* — *А. Нет теперь поставим горчичники //* — *Б. На / на спину?* — *А. (напевает) — Б. Миша мне будет ставить горчичники* (после паузы) //

Это вилка // *это вилка //*

Это вилка // *микакилка //*

Это вилка // *нитатилка //*

Это вилка нитата // (РТ).

Последняя реплика младшего, Пети, — это отвлечение на предмет, случайно попавший в поле зрения. Оно мотивировано не внешними обстоятельствами, а психологически: устав от пассивной роли пациента, трехлетний ребенок затевает собственную словесную игру.

Казалось бы, относительно описанного положения в целом можно провести аналогию с публицистическим стилем, различая в разговорном тексте событие (предметно-логический план) и метасобытие (ситуативный план). Однако аналогия не выстраивается, так как в метапонятии (метаязык, метафраза, метасобытие) важнейшим компонентом является понятие «вспомогательное», «направленное на объективное, исходное». В разговорном же тексте ситуативная линия не носит вспомогательного характера. Напротив, она является базовой в структурном плане и равноправной в содержательном отношении. В некоторых случаях, например в этикетном диалоге (коротком разговоре незнакомых людей как проявление вежливости) или в ситуативном диалоге (коротком разговоре незнакомых людей, обусловленном требованиями ситуации), данная линия является единственной.

Собственно ситуативные вставки могут вводиться в текст без специальных связей. Факультативными указателями таких логических переходов являются обращение к собеседнику по имени, глаголы модальной и побудительной семантики: *Алеша, я тебе налью / а то будет очень холодно /*, а также частицы, союзы, вопросительные конструкции.

Предметно-логическая линия текста, отвлеченная от непосредственной ситуации, редко носит развернутый описательный, повествовательный и тем более аналитический характер. Одна тема сменяет другую, и если даже собеседник готов к развернутому монологу, другой нередко переключает его на новый аспект или даже новую тему. Это делается опять-таки с помощью прямого обращения, вопроса или побудительной конструкции: *Слушай-ка Галь / а есть специфика все-таки у ... вот такого оперного дирижера или же?* (РРТ, с. 125) — реплика переключения на частный аспект темы; *Галя / слушай-ка / я про другое хотела спросить* (РРТ, с. 126) — реплика переключения на другую тему, использовано прямое лексическое указание на это — слово *другой*; *Б. Алексей Алексеич!* — *А. Да?* — *Б. А современных пианистов вы кого любите?* (РРТ, с. 103) — реплика переключения на новый аспект темы.

Реплика собеседника, нацеленная на смысловой сдвиг, воспринимается (насколько можно судить по нашим материалам) говорящим как обычная вещь. Осуждение собеседника встречается редко. Говорящий как бы внутренне готов не настаивать на роли рассказчика, уступать ее собеседнику или же идти вслед

за его желаниями (во всяком случае, таково этикетное поведение людей). Если же один из собеседников не желает отступать от прежней темы, он располагает большим количеством стандартных и нестандартных способов заявить об этом. Во-первых, можно не откликаться на отвлекающую реплику содержательно или отказаться от предложения отвлечься: *Да это неважно; Какая разница?; Нет, дай я про это сначала доскажу; Потом отдельно расскажу.* Во-вторых, можно вернуться к прерванной теме и после вставки, а если она была обширной, восстановить связь вместе с собеседником. Специфическая черта разговорной речи — просьба к собеседнику помочь восстановить прерванную логическую связь: *Забыла, о чем и говорила...; О чем я говорил? Где я остановился?; Ну, давай все же вернемся к нашим баранам. Где они паслись?*

Разумеется, сказанное отражает лишь типичную организацию логической стороны разговорного текста, тогда как есть и другие способы. Е. А. Земская приводит интересные примеры политематических диалогов (1988б), не связанных с конституацией, и также не связанных друг с другом на вербальном лингвистическом уровне, когда каждый из партнеров, вежливо чередуя реплики, ведет совершенно самостоятельную тему, реализуя потребность в самовыражении. Ответные реплики-реакции, делающие такой диалог подлинно двусторонним, конечно, используются, но — невербальные (реакция взглядом, мимикой, жестом, вздохом и т. п.). Полилоги (например, застольные) нередко связаны с целой партитурой тем. Встречается и длительное удерживание темы, во время которого говорящие все же уделяют часть своего внимания ситуации и собеседнику.

Таким образом, разговорный текст является лишь относительно целостным, ситуативно целостным, либо его следует рассматривать в качестве конгломерата частных текстов. Строение текста и, в частности, особенности хода мысли собеседников явно свидетельствуют о преобладании коммуникативной языковой функции над информативной и специфичности выражения логических связей.

Помимо особых средств связи, рассмотренных выше, в разговорном тексте встречается некоторое количество традиционных по значению связок. Из языковых средств объективно-логической связи в разговорном тексте наиболее актуальны сигналы ассоциативной привлеченности информации: *кстати; да, кстати; между прочим; да, вот еще и др.* Встречаются средства выражения логической однопорядковости: *во-первых, во-вторых;* логической последовательности: *сначала; потом.* Достаточно типичны сигналы обобщения или информационного завершения: *в общем, вообще, в конце концов.* Интересно, что обобщение производится

на эмоционально-оценочном основании: *В общем ерунда все это / не стоит внимания; в общем здорово!; Никому в общем ничего не надо / и все!; Я вот смотрю / и них учебники лучше / чем те / по которым мы учились //* Старые ужас в о о б щ е.

Специфика логической организации разговорного текста состоит еще и в том, что логические связи или информационное содержание предшествующего фрагмента могут уточняться по требованию собеседника. Если в книжных стилях адресант просчитывает реакцию адресата и вербально устраняет возможное непонимание, то в разговорной речи, с характерным для нее свойством неконцентрированного внимания, собеседник может неверно оценить ситуацию: ошибиться в объеме presupпозиции партнера и др. Тогда партнер прибегает к метатексту, направленному на уточнение предметного или концептуального смысла предшествующего фрагмента. Чаше дело касается уяснения психологического содержания, оценочной интенции говорившего первым (Земская, 1988а, с. 32): *ты о чем? что ты имеешь в виду? не понял...* (с интонацией эмоционального напряжения: не понял намерения, намек, скрытого смысла).

Субъективная информация обозначается в разговорных текстах достаточно последовательно. В обследованном материале отмечены языковые связи всех семантических групп, характерных для научной речи, хотя материальный состав связок существенно отличается по стилистической окраске. Наиболее частотны нейтральные единицы *конечно, наверное, естественно* в роли вводных слов (оценка достоверности, вероятности и т. п.), *к счастью, странно, жаль, жалко* (эмоциональные оценки), *по-моему, по-твоему* (подчеркивание индивидуального мнения).

Композиционно-структурные части разговорного текста языковыми связками почти не выделяются. Явственно и последовательно в разговорной речи обозначаются только сдвиги и смена темы, а не ее развитие.

Итак, разговорный стиль очень сильно отличается от всех книжных по структурно-содержательным особенностям и, соответственно, по проявлению логической структуры и способам выражения логических связей. Цепочки хода мысли представлены здесь двухзвенными образованиями, т. е. носят сугубо частный характер. Целостность текста обеспечивается не единством темы и мысли, а единством ситуации и совместностью переживания говорящих.

Тональность разговорного текста

Разговорный текст не имеет ограничений по тональности, кроме этикетных. Личностный характер разговорной речи позволяет и предполагает свободное эмоциональное самовыражение говорящих, причем единство тонального фона, как в публицистическом

стиле, разговорной речи не свойственно. В ней чрезвычайно многообразны проявления эмоционального отношения к предмету речи и собеседнику (хотя словесное выражение они получают не всегда), а предметно-логический план текста используется как база эмоциональных обобщений и выводов.

Главным языковым средством выражения определенной тональности в разговорной речи являются невербальные средства: взгляд, мимика, жест, а также суперсегментные средства, существенно дополняющие или видоизменяющие словесный ряд. Запись разговорного текста является полноценной лишь тогда, когда исследователь фиксирует действие данных средств тональности, хотя даже в этом случае информационные потери при письменной передаче речи оказываются очень велики. Поэтому чрезвычайно ценно, что сборник «Русская разговорная речь. Тексты». (М., 1978) содержит ремарки, передающие эмоционально-экспрессивное содержание текстовых отрезков, например: Б. *А вы сами на каком инструменте играете?* — А. *На рояле // Я ученик Юдиной //* — Б. *Ах да // вы же сказали //* (смущенный смех). (РРТ, с. 101).

Эмоция смущения здесь вызвана неловкостью из-за собственной невнимательности, ведь несколько раньше собеседник уже говорил об этом: ... *Я вот музыкант немножко / я был в консерватории / учился у Марии Вениамины Юдиной*. В данном случае словесный ряд эмоционально окрашенной реплики позволяет прочесть логическое подтверждение эмоциональной информации живого устного текста: есть указание на повторность информации (*вы уже сказали*), а также эмоционально-междометный ввод (*ах да*). Но и в этом случае из лексического состава конкретная эмоция однозначно не вытекает. Письменный текст содержит указание на передачу эмоции, но не на конкретное ее выражение (возможна, например, интонация небрежного извинения). Конкретизация достигается суперсегментными средствами. В других случаях, причем их большинство, наличие определенного эмоционального содержания совсем не подтверждается словесным рядом:

1. А. *Ну / мы поселились такая деревня Смерди там / потому что...* — Б. (интонация радостного удивления, узнавания) *Смерди / да? Ну я знаю //* (РРТ, с. 82).

2. В. *Ген-Ген-Ген-Ген-Ген-Ген! Это мне?* — Г. *Да-а //* — В. (с иронией) *Комаров / ты же знаешь мой вкус!* (РРТ, с. 67).

3. А. ...*И-и / он говорит (передает чужую самоиронию) «Что ж такое? Влюби-и-лся я что ли в тебя» говорит / «говорят, что когда влюбляются / ходят вздыхают / я хожу вздыхаю» / говорит (Б. смеется).* (РРТ, с. 99).

4. Д. (выключает радио) — Г. (капризничает) *А я хочу //* *Я включаю* (РРТ, с. 231).

Интонационные, темповые, тембровые, мимические и т. п. средства передачи тональности являются ядерными, основными в устном разговорном тексте, что делает необходимым пристальное внимание к этой стороне разговорного текста. Всем нам хорошо известна возможность заменить целую реплику диалога взглядом, жестом, сменой позы, движением бровей и т. д. Отработана также разговорная модель использования незначительных плеонастических единиц (*так, такой, этот*), которые служат материальной формой, заполняемой эмоциональным содержанием с помощью интонации (*он такой человек!*). Это очень сильные, информационно насыщенные средства передачи эмоционально-экспрессивного содержания. Данный факт, возможно, объясняет относительно малую частотность эмоционально-экспрессивных средств в составе разговорных текстов (Сиротинина, 1974, с. 54—76).

Сплошная выборка экспрессивных единиц и фрагментов из разговорных текстов с невербальными и интонационными единицами показывает справедливость утверждения авторов — составителей сборника русских разговорных текстов — о том, что эмоциональное начало в них часто преобладает над рациональным, и это связано с отсутствием установки на общественное звучание разговорной речи (Русская разговорная речь..., 1978, с. 25). В диалоге эмоциональное отношение к предмету речи и/или собеседнику высказывается постоянно, нередко именно оно и является основным предметом речи и интереса собеседников. Таким образом, разговорный текст — это чаще всего не столько обмен информацией, сколько обмен мнениями и переживаниями по поводу определенной информации.

Вербальные сегментные средства эмоциональности лексического плана в разговорном тексте отвечают строению языкового лексического поля эмоциональности. К ним относятся эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика и фразеология, окказионализмы (*чёрпущечка* 'тарелка'), нейтральная лексика эмоций (*Я рада, что мне это удалось; Я такие грибушки люблю; Жалко слушать; Она в восторге вообще; Я потрясена Вашим вниманием и в то же время совершенно расстроена*). Активно используются слова с эмоционально-экспрессивным аффиксальным оформлением, а особенно в разговорах с детьми:

Р. Баба / что ты купила?

А. Вот сейчас блинок скушаешь / и покажу //

А. Кира / иди кушать / бери Буратинку // Ты любишь Буратинку блинки? Спроси его / со сметанкой блинки //... То-о-ленький блиночек (РРТ, с. 223).

Распространены в эмоциональных текстах слова эмоциональной оценки, типа *ужасно, безумно, шик-блеск, чушь, кошмар, восторг*.

Большая часть из них носит характер эмоционально-оценочной гиперболы и в силу своего размытого номинативного базиса может быть применена к огромному количеству фактов и обстоятельств и ко всей ситуации в целом.

Из экспрессивных средств особо следует отметить контактные полные повторы, обладающие общим значением усиления, а также рядом конкретных значений, определяемых лексико-грамматическими свойствами повторяемых единиц (Матвеева, 1986). Некоторые тексты характеризуются высокой плотностью таких единиц, так, в тексте о купании ребенка (объем текста — менее двух страниц) использованы следующие повторы: *держись / держись; вон-вон-вон; Выпрями-выпрями-выпрями; Ну встань / встань!; Закрой-закрой / а то холодно / закрой; Мой / мой / Мой лоб!; Хорошая / хорошая вода?; Как раз / как раз; Не надо / не надо!; Все // Все!; Сейчас-сейчас-сейчас; Ой-ей-ей! Ой-ей-ей! Не пей / не пей; Сейчас / сейчас достану; Давай-давай / Свет // Руки / руки давай; Все? Все? Ну, давай-давай; Ох / мой хороший... Ох! мой хороший* (РРТ, с. 248—250).

Значимость тонального поля в разговорном тексте подчеркивается типичностью эмоционального завершения разговора: *Ну, спасибо! Удачи тебе! Пока, Ленку целуй! Не горюй, все обойдется. Давай щечку* (для прощального поцелуя).

Вообще, эмоционально-экспрессивные средства приобретают в разговорной речи функции, не свойственные им в других стилях. Помимо названной позиционной функции, следует вспомнить и функцию обобщения, см., например: *Если из Хабаровска вылетим в восемь часов / то в шесть часов будем в Москве // Вот здорово! Такой скоростной //* (РРТ, с. 242); *Что-то писем давно нет // Звонить пыталась / без толку // Тревожно как-то* (РТ). Выделенные экспрессемы содержат обобщенную эмоциональную оценку всей предшествующей логической информации.

Последовательно воплощается в разговорной речи и эмоциональное обеспечение собственно общенческой линии разговора «я — ты» наряду с предметной тематической линией. Реплика-стимул или диалог из нескольких взаимосвязанных реплик сопровождается базирующей на их содержании, но самостоятельной по характеру репликой — эмоциональной поддержкой собеседника: *Ладно, не расстраивайся, перемелется — мука будет; Не бойсь, прорвемся; Что ж теперь... жалко, конечно; И в голову не бери!* Встречается и эмоциональное неприятие, но реже: *Так тебе и надо! А что я тебе говорила?* Словесная резкость может при этом смягчаться сочувственной интонацией.

Таким образом, тональная насыщенность, многообразие, полифункциональность составляют специфику текстовой категории

тональности в разговорном стиле и выдвигают ее в число важнейших. Специфична здесь и композиция текстового поля, в котором статус ядерных средств приобретают невербальные и суперсегментные средства, а набор и сочетаемость вербальных средств чрезвычайно разнообразны.

Оценочность разговорного текста

Выражение оценки в разговорном тексте на первый взгляд сходно с публицистическим. Разговорная речь активно оперирует лексикой интеллектуальных оценок, прежде всего — базовыми единицами языкового поля оценочности *хорошо* и *плохо*; а кроме них — базовыми прагматическими единицами *правильно* и *неправильно*: *Это самое / а по-моему ты неправильно говоришь; Ну / Коля больше это делает для-а ... для позы / но основная концепция его правильная; Ему плохо тоже / и давление и все; А. А отзывы были хорошие? — Б. Один был очень нехороший // Причем докторский; А. А я все-таки люблю военных. — Б. Их только со стороны хорошо наблюдать / а жить-то с ними.*

Разговорный текст располагает целым набором семантически производных слов интеллектуально-оценочного характера. В некоторых из них семантика интеллектуальной оценки осложняется за счет сем интенсивности и образности: *отлично, выгодно, удачно, гениально, блестяще* и др. Используется оценка эстетического порядка *красиво*. Есть и речевые стереотипы оценочного значения, например «(кому-то) *нравится*», «(кто-то) *хвалит*»: *Сестре в общем... понравилось; «Евгений Онегин» мне как раз не очень нравится; Ну ее все-таки очень хвалили; Там последняя хорошая очень вещь, говорят / я правда не смотрела / но все страшно хвалят.*

И все же собственно рациональная, объективно-логическая оценка разговорному тексту не свойственна. Как правило, лексическая единица прямой интеллектуальной оценки характеризуется в тексте дополнительными эмоциональными смыслами, сопровождается эмоциональными речевыми или языковыми средствами. К их числу относятся интонация, эмоциональные междометия, эмоционально-экспрессивная лексика, экспрессивный порядок слов и др. Интонационная и другая контекстная эмоционально-экспрессивная нагрузка превращает любую рационально-оценочную единицу разговорного устного текста в эмоционально-оценочную.

Перечислим некоторые распространенные лексические синтагмы разговорной речи, сформированные на оценочном основании.

Во-первых, это сочетание рационально-оценочного слова с интенсивами, т. е. наречиями меры и степени, указывающими на крайнюю степень меры, в числе которых есть и разговорно-гиперболические: *страшно, ужасно, кошмарно, безумно, жутко, здорово, адски, чер-*

товски хорошо (плохо). Данные контекстные усилители в равной мере употребительны и в сочетании с эмоционально-экспрессивными словами, не имеющими собственной усилительной семы в составе лексического значения, ср.: *безумно хорошо — безумно жаль, страшно хвалят — страшно весело, жутко удачно — жутко довольны, чертовски выгодно — чертовски грустно* и т. п.

Во-вторых, это сочетание рационально-оценочной единицы с плеонастическими неполнозначными словами *так* и *такой* — носителями нужной говорящему интонации: *три года // а она так плохо говорила*; *Нет / что-то на «а» / даже не помню // рижские какие-то / вот / в таком пузырьке / так оформлены хорошо*; *Тут у меня такая возможность появилась хорошая*. Плеонастические слова органично сочетаются с различными единицами рациональной оценки: *так выгодно (полезно, нравится)*; *такой удачный (умный, красавец)*.

В-третьих, употребительны в разговорной речи и различные синтаксические конструкции, несущие субъективно-модальное значение, причем разграничить здесь рациональную и эмоциональную оценку практически невозможно, см., например, синтаксические фразеологизмы: *И кому это нужно!*; *Больно надо!*; *Мало ли что!* Комплексный характер семантики свойствен также ироническим высказываниям: *Сам придумал или кто подсказал?*; *Можно подумать / она в один только отдел имеет доступ!* Некоторые из таких высказываний близки к фразеологизмам, например: *Сейчас / разбежалась!* (резкий иронический отказ сделать что-либо). Наконец, в-четвертых, слитный оценочный характер носят жаргонизмы: *Дисотека такая классная была вообще*; *Волосы у меня крутые после мытья, правда?*; *Концерт вчера, говорят, покайфный был*.

Таким образом, разговорная речь располагает большим количеством комплексных единиц оценки — с эмоциональным и рациональным основанием одновременно, а средства рациональной оценки получают в ней эмоциональные смысловые приращения за счет контекстных факторов. На этом основании можно констатировать факт тесной близости поля оценки и поля тональности при ведущей роли последнего.

За счет этого сходство и подобие текстового и языкового поля оценки — лишь кажущееся. Ядерные единицы языкового поля (*хорошо* и *плохо*) входят в число основных единиц текстового поля оценки, но их текстовое содержание в различных функциональных стилях, например в научном и разговорном, не идентично. В центре же текстового поля оценок стоит слово *нормально*, по сравнению с нейтральным *хорошо* более непринужденное и более широкое по значению. Разговорное *нормально* может означать и 'в порядке вещей', 'как должно быть', и 'хорошо', и 'очень хорошо', а может служить стандартно-стереотипной защитой от чрезмерного

внимания, например, в стандартно-стереотипном начале множества разговорных текстов: А. *Как дела (здоровье, дома, мама и т. д.)?* — Б. *Все нормально.*

Поле оценочности в разговорном тексте отличается заметной плотностью и размещается по всему пространству текста без каких-либо признаков упорядоченности.

Поле времени разговорного текста

Линия объективного времени — основная для разговорного текста, причем ее векторный нуль — это момент речи. Таким образом, в разговорном стиле, в отличие от всех ранее рассмотренных, текстовое объективное время совпадает с текстовым грамматическим. Данный факт связан с конкретным личностным характером разговорной речи: разговорное текстовое «сейчас» не похоже на «сейчас и всегда» научного текста, «сейчас и далее» официально-делового, на «социальное сегодня» публицистического. Разговорное «сейчас» — это конкретная временная точка на оси реального протекания ситуации и, соответственно, реального развертывания текста. Средством выражения данной координаты является глагольное настоящее время в конкретном значении формы; сдвиги и переносы значения здесь получают лексическое обоснование: *Я ему всегда говорю* (настоящее в расширенном значении); *Я ему вчера говорю* (настоящее в значении прошедшего).

В соответствии с точкой отсчета выстраивается вся объективно-временная линия разговорного текста, также соответствующая реальной действительности, например: Н. *...М-м! А селедка-то где?* — Т. *А вот она!* — Б. *А я за мясо схватилась /:/ Надо за селедку сначала //* — Н. *Люсенька / ты попробуй / вот этот хлеб еще* (РРТ, с. 65). В разговоре, как правило, говоря о происшедшем, опираются на формы прошедшего, а говоря о будущем — на формы будущего времени.

Все сказанное напрямую относится к ситуативно-тематическому развертыванию текста. Относительно предметно-тематического содержания данный способ следует определить как тенденцию (предмет из области воспоминаний описывается на базе грамматического прошедшего, актуальный предмет — на базе настоящего, но это не обязательно).

И в той и в другой тематической сфере для объективно-временной линии характерна свобода переходов и возвращений во времени, а также отступление от «временной фотографии» в область перцептуального времени с целью художественности изображения. Так, в повествовательных и описательных фрагментах разговорного текста часто используется «настоящее изобразительное» время глагола:

1. *Мы шли по этому / и д е м - и д е м / на высокую гору под-
нялись / смотрим / а там вообще / гряда-а* (РРТ, с. 93).

2. Нет / я все-таки пошла // Когда я увидела / что собирается группа / <...> и было хорошо / действительно — лунная ночь / и идешь по этим горам / кажется что это какой-то марсианский или лунный пейзаж // <...> А когда поднялись на Ай-Петри / вот очень повезло что / была хорошая погода (РРТ, с. 96).

3. И вся семья денно и ночью делала пельмени // <...> У е д е т бабушка пельмени продавать / по с а д и т ребят / и так один раз наказ давала / Гринька с д е л а е т то / Манька то / Степка то // Два раза не повторяла // Возвращалась / Манька б е ж и т открывать и г о в о р и т / ру пь заробила (РТ).

Формы настоящего и будущего изобразительного выделяются на фоне объективно-временных форм прошедшего и, контрастируя с ними, создают эффект присутствия и личностного переживания ситуации, что особо подчеркивается модальными наслоениями смысла.

Итак, грамматическая категория времени в разговорном тексте семантична, по преимуществу информативна относительно объективного времени — при наличии ограничений этого правила. Помимо грамматического обеспечения, объективное время разговорного текста реализуется с помощью лексических средств.

В разговорной речи детально проработана тема «день» и, шире, «обозримое время, реальное в плане действий говорящего». Темпоральные указатели языкового и речевого характера, общеупотребительные и ограниченного употребления, абсолютные и относительные, дают говорящему возможность обеспечить привязку любого явления, о котором идет речь, — от себя самого до события и ситуации в целом. См. некоторые разговорные темпоральные указатели по теме «день (сутки)»: *день, вчера, сегодня, завтра...*; *утро, день, вечер, ночь; в восемь, девять... часов* (чего) — языковые абсолютные указатели; *после* (чего) — *обеда, перерыва, смены, тренировки; перед* (чем) — *занятиями, работой* — стереотипные абсолютно-относительные разговорные указатели; *поздно, рано* — языковые относительные указатели. На языковой и стереотипно-речевой базе развивается множество в разной мере общеупотребительных форм, например: *до «Взгляда», перед «Временем»* (временной ориентир — телепередача), *после квартального* (ориентир — срок сдачи квартального отчета), *после Кольки сбегает* (внутрисемейный временной ориентир: *после Кольки* — 'когда уснет Колька (сын)'). Использование темпоральных лексических указателей часто сопровождается грамматической поддержкой: обстоятельственной позицией слова, включенностью в состав придаточного предложения времени. Кстати, с помощью данных позиций в контексте актуализируются потенциальные темпоральные семы отдельных слов (Это уж, когда сессию свалим).

Любопытная деталь разговорно-темпоральной семантики — это ее неопределенность: *часов в девять* встречается, по крайней мере, не реже, чем *в девять часов*; употребительны также «вводные неопределенности» *где-то, примерно, около* и др.: *Ну, значит около шести я тебя жду. Встречаемся у Оперного вокруг полседьмого; Он у меня был что-то в восемь; Ну хоп, часов этак в десять приворачивай.* Точность указываемого времени подчеркивается специально: *Так не забудь, ровно в восемь!*; *Я могу в девять пятнадцать, самое худшее — в девять двадцать.*

Обобщая сказанное, отметим актуальный, «неслужебный» характер объективного времени в разговорной речи. Можно сказать, что реальное время — одна из структурных категорий текста.

Концептуальное время разговорному тексту не свойственно. В разговорной речи тоже встречаются выходы в «надбытное», но они, как правило, невелики по объему, а главное, не составляют развернутый связный «внутренний текст», как в научном стиле, или «дискретный связный текст», как в публицистике.

Разговорный текст связан с проявлением еще одной разновидности категории времени. Это психологическое время, со свойственными ему как разновидности перцептуального времени обратимостью, растяжимостью или спрессованностью и т. п. Разговорная речь располагает значительным количеством относительных темпоральных указателей, которые с помощью контекстных конкретизаторов передают то одно, то другое психологическое время. Так, темпоральный сигнал *недавно* может означать 'примерно час тому назад', 'вчера или позавчера' и др. вплоть до 'несколько лет тому назад' — в зависимости от пресуппозиции и психологического восприятия реального времени, см.: *Вчера Мишкину мамашу встретил // Как / говорит / Ты уже вернулся? Недавно ведь ушел // Ничего себе! Два года сапоги таскал / а она недавно //* Разговорное *вот-вот придет* может означать и 'с минуты на минуту', и 'не сегодня-завтра'; *раньше* может иметь смысл 'два—три года тому назад', 'до войны', до революции' и др. К реализации психологического времени следует отнести и разговорные гиперболы типа *Два часа на остановке проторчала, Тебя сто лет не дождешься*, утрирующие обостренное ощущение длительности времени. Элементы психологического времени свойственны и публицистике, но она использует их ограничено, в качестве психологической краски факта, причем заимствуя из разговорной среды. По признаку психологического времени разговорный стиль обособляется от научного и официально-делового очень резко — не количественными показателями, а самым наличием/отсутствием данной временной координаты.

Локальное поле разговорного текста

Локальная привязка разговорного текста носит конкретно-фактический характер и связана с обозначением места описываемых событий, причем это относится и к ситуативной, и к предметно-логической линии текста.

Разговорный текст достаточно однообразен в отображении локальных ориентиров событий: пространственная привязка осуществляется с помощью обстоятельств места, выраженных существительным или местоимением с предлогом: *А один у нас / вот талантливый очень мальчик / он ездил в Вену / как раз тут был конкурс / а его послали в Вену //* *И вот он там стажировался значит в Вене* (РРТ, с. 123); ... *Все молодые дирижеры вот с периферии //* *Там из Петрозаводска / кто из Ялтинской филармонии / кто ... вот из Новосибирска какие-то приезжали / ну в общем / то есть короче говоря / все приехали с мест* (РРТ, с. 125); *Я у зубного был / елки-палки* (РРТ, с. 244); *Ну всего доброго Лен //* *Приходи как-нибудь к нам* (РРТ, с. 153).

Совершенно не характерно для разговорного текста распространение обстоятельств, не используется хорошо известное публицистической речи обозначение места действия с помощью назывного предложения. Этим подчеркивается конкретно-служебный характер локальных единиц текста. Они полностью лишены изобразительно-художественной нагрузки и используются в собственно номинативных целях.

Локальные указатели — довольно заметная составляющая разговорного текста, но связочной текстовой категорией они, как правило, не являются, оставаясь вторичными смысловыми линиями отдельных фрагментов. Связующую линию целого текста создает в разговорной речи линия говорящего, со всеми ее смысловыми, в том числе и локальными, сменами и перебивками. Так, в разговорном рассказе о походе (РРТ, с. 88—96) фрагмент «описание ночного подъема на Ай-Петри», в котором видное место занимают указатели места действия, легко чередуется с рассказом об участниках похода, оценочными высказываниями о походе, не содержащими показателей места, и все это выстраивается в связное речевое целое не за счет локальной семантики, а за счет сигналов личности говорящего. Однако сегментирующая функция локальных сигналов — налицо.

Отметим еще одну особенность разговорного текста: это возможность детального развертывания локальных характеристик, если место действия становится темой разговора. Обсуждение того или иного местоположения объекта, реального места или дороги к нему — очень типичный тематический фрагмент разговорных текстов. Такие фрагменты естественным образом насыщены локаль-

ными сигналами, наиболее важными из которых являются географические названия, см.: А. Ну / мы поселились такая деревня Смерди там / потому что ... — Б. Смерди / да? Ну я знаю // — А. А? Знаете / да? — Б. Станция Фандерфлит // — А. Станция Фандерфлит / да // Вот деревня Смерди многие... Моя семья прожила там лет восемь // — Б. Там тоже снимали дачу когда-то // — А. Да // Там во т акое это озеро луком // И вообще эта атмосфера весьма древнерусского языка там (РРТ, с. 82).

Характерно для разговорного текста использование комплексных единиц с пространственной грамматикой и объектной семантикой: Я пошла к ух-о-горло-носу; Теперь тебе только в Г А И; Сейчас это может быть — к Товстоногову попасть; Не могу, я сейчас к матери. Это один из способов реализации фундаментального языкового закона экономии. Ведущую роль в данном случае играет слово с объектным значением, чаще всего — социально-ролевое или собственное обозначение лица, собственное место действия, постоянное для данного объекта, представляется само собой разумеющимся и потому не называется говорящим (напомним о противоположном приеме в публицистике, когда единицы локального значения используются как стяженное обозначение ситуации с ее участниками).

В целом можно заключить, что локальные указатели разговорного текста, связанные с объективным пространством, многообразны и значимы, но не централизованы. Политематичность разговорного текста вызывает дробление субполя объективного текстового пространства. Пространственная точка зрения говорящих определена ситуативно, и все остальные локализаторы соотнесены с ней.

Другие виды пространства в разговорном тексте выражены слабо, хотя психологическое пространство разговорной речи не чуждо, ср.: Нет, Кузино — это далеко (о селе в той же области, где живет говорящий, — при обсуждении летнего отдыха) и В Карелию по-пал, это неплохо — не Хабаровск (т. е. сравнительно недалеко).

Как и во всех стилях, разговорное пространственное поле тесно связано с полем времени. Семантические объединения локально-темпорального характера в разговорных текстах обычны.

Композиционные блоки разговорного текста

В отношении композиционного вида разговорный текст не менее своеобразен, чем в области других текстовых категорий. Он не озаглавливается, для него характерна трехчастная композиция, типичная для научного или публицистического текста. Это, однако, не означает, что разговорный текст лишен целостности и законченности. Названные свойства достигаются в разговорной речи за счет этикетной рамки. Разговорный текст, как правило, начинается приветствием и заканчивается прощанием, которые являются этикет-

ными фрагментами текста, обозначающими его границы. Фрагменты эти чаще всего невелики по объему, поэтому термин «рамка» применительно к ним представляется наиболее приемлемым. Возможно, впрочем, и развернутое этикетное вступление, включающее в себя, кроме приветствия, комплимент или иной разговор о внешнем виде собеседников, а также обмен информацией об общем положении дел (*Как дела? — Спасибо, нормально*).

При длительном речевом общении (между членами семьи, сослуживцами, участниками совместного отдыха и т. п.) границы разговорного текста могут определяться только заданной конкретной ситуацией. Текст начинается в соответствии с требованиями ситуации и заканчивается диалогом или репликой, обозначающими исчерпанность ситуации или желание одного из собеседников прекратить разговор, например:

1. (в поезде) А. *Вы до самой Москвы?* — Б. *Нет, я в Казани выйду... У меня там родители, в гости еду.* <...> —> А. *Ну, что ж, пора и на бок...* (конец разговора) (РТ).

2. (дома) А. *Мы сегодня обедать будем?* — Б. *Конечно, можешь уже садиться.* <...> —> А. *А посуду кто моет?* — Б. *Я сама сегодня, а ты давай в садик* (конец разговора) (РТ).

«Языковое существование» — длительное повседневное разговорное общение располагает и специальными приемами обозначения начала текста. Это стереотипные обороты на базе глаголов речи и слушания, а также частиц. Нередко это оборот с прямым обращением: *Да / ты знаешь...; Слушай / я забыла тебе сказать...; Тань / что я тебе расскажу...; Ну / так чего там у тебя?* Концовка же при таком общении, даже ситуативная, есть не всегда. Разговор может прерываться на полуслове, это психологически естественно, так как собеседники уверены в том, что «продолжение следует».

И тот и другой способ композиционного оформления разговорного текста (этикетный и ситуативный) связаны с линией говорящего (говорящих), от которой ответвляются предметные темы разговорного текста. По функциям эти способы достаточно различны. Этикетное вступление, как и в других функционально-стилевых разновидностях текста, несет важную психологическую нагрузку. Каждый из собеседников по ходу этого крайне несложного в информативном отношении и стереотипного по форме диалога выясняет готовность своего партнера к общению, меру его доброжелательности, настроение. При «языковом существовании» на первый план выдвигается функция привлечения внимания и выделения данного текста из совокупного неограниченно длительного разговорного общения. Психологические функции этим не отменяются, а лишь отодвигаются на второй план. Настроение говорящего пере-

дается с помощью тона речи и других суперсегментных средств, и если говорящий не выходит за пределы сложившейся между постоянными собеседниками нормы, то тональная семантика остается сугубо фоновой. О наличии психологической нагрузки в стандартном бытовом вступлении свидетельствуют отклонения, когда реплика-стимул подается в необычном тоне, а реплика-реакция содержит не реакцию на смысл, а реакцию на этот тон: А. *Леша, ты знаешь...* — Б. *Ты что, Тань? Случилось что?* (РТ).

Переход от вступления к основной части в разговорном тексте незаметный, не обозначенный формально. В принципе он ничем не отличается от тематических сдвигов в основной части текста. То же можно сказать о переходе к концовке. Зачин и концовка выделяются более четко, если основная часть носит преимущественно предметный характер, и менее четко, если предметом обсуждения остаются сами собеседники (разговор по схеме: «А ты что? — Я вот что, а ты?» — и т. д.). Четко выделяются концовки, обусловленные «интервенцией» конситуации: *Ну пока / это уже моя* (об остановке, на которой говорящему нужно выходить); *Прости побегала / звенело уже* (учительница завершает телефонный разговор) (РТ).

Таким образом, композиционные блоки разговорного текста, как и другие текстовые категории, показывают определяющую для этих текстов роль экстралингвистических факторов, прежде всего — ситуации.

2.5. ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ

Вопрос о том, можно ли считать язык художественной литературы функциональным стилем, остается дискуссионным. Автор настоящей работы присоединяется к исследователям, рассматривающим художественную речь в составе национального русского языка «на общих основаниях» и указывающим на социальную и функциональную обусловленность языка художественной литературы, равно как и других разновидностей языка/речи в целом. Первыми среди них должны быть названы В. В. Виноградов (1963, с. 5—94) и Ш. Балли (1961, с. 283—286). В дальнейшем правомерность приложения понятия «функциональный стиль» к совокупности всех литературно-художественных произведений в целом была убедительно обоснована в трудах М. Н. Кожиной (1962, 1966 и др.). Основанием этого подхода является возможность применения к художественной речи тех же самых критериев, которые используются при выделении прочих функциональных разновидностей русского языка, а именно — критериев экстралингвистической обусловленности и внутреннего структурного и содержательного единства (развернутую реализацию такого подхода см.: Васильева, 1986).

Специфические черты литературно-художественного стиля (доминирование эстетической функции, неограниченные возможности использования языковых средств по принципу индивидуальной образности, особая значимость субъекта речи и др.) отличают художественные произведения от всех не художественных, но не переводят их в принципиально иную плоскость. Доминирующая роль определенной языковой функции выступает основой общей концепции стилей, идущей от В. В. Виноградова, эстетическая функция не является прерогативой исключительно художественного текста (Якобсон, 1975; Чернухина, 1987). Разные языковые средства художественного произведения организуются в единое целое под углом зрения определенной целеустановки, как и в других стилях (Барлас, 1986), субъектность по-своему выражается в любом тексте, в том числе научном (Ляховицер, 1989). В целом же «структура текста обусловлена речевыми действиями конкретной языковой личности (индивидуальной или коллективной). Сами действия не вполне произвольны, а регулируются в своем построении определенными нормами и правилами. <...> Художественная литература как один из родов словесности лишь кажется независимой от подобных правил» (Рождественский, 1979б, с. 16—17).

В исследованиях М. Н. Кожиной приведены убедительные доказательства того, что вероятностная (статистическая) система художественного стиля, подобно системам всех других стилей, обла-

дает своеобразным набором и типовой частотностью определенных лексических и грамматических единиц, на основании чего можно как противопоставлять художественную речь другим стилям, так и сопоставлять их по одним и тем же параметрам. Прежде чем приступить к продолжению этой работы на материале текстовых категорий, необходимо сделать следующие оговорки.

Суперкатегория субъекта текста в художественном произведении получает особое решение. Художественный текст — это часто многосубъектное и в то же время всегда односубъектное произведение, так как все субъекты-персонажи возникают и действуют по воле основного субъекта — автора. Таким образом, художественный текст характеризуется системой точек зрения при ведущей роли авторской, причем применительно к последней термин «точка зрения» оказывается узок: это не просто «я» говорящего, но художественное «я» автора, «образ автора» (Томашевский, 1983, с. 17—18; Виноградов, 1980, с. 77), объединяющий все правила и нормы создания художественного текста (Рождественский, 1979б, с. 17). Все другие субъектные планы художественного текста оказываются творимыми, а концептуальный смысл складывается на основе значимой формы, чего не знают типы текстов, направленных на отражение реальной действительности вне категории художественного образа (Мурзин, Литвинова, 1988). Для художественного текста как разновидности искусства «смыслотворчество реализуется как образотворчество» (Степанов Г., 1988, с. 150). В каждой из рассматриваемых в данной работе категорий, как нам представляется, образ автора находит свое частичное выражение. Задача обобщения полученных данных или специальных наблюдений над категорией «образ автора» не ставится.

Следует подчеркнуть, что в процессе работы с текстами художественного стиля мы полностью остаемся на позициях функциональной стилистики, т. е. на позициях поиска общности всех художественных произведений, а не особенностей отдельного произведения, произведений отдельного автора, жанра или литературного направления, что составляет предмет другой научной отрасли — стилистики художественного текста.

Тематическая цепочка художественного текста

Художественный текст антропоцентричен, и его тематические цепочки преимущественно связаны с обозначением главных действующих лиц (типичные особенности номинации персонажей основательно разобраны в работе М. И. Гореликовой, Д. М. Магомедовой — 1989). Предметная (не антропоцентрическая) тематическая цепочка характерна лишь для лирических миниатюр или текстов типа дневниковых записей.

В числе «антропоцепочек» может быть тематическая цепочка рассказчика (при построении текста от первого лица), по своему составу и строению аналогичная тематической цепочке говорящего в разговорной речи, но по-иному функционально нагруженная. При ее наличии тематическая организация художественного текста уподобляется разговорной: тематическая цепочка рассказчика сочетается с предметной или предметными цепочками, ее текстовая роль колеблется. Цепочка рассказчика может быть ведущей (при использовании сказовой формы или сюжета, в котором рассказчик является действующим лицом), что выражается в ее ясной выделенности и большой текстовой плотности, а может быть и второстепенной, когда текстовая плотность невелика и меняется расположение в тексте (цепочка, отодвинутая от начала текста, кольцевое расположение цепочки и др.).

Тематическая цепочка рассказчика реализуется теми же языковыми средствами, что и в разговорной речи (я — *мы* — нулевая номинация). Состав же предметной цепочки, в том числе «антропоцепочки» основного действующего лица, или нескольких таких цепочек в художественном тексте своеобразен.

Лексические возможности художественного текста в отношении номинирования предмета речи неограниченно велики, и применительно ко всем художественным произведениям, вместе взятым, эти возможности, бесспорно, реализуются. Однако реальный состав тематической цепочки в отдельном тексте оказывается вовсе не таким уж разнообразным, как по составу, так и относительно комбинаторики ее членов. Нередко тематическая цепочка рассказа состоит всего из двух-трех номинаций, кроме того, в ней используется многократное повторение отдельной номинации, в том числе контактные повторы.

В составе тематической цепочки художественного текста очень четко выделяется основная номинация: она характеризуется многократным повторением. Чаше всего в этой роли выступает имя собственное в одном из своих вариантов. Нет сомнений в том, что писатель тщательно обдумывает этот вариант исходя из его прагматического потенциала. Так, в рассказе Ю. Нагибина «Комаров» основная номинация, вынесенная в заголовок, — «взрослое имя» четырехлетнего мальчугана подчеркивает такие свойства героя рассказа, как самостоятельность, упорство, чувство собственного достоинства. Прагматически наиболее значимой и потому основной в тексте может стать и такая номинация, как прозвище (см., например, рассказ В. Шукшина «Чудик», где заголовочная номинация использована в тексте 53 раза). Помимо основной номинации, в состав тематической цепочки часто входит субститут-местоимение, остальные единицы встречаются намного реже и относятся к различным структурно-содержательным типам, например: *брат Василий, Василий Петрович Князев* («Чудик»), *пляжный знакомец*

(«Комаров»). В составе дополнительных номинаций нередко встречаются такие, которые обнаруживают другую (персонажную) точку зрения: *дурак* — Чудик, с точки зрения его снохи, *трудный мальчик* — Комаров, с точки зрения воспитательницы.

Плотность номинационной цепочки основного героя в жанре рассказа очень высока, чередования собственного имени и замещающего местоимения упорядочены, последние «разбавляют» ряд повторений основной номинации. См., например, рассказ О. Шестинского «Дары искусства»: в состав его тематической цепочки входят имя героини *Маня* (а) и местоимение *она* (б); структура цепочки следующая:

А А б А б А б А б А А б б А А б ...

Основная номинация часто подается в самом начале текста, иногда в заголовке, что подчеркивает ее текстовую значимость.

Таким образом, художественный текст стремится не к разнообразию состава тематической цепочки и комбинаторики ее членов, а к достижению эффекта воздействия за счет формирования устойчивой прагматической номинации целого текста. Повторение одной и той же номинации обладает в этом плане дополнительными возможностями: собственное или нарицательное имя как бы накапливает прагматическое содержание, извлекаемое читателем из каждого эпизода. Многократное повторение важной в плане авторского замысла номинации — принципиально значимый прием организации тематической цепочки художественного текста.

Если состав и структура тематических цепочек определенно поддаются типизации на уровне функционального стиля, то размещение тематической цепочки в тексте зависит от конкретной темы и конкретного замысла автора, так что говорить об общих закономерностях здесь трудно. Назовем некоторые разновидности компоновки и размещения тематических цепочек на материале рассказов Ю. Казакова.

1. Многоэлементная цепочка с постепенным формированием основной номинации, которая затем многократно повторяется вплоть до конца текста. Дополнительные номинации выражают персонажную точку зрения. Формирование основной номинации происходит в зачине, плотность цепочки равномерная на протяжении текста. Например, в рассказе «В город» имеем следующую цепочку: *Василий Каманин* — он (2 раза) — *Василий Каманин* — он (2 раза) — *Василий* (2 раза) — *Василий Каманин* — *Василий* — он (2 раза) — *Василий*. Далее последняя номинация сохраняется до самого конца текста, в чередовании с субститутами. Дополнительная номинация цепочки *Вася* связана с сюжетной линией жены Василия и относится к ее прямой речи. Основная номинация употребляется в каждом новом фрагменте текста.

2. Трехэлементная цепочка, включающая основную номинацию, субститут и нулевую номинацию. Последние имеют служебный характер — употребляются для связи предложений внутри отдельного фрагмента, так что основная номинация, не имеющая текстовых вариантов, носит особо подчеркнутый характер. Показатели другой точки зрения единичны. Расположение цепочки равномерное по всему тексту, начало — в заголовке, зачине или сразу по окончании зачина (см. рассказы «Никишкины тайны», «Трали-вали», «Некрасивая»).

3. Цепочка с семантической нагруженностью местоимения. Имеет разновидности в зависимости от сюжетного построения и авторского замысла. Так, в рассказе «Поморка» (состав цепочки: *поморка — девяностолетняя старуха Марфа — Марфа — она*) семантизация и возрастание текстовой роли местоимения связаны с объемом, даже эпичностью портрета поморки, вобравшего в себя всю ее долгую жизнь. Чаше же встречается обратное: выдвижение местоимения на роль смыслового центра зачина, а затем переход в последующих фрагментах на полнозначные номинации создает эффект движения от обобщенного взгляда к приближенному, конкретному. См., например, зачин рассказа «Арктур — гончий пес»: *История появления его в городе осталась неизвестной. Он пришел весной откуда-то и стал жить. Говорили, что его бросили проезжавшие цыгане.* Далее — еще шесть местоименных номинаций, затем дается прояснение ситуации: *он — щенок — пес-бродяга — слепой пес*, при преобладании местоименных обозначений, и, наконец, в конце второй главки называется кличка собаки — *Арктур*, которая выступает в качестве основной номинации целого текста.

Если финал рассказа с подобным построением от многочленной цепочки сводится опять, как и зачин, к одночленной местоименной, то вырисовывается яркий художественный прием — так создается образ пути героя, лишь ненадолго пересекающегося с нашим (авторским): *вот он далеко, неотличимый от других людей (он — и только)* — *вот разыгралась на наших глазах конкретная сцена из его жизни, в которой герой обрел лицо, имя, поступок (странник — Иоанн — кобель красноглазый)*, — а *вот он отдалился и уже снова сливается с огромным миром людей и явлений (возвращение к номинации он)* (рассказ «Странник»).

Итак, разнообразие композиции и размещения тематических цепочек — это специфический признак художественного текста. Еще один, связанный с данным признаком — это использование тематической цепочки как средства создания образа. Художественный текст отличается от прочих также и тем, что в нем имя темы может вовлекаться в состав текстового художественного приема, например, в рассказе Ю. Казакова «Никишкины тайны» основная номи-

нация *Никишка* в связи с главной сюжетной линией последовательно используется в составе инверсированной конструкции; в миниатюре В. Астафьева «Домский собор» основная номинация включена в звукоизобразительный ряд: *Дом... Дом... Дом... Домский собор* (зачин текста).

Заклячая сказанное, отметим, что в структурно-содержательном отношении художественный текст близок разговорному («кантропоцентризм», наличие «двойных» тематических цепочек — рассказчика и предметной). В то же время функционально-семантическая специфика тематических цепочек существенно различает эти стили.

Главное своеобразие тематических цепочек художественного текста заключается в создании «образа темы» через формирование основной прагматически нагруженной номинации целого текста. Таким образом, эстетическая функция пронизывает весь текст, в частности, распространяется и на рассматриваемую категорию. Другая существенная особенность тематических цепочек художественного текста состоит в нестандартности их компоновки и размещения на пространстве текста.

Цепочки хода мысли художественного текста

Понятие концептуальной информации, введенное И. Р. Гальпериным (1981), применимо к различным стилям речи, но только в художественном тексте «вертикаль» концептуального смысла так сложно связана с «горизонталью» текстового развертывания, будучи творческим переосмыслением содержательно-фактуальной (И. Р. Гальперин), или денотативной, информации текста. В настоящей работе не обсуждается формирование концептуального смысла целого текста, наблюдения ограничены денотативным (в терминологии Н. А. Купиной (1983), поверхностным) смыслом, выраженным эксплицитно (вербально).

Логические связи денотативно-текстового характера в художественном тексте, как и в разговорной речи, осуществляются при ограниченном количестве специально для этого предназначенных языковых средств — логических связок, особенно связок книжной стилистической окраски. Развитие темы идет за счет смены подтем, каждая из которых имеет особое лексическое и вообще языковое выражение, а характер логических отношений определяется последовательностью фрагментов, их лексической сопоставимостью, уровнем абстракции. Типичным художественным способом развертывания темы является использование «иллюзии данности» (И. И. Ковтунова), когда новая подтема вводится так, как будто она уже известна читателю. Плавное темо-рематическое развитие текста при этом нарушается и создается впечатление незамкнутости, неограниченности текстового содержания (Ковтунова, 1979).

В этом случае логические связи между соседними фрагментами текста являются ассоциативными, т. е. удерживающимися не на ос-

нове обычных логических отношений (причинно-следственных, отождествления, противопоставления и др.), а на основе индивидуальной логики, осложненной психологическими влияниями (Баталова, 1982). В плане языкового выражения ассоциативная текстовая связь базируется на языковом несходстве: резком изменении лексического состава фрагментов и малом числе лексических скреп или полном их отсутствии, смене фразового ритма, переходе в другой глагольно-временной план и др.

Разумеется, для художественного текста актуальны не только связи ассоциативного характера. Здесь реализуются все собственно логические отношения, хотя способы реализации специфичны. Так причинно-следственные отношения, как правило, характеризуются имплицитной подачей на основе категории последовательности. Логические связки не применяются, хотя легко могут быть восстановлены:

1. *Шалый дождик налетел с ветром, пыль подырявил, заголил хвосты куриц, разогнал их во дворе, качнул и растрепал яблоню под окнами, убежал торопливо и без оглядки. [поэтому] Все замерло удрученно и растерянно (Аст.).*

2. *Раньше он волков не видел... Сейчас понял, что волк — это волк, зверь. <...> Он догонял жертву. <...> Иван оглядел са-ни — ничего, ни малого прутика. Оба топора в саях тестя. <...> [вследствие этого] Ивана охватил настоящий страх (Шукш.-2).*

Имплицитно передаются также связи логической однопорядковости, пояснительные, противопоставления и др. Исключение составляют связи пространственного и временного характера, которые выражаются эксплицитно и чрезвычайно употребительны в художественном тексте. Это объясняется преобладанием в художественном тексте повествовательного и описательного регистров и их чередованием (Реформатский, 1983, с. 558—559). Сюжетный художественный текст в целом моделируется как повествование, передающее последовательность или, шире, динамику событий.

В плане выражения повествование связано с указанием на чередование действий при помощи глаголов, а также использованием лексических единиц с семантикой времени. Для описания, с его статическим подходом к предмету речи, важны пространственные лексические указатели. В художественном тексте повествование многоэтапно, а описание многоаспектно, они детализированы, осложнены ассоциативными отвлечениями и др. Нарративные и пространственные указатели, которые связаны с существенными признаками соответствующих логических схем текста и относятся к числу легко воспринимаемых, поскольку широко употребительны в живой разговорной речи, обладают значительной объединяющей силой, способны указывать на общий план развертывания темы. Композиционно-текстовая роль таких указателей подчеркивается

их размещением в начальной части абзацев. По отношению друг к другу темпоральные и локальные логические связки находятся в отношении дополнительности: при повествовательной схеме «движителями сюжета» являются темпоральные указатели, а локальные вписываются между ними, определяя границы включенных описательных фрагментов; при описательной схеме их роли меняются. См., например, использование данных указателей на повествовательной основе в рассказе Ю. Казакова «Легкая жизнь» (локальные указатели разной длины действия выделены разрядкой):

Пролетая разъезды и полустанки... поезд мчится на север (1-й абзац). —> *Пять лет не был Василий дома* (2-й абзац). —> *Теперь он едет домой* (5-й абзац). —> *На другой день Василий Панков выпивает коньяку на какой-то станции и возвращается в вагон веселый...* (7-й абзац). —> *В соседнем купе начинают играть...* (13-й абзац). —> *В вагон входит чернявый поленький человек...* (14-й абзац). —> *Встрепенувшись. Василий Панков тотчас идет в вагон-ресторан* (16-й абзац) —> *Часа через два он возвращается в свой вагон* (17-й абзац). —> *Наконец, он все-таки устает, замолкает и засыпает на своей полке* (24-й абзац). —> *А поезд между тем все мчит и мчит на север* (25-й абзац). —> *Скоро в вагоне зажигают свет, начинают разносить чай и незаметно наступает вторая ночь в дороге* (26-й абзац, конец главки).

Выборка показывает, как с помощью темпоральных и локальных указателей структурируется текст. Темпоральные указатели длительного действия подчиняют себе локальные (на какой-то станции, в соседнем купе, в вагоне и в вагоне-ресторане — все это — на другой день), а локально определенный факт, в свою очередь, может сюжетно распространяться (идет в вагон-ресторан, часа через два возвращается — в поезде, на другой день). Разумеется, приведенная схема сочетания и тип связи, будучи характерными для жанра рассказа, не исчерпывают всех возможностей стиля и даже жанровых вариантов рассказа.

Стандартные логические связки в нейтральном языковом воплощении в художественном тексте встречаются, но не обладают такой значимостью, как в книжных стилях, и больше используются в качестве частного средства логической связи (не на общетекстовом уровне).

Тональность художественного текста

Выражение авторского отношения к отображаемому составляет смысл создания художественного текста, и весь он держится на внутренней психологической объединенности составляющих его языковых средств (Виноградов, 1980, с. 3). Тональность текста оп-

ределяется в художественном стиле на пересечении 'категорий' темы и образа автора. Ведущая роль здесь остается за автором. Каждая тема требует определенной тональности, но сама тема выбирается автором из бесконечного множества существующих на основе психологической потребности.

В силу большой значимости категория тональности в художественном тексте получает богатейшее языковое обеспечение (Солганик, 1984). В нем «мобилизуются все средства языка, чтобы представить ценностное качество изображаемого объекта» (Степанов Г., 1974, с. 74). Кроме того, тональность находит свое выражение и на денотативном (предметном, фабульном) уровне текста. В этом случае особенно справедливо утверждение В. Шкловского: «Стилистический анализ включает событийный анализ. Нельзя анализировать отдельно стиль-язык, отдельно — сюжет» (1959, с. 410).

Свою психологическую установку, сознательную или подсознательную, человек может выражать не вербально, а поведенчески. Художественный текст, воспроизводящий реальную действительность, отражает и такое поведение. Даже если событие описывается нейтральными средствами языка, адресат получает представление о его эмоциональной окраске. Чаше же денотативная основа тональности ставится в связь с ее языковым выражением, см., например:

Все случилось очень скоро. И так же скоро, ясно заработала голова. Какое-то очень короткое время стоял он на лестнице... И быстро пошел вниз, почти побежал. В прихожей у него лежит хороший молоток. Надо опять позвонить — если откроет пожилой, успеть оттолкнуть его и пройти... (Шукш.-2).

Тональность фрагмента, описывающего состояние персонажа, близкое к аффекту, создается в первую очередь за счет самого событийного плана, но включен и целый набор языковых средств. Прежде всего это ритм: короткие, резкие фразы, интонация незавершенности, парцеллированные конструкции хорошо передают лихорадочность мысли, взволнованность и напряженность действующего лица, а в целом — основную в данном рассказе тональность обиды, застилающей разум (см. заголовок рассказа: «Обида»).

В плане прагматики художественный текст может определяться прямо противоположными установками автора: «читатель, дай руку» — «читатель, суди сам» (остранение) (Степанов Г., 1988, с. 152). Выбор одной из этих установок определяет языковое выражение тональности и оценочности, их эксплицитный или имплицитный (подтекстный) характер.

Языковые показатели тональности соотносимы с уровнями языка, и нет таких прямых и косвенных выразителей эмоционально-экспрессивного содержания, которые не использовались бы в художественном тексте. На лексическом уровне это эмоциональные

междометия и эмоционально-экспрессивная лексика, нейтральные слова с эмоциональной коннотацией, образная лексика и фразеология, афористика. К языковым показателям примыкают речевые: нестандартная сочетаемость слов и ее результат — сдвиги и переносы лексического значения; стилистические фигуры; семантические наслоения за счет широкого контекста и др. Столь обширного «словаря» тональности и набора способов его текстового использования не знает ни один функциональный стиль, но дело не ограничивается этим. Художественный текст — это гармоническое целое, характеризующееся выверенным соотношением пропорций. В нем, как и в других видах искусства, эстетической ценностью обладают различные проявления симметрии, выражающиеся в приемах организации ритма, фоники и интонации, композиции (Черемисина, 1981). Таким образом, эстетической нагруженностью здесь характеризуется любой языковой элемент текста. В частности, известно свойство художественного текста преобразовывать семантику нейтрального и вообще любого слова, наделяя ее текстовыми приращениями смысла, прежде всего эмоционально-экспрессивными и эстетическими. Оно осуществляется на основе повторения лексической единицы в разных контекстах. Это частное проявление такой важной черты текстовой семантики художественного произведения, как динамичность смысла (Виноградов, 1963, с. 162). Многократное предиктирование повторяющейся номинации приводит к присоединению каждого нового признака к предыдущим и формированию ее особого, более сложного по сравнению с языковым текстовым смыслом. Данное явление носит типичный характер и обладает большой значимостью, так что некоторые исследователи предлагают даже выделять особый тип лексического значения — художественное значение (Барлас, 1982). Слово с художественным значением — это элемент текста, значимый для более глубоких смысловых слоев художественного текста — образного и идейного (Купина, 1983).

Помимо лексических, в передаче тональности художественный текст опирается на словообразовательные, морфологические, синтаксические средства экспрессивности, многие из которых восходят к разговорной речи. Важным собственно текстовым средством тональности является интонация и фразовый ритм. «Ритмическая оркестровка» (Чаковская, 1986) составляет подоснову других средств, а может выступать и самостоятельным выразителем тональности.

Поле тональности в художественном тексте характеризуется большой плотностью и параллельным использованием сразу нескольких средств выражения. Это одна особенность тональности художественного текста. Вторая и более важная состоит в текстовой композиции поля тональности.

Наличие нескольких персонажно-сюжетных линий и авторской точки зрения делают художественный текст политональным (такова вся реалистическая проза, за исключением лирических миниатюр). Общая тональность текста, которая, несомненно, существует (об этом свидетельствует восприятие: прочитанный художественный текст оставляет некое общее впечатление эмоционального свойства — светлое, печальное или иное), складывается сложно — на соотношении всех конкретных составляющих с авторской эмоциональной оценкой, а далее — всего этого вместе с эмоциональным опытом адресата.

Проследим организацию персонажного субполя тональности, связанного с главным героем рассказа В. Драгунского «Девочка на шаре» Дениской. Рассказ написан от первого лица, авторская точка зрения не обособлена и вытекает из рассмотренной персонажной.

Экспозиция: Дениска до встречи с девочкой. Средства выражения тональности: *понравилось, пахнет чем-то особенным, яркие картины, красивый ковер, это было очень красиво* — о впечатлениях Дениски; *Я поймал мяч и бросил его в Валерку; Бамм!; так хохотали, что чуть-чуть не померли* — о его поведении. Тональность передается с помощью нейтральной лексики с эмоциональной и оценочной коннотацией, глаголов движения, звукоподражания, интенсификации так, динамичности ритма. Доминанта тональности: Дениска энергичный, веселый, озорной.

Развитие действия: Дениска во время выступления девочки. Впечатления героя передают следующие единицы текста: *маленькая и красивая, синие-синие глаза, длинные ресницы, серебряное платье, весело смеялась, маленькая, милая и необыкновенная; взмахнула руками, как птица; она ... и есть Дюймовочка; это было, как в сказке*. Тональность восхищения формируется за счет цветовых и оценочных определений, помимо лексического повтора, сравнений, перечислительных рядов.

Кульминация: Дениска о девочке. Набор средств тональности: *синий-синий; и она медленно плыла по кругу, и светилась, и звенела; Я таких маленьких и красивых никогда не видел — Я таких девочек не видел. — ...Я за всю свою жизнь не видел ничего такого подобного*. С помощью полного повтора, многосоюзия, повтора с градацией формируется эмоциональная доминанта предельного восхищения.

Разрешение действия: Дениска после выступления девочки. Носителями тональности являются следующие средства: *ни на что не хотел смотреть; глупый клоун; не львы, а дохлые кошки; это было неинтересно; длинная неделя; ерунда на постном масле; глухонемой голос*.

Тональность эмоционального спада формируется за счет денотативно-сюжетного содержания, оценочной лексики, показателя психологического времени (*длиннющая неделя*), фразеологизма, метонимического эпитета. Доминанту можно сформулировать как «муки ожидания».

Р а з в я з к а: Дениска осознает, что больше не увидит девочку. Средства тональности: *Пойдем домой, папа; Владивосток — это на самом конце карты; Не хочется что-то, папа* (в ответ на приглашение в кафе-мороженое). Эмоциональная доминанта «печаль» основывается на денотативном содержании высказываний.

Извлечение субъективно-эмоционального смысла и наблюдения над его динамикой позволяют выявить эмоциональный «сюжет в сюжете», который и толкает читателя на сопереживание. Выявленные средства создания тональности показывают важную особенность художественного текста: поле эмоций строится здесь таким образом, что мы не только видим эмоциональное состояние героя, но и — самое существенное — видим мир глазами этого героя под углом его эмоционального состояния. Краски конкретных событий и фактов, описываемых в тексте, определяются именно этим. О герое же всегда можно сказать словами Н. Заболоцкого: «На самом деле то, что называют мной, не я один. Нас много, я — живой». Динамика эмоционального сюжета и выражение его не только с помощью языковых средств, направленных непосредственно на героя, присущи каждому художественному тексту.

Таким образом, текстовое поле тональности много шире языкового за счет контекстных единиц, а субполя персонажей пересекаются друг с другом и распространяются на весь текст. Каждое из субполей динамично, что придает субъективно-эмоциональному содержанию художественного текста особую сложность. Интеграция эмоционально-оценочного содержания осуществляется на базе образа автора, тональное поле которого может быть выражено непосредственно или на основе персонажных субполей. Персонажная точка зрения выполняет двойную функцию: субъективной характеристики реалий и самохарактеристики персонажа, что позволяет рассматривать ее как опосредованную авторскую оценку (Вит, 1984).

Попытаемся обозначить общие черты поля тональности в художественном тексте. В отношении набора языковых составляющих отметим его разнообразие и богатство, а также наличие большого количества контекстных и общетекстовых приемов формирования приобретенной субъективной модальности. Состав ядра данного поля вариативен в зависимости от целого ряда факторов. Наиболее бесспорно к нему относятся образные языковые и речевые средства, лексика с дифференциальными и коннотативными семами эмоциональности. Они особенно актуальны для авторской речи. В прямой речи персонажей более заметную роль играют прямые сред-

ства передачи эмоциональности. Универсальным средством поля тональности является фразовый ритм, связанный с синтаксическим строением фрагмента.

В конкретном художественном тексте состав ядерных и периферийных средств поля тональности может существенно отличаться от структуры поля тональности художественного стиля в целом. В частности, ядерные единицы конкретного текстового поля тональности могут принадлежать периферии поля тональности всего художественного стиля. С таким типом категории мы сталкиваемся на рассмотренном материале впервые. Наиболее точно передает отмеченную особенность термин «плавающая» категория (Почепцов, 1982). Содержание «плавающей» категории настолько вариативно, что может представлять собой антиструктуру, противопоставленную типовой обобщенной структуре.

Важная особенность поля тональности в художественном тексте — это его плотность, всеохватность и многослойность (комплексное использование ряда выразительных средств).

В целом поле тональности — мощнейшая текстовая категория, которая является информационной доминантой художественного текста.

Оценочность художественного текста

Рациональные оценки занимают в художественном тексте совсем иное положение, нежели эмоциональные. Открытых обобщенных логических оценок художественный текст избегает. Их редкое использование в авторской речи всегда сопряжено с принесением публицистического начала в художественный текст. Даже самое явственное оценочное неприятие факта или события в художественном тексте подается не на рационально-оценочном, а на эмоционально-оценочном основании. Так, в «документальном рассказе» (авторское определение жанра) В. Шукшина «Кляуза» нет прямых рациональных оценок, хотя насыщенность текста различными средствами выражения тональности велика: большое количество нейтральных обозначений эмоций и их проявления, приобретающих контекстную эмоциональную коннотацию (*стыдно, ненавидеть, злоба, неловко, нервничать, слезы навернулись* и др.), редко встречающийся в художественном тексте прием шрифтового выделения слов (**НЕНАВИДЕЛИ, ОНА, ДОКУМЕНТ**) и многое другое. Зато в документе, который включен в этот рассказ и соответствует обозначенному жанру, рационально-оценочные единицы занимают заметное место, см. лексический ряд: *грубый, демагогически, ложь, оскорбление, позорить*.

В норме рационально-оценочная лексика, начиная с ядерной языковой пары *плохо/хорошо*, используется в художественном тексте для характеристики конкретных, частных фактов и событий, описываемых в нем: *Ему сделали х о р о ш и й протез, и ходил он чуть*

прихрамывая: «Ничего, — утешала она себя, — главное, война кончилась. Дальше лучшая жизнь пойдет».

Основным средством выражения рациональной оценки в художественной речи являются нейтральные слова с языковой оценочной коннотацией: *Первых ораторов слушали внимательно* [+], *потом стали переминаться с ноги на ногу, уставая от однообразия* [—] *речей; Плясали они незатейливо* [—], *но так раскраснелись милые девичьи лица, так старательно* [+] *кружились девушки, оправляя развевающиеся подолы, что даже самые равнодушные начали притопывать в такт музыке; Кто-то сказал, что самое надежное* [+] *место во время бомбежки — около печки в коридоре.*

Общий характер использования рациональной оценочности в художественном стиле очень напоминает разговорную речь. Сходство подтверждают и другие конкретные факты. Рационально-оценочные единицы в художественном тексте, как и в разговорной речи, окрашиваются в эмоциональные тона за счет их контекстных партнеров. Типично сочетание оценочного слова с прямым или непрямым сигналом эмоциональности или интенсивом: *Хорошо просыпаться, когда с первой мыслью приходит чувство, что тебя ждет радость* (расположение рационально-оценочной и непрямой эмоциональной единиц в наиболее информативно сильных позициях фразы — абсолютном начале и абсолютном конце подчеркивает их связь).

Своеобразие художественного стиля в отношении оценочности состоит в том, что здесь текстовое оценочное содержание может не совпадать с языковым или даже противоречить ему. Конкретное оценочное содержание языковой единицы определяется только широким контекстом, нередко — контекстом целого речевого произведения.

В рассказе В. Шукшина «Вянет-пропадает» оценка *хороший* постоянно возникает в связи с сюжетной линией дяди Володи, в его прямой речи (*хорошее дело... очень хорошее дело; мне и так хорошо; завтра хороший день будет*). Данная оценка накладывает отпечаток на соседние конкретно-предметные реалии, так что хорошие у него и комната, и сервант, и запланированная медвежья шкура на пол. Однако чем лучше все обстоит у этого персонажа, тем больше наше (через восприятие других персонажей и автора) раздражение по его поводу. И напротив, отрицательно-оценочная на денотативном основании фраза *проломиться с молотком к Игорю* (с целью убийства) в рассказе «Обида» (Шукш.-2) имеет совершенно иное текстовое наполнение — вызывает читательское сочувствие, сострадание к герою.

Отмеченное явление характерно и для эмоционально-оценочных единиц. В рассказе «Психопат» (Шукш.-2) начатый в заголовке

номинационный ряд, подкрепленный однотипными номинациями *ненормальный, сдвинутый*, полностью и с немалой горечью опровергается в дальнейшем: ненормальность героя состоит лишь в том, что он обладает обостренным чувством собственного достоинства.

В целом, в художественном стиле, как и в разговорном, рациональная оценка перекрыта эмоциональной. Прямые оценочные характеристики имеют конкретно-предметный, частный адрес, но даже при таком употреблении характеризуются эмоциональными текстовыми наслоениями. Подлинное понимание оценочного значения в художественном тексте возможно только в контексте художественного целого. Здесь приемлем «антистандарт», контраст дотекстового и текстового значения, о котором говорилось применительно к эмоционально-экспрессивным средствам. В плане выражения авторской позиции, т. е. в общетекстовом аспекте, сугубо рациональная оценка художественному тексту не свойственна.

Темпоральная организация художественного текста

Художественный текст воспроизводит реальность средствами языка, что невозможно без воспроизведения пространственно-временных координат этой реальности. Таким образом, в нем представлено реальное (объективное) время. Это время событий, отображаемых на принятой исторической шкале или по отношению друг к другу (сюжетное, конкретное время текста). В зависимости от особенностей темы и сюжета, а также масштабности авторского замысла объективное время текста реализуется как бытовое или историческое, календарно определенное или неопределенное, ограниченное рамками некоторого периода или не ограниченное, с возможными пересечениями и наложениями этих характеристик.

В то же время художественный текст — не объективизированная картина реальности, а ее индивидуализированное, причем заранее спланированное в эстетическом ключе отражение. Реальное время в художественном тексте подвергается очень сильному воздействию перцептуального. Оно приобретает такие не свойственные реальному времени черты, как неоднородность, дискретность, обратимость. Добавим, что реальное время текста испытывает еще и влияние неповторимо индивидуального восприятия автора текста.

В результате формируется особая разновидность текстовой категории времени, свойственная рассматриваемому типу речи, — художественное время. Художественное время соединяет в себе, под индивидуальным углом зрения, объективное и перцептуальное время (Тураева, 1979, 1986). Художественное время отражает объективное, а перцептуальное психологически корректирует это отражение, видоизменяя всю попадающую в текст объективно-темпоральную линию. Художественное время — это эстетически освоенное творческой личностью перцептуальное преломление реального времени.

Один из самых распространенных приемов художественного текста — замедление или убыстрение текстового времени. В разговорной речи это явление носит эпизодический характер, полностью относится к перцептуальному времени и реализуется в виде короткой реплики (*Сто лет тебя не видел*). Замедленное время в художественном тексте — знак авторского внимания к событиям, в него вместившимся, оно связано непосредственно с сюжетом текста и его наиболее значимыми эпизодами. Убыстренное время характерно для вспомогательных фрагментов текста, часто — для экспозиции произведения. Возьмем для примера рассказ В. Шукшина «Алеша Бесконвойный».

Экспозиция рассказа строится по принципу сжатия изображаемого реального времени: *пять дней на неделе он был безотказный работник; летом он пас колхозных коров, зимой был скотником; но наступала суббота — и тут все; два дня он не работал в колхозе — субботу и воскресенье; и даже уж забыли, когда это он завел себе такой порядок; сроду такой*. В одном, пусть и объемном абзаце воссоздан ритм жизни героя, сложившийся давно.

Далее действие перемещается в узкие временные рамки: сначала «святого дня» — субботы и затем, почти сразу, — в рамки одной конкретной субботы: *Вот, допустим, одна такая суббота*. После этого ввода характер текстового времени меняется: реальное время как бы замедляет ход, приобретает необходимую рыхлость, что и позволяет заполнить его конкретными событиями, сделать растяжимым. В таком ключе дано описание совсем короткого объективно времени перекура. Обширный смысловой фрагмент начинается словами: *Алеша натаскал воды и сел покурить*. Дается темпоральный ввод: *Это тоже дорогая минута — посидеть покурить*. Последующий текст фрагмента связан с мыслительным наполнением «этой дорогой минуты» деталями и подробностями. Так, то убыстраясь, то замедляясь, то почти останавливаясь, течет художественное время текста, тогда как подлинно реальное время движется постоянно и равномерно.

В изображении убыстренного или замедленного времени большую роль играют глаголы движения и вообще глагол как часть речи в целом, а также специальные текстовые средства, например, непоследовательная смена коротких описательных и повествовательных фрагментов хорошо передает впечатление об убыстрении времени, поскольку моделирует мимолетные впечатления, сопутствующие обычно быстрому движению (Гальперин, 1982, с. 22).

Свойство необратимости реального времени также переиначено временем художественным. Известен прием развернутой ретроспекции, характерный для разных прозаических жанров. Ретроспективные фрагменты представляют собой частные включения, завершаемые возвращением к основной темпоральной координате.

В том же рассказе В. Шукшина ретроспективный фрагмент воспоминаний Алеши отчетливо выделен лексемой *вспоминать* и сюжетной рамкой: *А баня вовсю топила сь. <...> И вспоминал Алеша ... вспоминал он один момент в своей жизни. <...> —> Вот ту¹ Алю крепдешиновую и вспоминал Алеша... —> Дровишки прогорели.* Таким образом, художественное время еще и дискретно, оно может быть прервано и продолжено. Но при всем этом художественное время нельзя свести к перцептуальному: отражение объективного времени налицо.

«Векторный нуль» на оси художественного времени вариативен. Хронологическая ось художественного текста может быть связана с сюжетом (персонажной позицией или позициями) либо с образом автора, а может быть и разветвленной, имеющей двойную перспективу (Успенский, 1970, с. 92—96) и несколько временных линий. Возможно также использование разных временных позиций, см., например, распространенный прием включенного воспоминания и двойной оценки его фактического содержания: с позиций «тогда» и «теперь».

Определяющей в любом случае является временная позиция автора, который остается вне изображаемой им реальности в определенной точке (определенном периоде) реального исторического времени, а именно времени создания данного текста. «Даже если он (автор. — Т. М.) создал автобиографию или правдивейшую исповедь, все равно он, как создавший ее, остается вне изображенного в ней мира» (Бахтин, 1975, с. 405) и смотрит на изображаемые им события «из своей незавершенной современности во всей ее сложности, полноте, причем сам он находится как бы на касательной к изображаемой им действительности» (там же, с. 404).

Языковое выражение категории темпоральности в художественном стиле не отличается в целом от общетекстового и свойственного другим стилям. Осуществляется оно прежде всего на лексической основе, причем наиболее активны слова с семой времени в составе лексического значения (Чернухина, 1984, 1987). Особое средство передачи темпоральности — это глагол с его семантикой процессуальности. Количество и последовательность глаголов определенной семантики передают убыстрение или замедление времени, переход от одной ситуации к другой и т. п. Данное средство актуально именно для художественного текста (у М. Н. Кожинной встречается термин «глагольное речеведение», т. е. ведение речи с помощью глаголов — 1983, с. 204). Что касается грамматических средств, прежде всего глагольных видовременных форм, то их значение в художественном тексте, как и в группе книжных стилей, реляционное. «Наличие некоторой реляционной точки отсчета необходимо. В художественном тексте эта точка носит реляционный характер. Важно не столько то, *когда*, сколько то — *раньше*,

позже чем...» (Тураева, 1979, с. 46. Ср. противоположное мнение: Успенский, 1970, с. 95—96).

Основу повествования, наиболее распространенной функционально-смысловой разновидности речи в художественном тексте, создают различные видовые формы прошедшего времени. Текстовые переходы на другие видовременные формы указывают на новый содержательный фрагмент, т. е. грамматическое время используется в сегментирующей текстовой функции. Так, в рассказе О. Шестинского «Вечное эхо войны», выстроенном на формах глагольного прошедшего, план настоящего и будущего глагольного времени выделяет фрагменты — описания надежд бабки Анны встретить когда-нибудь своего пропавшего без вести сына. Ср. начальные эпизоды (1, 2) и фрагмент «надежды бабки Анны» (3): 1. *Бабка Анна ж и л а на отшибе, возле сосняка ... Д о ж и в а л а она свой семьдесят пятый год. Муж п о г и б давно, еще в коллективизацию. А сын, молоденький... лейтенант, п р о п а л без вести в сорок первом году... —> 2. Ночью п р и х о д и л и к ней тревожные мысли... В теплые дни она в ы х о д и л а на шоссе, с а д и л а с ь на скамейку у автобусной станции... —> 3. Она гадала, с какой стороны он п р и д е т к ней. Ей чудилось, что п р и е д е т он непременно на автобусе и в ы й д е т здесь, на остановке ... А иногда ей казалось, что Ванечка п р и е д е т с женой, и они, свекровь и невестка, п о н р а в я т с я друг другу, а потом она п о д а р и т невестке синий гарусный платок...*

На фоне объективно-нарративных форм прошедшего времени в авторской речи прямая речь персонажей выделяется видовременным разнообразием с преобладанием форм будущего времени.

Как и во всех других стилях, темпоральное поле художественного текста тесно связано с локальным, и на основе комплексных локально-темпоральных указателей выстраивается логическое развертывание текста (сюжетное значение хронотопов, по М. М. Бахтину). Данная роль сигналов времени и пространства не свойственна научному и официально-деловому стилю, не получает она последовательного применения и в разговорном стиле, публицистический же, вероятно, заимствует ее из художественной литературы.

Однако художественное время (или время-место) ни в коем случае не является только «связочным материалом» текста. Для художественного текста характерно не указание на время, а изображение времени. Хронотоп «дает существенную почву для показа-изображения событий» (Бахтин, 1975, с. 399) и сам приобретает чувственно-наглядный характер. Образ времени — неотъемлемая черта художественного текста. Другие тексты не обладают этим свойством как сущностным и входящим в авторский замысел.

Пространственная организация художественного текста

Категория пространства, как и категория времени, соотносит текст с определенной ситуацией, но уже не с ее протеканием; а с развертыванием в едином временном плане. Художественное пространство отличается от реального аналогично отношениям по линии времени.

Реальное пространство глобально, непрерывно и делимо. Пространство художественное воспроизводит эти свойства и добавляет к ним еще одно — конкретность. Художественное пространство, в отличие от концептуального, никогда не бывает абстрактно. Оно «всегда заполнено и всегда вещно. Вещи не только конституируют пространство, но и организуют его структурно», — эти слова В. Н. Топорова о мифопоэтическом пространстве могут быть отнесены ко всему художественному стилю (1983, с. 234). Помимо этого, художественное пространство имеет определенные рамки или ориентацию относительно центра, этот центр — субъект целого текста, его автор, и рамки устанавливаются им. По сравнению с разговорным текстом, к которому также относится признак антропоцентричности, художественный текст отличается преднамеренностью пространственного решения: оно не диктуется реальной ситуацией, а является одной из составляющих авторского замысла.

Для художественного пространства нет ограничений. Объективно бесконечное пространство становится доступным взгляду, объективно минимальное пространство может развертываться в обширный ландшафт, любое пространство может подаваться как открытое и закрытое, возможно моделирование пространства таких понятий, которые сами по себе не имеют пространственной природы (Лотман, 1970, с. 266) и т. д.

Из трех типов объективного пространства (точечное, векторное, квантитативное) менее всего актуально для художественного текста квантитативное. Состав, размер, объем явления — эти характеристики используются как частные локальные указатели, действующие внутри текстового фрагмента. Значимость «точечного» (концентрического) и векторного пространства гораздо больше. На этой основе может выстраиваться целый текст. Ключевым понятием для обоих типов пространства является «векторный нуль» — точка зрения субъекта (обратим внимание, что термин «точка зрения», приобретший очень емкое значение, сформирован именно на локальном основании). Художественный текст располагает обширными возможностями в плане пространственной организации и выбора точки зрения. Б. А. Успенский в книге «Поэтика композиции» рассматривает основные типы пространственной организации художественного текста с учетом категорий описывающего субъекта (автора) и персонажа, определенности/относительности точки зрения (1970,

с. 77—79). При совпадении места автора и персонажа возможны следующие пространственные решения: 1) автор перевоплощается в персонажа, 2) автор следует за персонажем, 3) место автора определено относительно. Если место автора отлично от места персонажа, может наблюдаться следующее: 1) точка зрения автора скользит от одного персонажа (шире — объекта) к другому, 2) точка зрения автора независима, 3) точка зрения субъекта меняется в зависимости от движения субъекта в поле описания, 4) точка зрения носит общий характер («взгляд с птичьего полета»).

При моделировании текстового пространства есть два пути: воспроизведение (изображение) пространства и указание на воспроизводимое пространство, сочетание которых способно образовывать общую панораму текста (Чернухина, 1984, с. 46—50). Эта панорама конкретна. «Пространственный континуум текста, в котором отображен мир объекта, складывается в некоторый топос. Этот топос всегда наделен некоторой предметностью, поскольку пространство всегда дано человеку в форме конкретного его заполнения» (Лотман, 1970, с. 280). Конечно, мера конкретности бывает различна (ср. пространственную характеристику при совмещении автора и персонажа и при «взгляде с птичьего полета»), так что можно различать конкретное и обобщенное пространство. Но и обобщенное художественное пространство конкретно в том смысле, что оно изображается, а не определяется.

Пространственная реальность может стать основанием художественного образа, см., например, у В. Астафьева в миниатюре «Окно»: *Ничто не наводит на меня такую пространственную печаль, ничто не повергает в такое чувство беспомощности, как одиноко светящееся окно в покинутой деревушке, да и в скоплении современных домов.* За счет конкретности, на которой базируется изобразительность, приращений смысла на метонимической и ассоциативной основе художественное пространство само может приобретать свойства художественного образа или становиться способом выражения непространственных смыслов целого текста.

Текстовое поле пространства в художественном стиле повторяет языковое в том отношении, что ядерные средства языкового поля являются основными в художественных текстах. К ним относятся лексика с пространственной семой различного статуса в лексическом значении, в том числе слова с конкретно-предметным значением, географические названия, глаголы бытия и движения (Чернухина, 1987). Но это сходство лишь самого общего порядка.

Действие жанровых и тематических факторов, а также творческая индивидуальность автора приводят к развитой вариативности конкретной пространственной организации текста, в том числе относительно языкового состава ядра поля пространства в данном тексте. Особенно сильно состав текстовых средств зависит от темы

произведения. Так, в «городских» рассказах основными в локальном поле текста оказываются обозначения мест человеческого обитания в городе, см. в рассказе О. Шестинского «Натаалья Ивановна... Наточка»: *во дворе, переходя двор, сквозь двери, в квартире, адрес, второй этаж, восьмая комната, поднимался домой по лестнице, прислонившись к перилам.*

Если же место действия связано с сельскими реалиями, природным ландшафтом, меняется соответственно и лексический набор пространственной семантики.

Приближенное к нам изображение (крупный план) достигается детализацией, развернутым описанием места, а также включенными повествовательными фрагментами. Переход с общего плана на крупный, от неопределенного пространства к конкретно-определенному и другие пространственные изменения сигнализируют о границах структурно-содержательных фрагментов текста и продвигают раскрытие темы.

Рассмотрим некоторые способы разграничения зачина и основной части рассказа.

1. Непространственный зачин → пространственно-конкретное решение основной части:

От Ивана Петина ушла жена. Да как ушла! Прямо как в старых добрых романах — бежала с офицером. —> Иван приехал из дальнего рейса, загнал машину в ограду, отомкнул избу... И нашел на столе записку (Шукш.-2).

2. Пространственный зачин с постепенным сужением пространства до избранного автором конкретного постоянного:

Декабрьский ветер леденил город. —> Мы сидели по домам (Шест.); В Никольском районе, на родине покойного поэта Яшина, я впервые увидел звездочки, прибитые к торцам углов сельских изб, и решил, что это пионеры-тимуровцы в честь какого-то праздника украсили деревню. —> Зашли мы в одну избу испить водицы. Жила в той деревянной избе, с низко спущенными стропилами... (Аст.).

3. Конкретно-пространственный зачин с расширением пространства в основном тексте:

«Над окошком месяц. Под окошком ветер...» — доносится из приемника. —> На дворе нету месяца. На дворе туман. Выдохнулся из земли, заполнил леса, затопил поляны, прикрыл реку — все утонуло в нем (Аст.).

4. Абсолютный зачин (Данилова, 1983), при котором место события обозначается предметным именем. —> сохранение или расширение заданного пространственного объема:

Дом... Дом... Дом... Домский собор, с петушком на шпигеле, Высокий, каменный, он по-над Ригой звучит. —> Пением органа наполнены своды собора. <...> Нет собора с эле-

ктрическими свечками... Зал полон людьми. <...> Домский собор! Домский собор! (Аст.).

Категория художественного пространства изоморфна категории художественного времени (понятие хронотопа у М. Бахтина). Это выражается как в особенностях строения текстового пространства и времени, совмещающих в себе свойства реального и перцептуального, так и в текстовых функциях обеих категорий, в числе которых функция создания самостоятельного художественного образа и функция общетекстовой связи и сегментации текста.

Композиция художественного текста малых жанров

Композиционные блоки в художественном произведении выделяются очень четко. Наличие заголовков, графические способы членения текста по композиционному принципу (использование отбивок, пробелов, отточий в конце или перед началом нового фрагмента, нумерация главок) способствуют этому.

Заглавие художественного текста — это проспективная единица, которая содержит в себе информацию, определяющую все построение произведения. Эту информацию нельзя свести к объективно-логическому или субъективно-логическому содержанию, оно включает в себя и то и другое. Заголовок художественного текста содержит или поддерживает ключевые единицы текста и больше, чем какой-либо другой фрагмент текста, носит общетекстовый характер.

С информационной точки зрения, по принципу преобладания одной или другой составляющей все заголовки можно подразделить на информемы (преобладает объективно-логическое содержание) и прагмемы (преобладает субъективно-логическое содержание), ср. две группы заглавий: 1. *Первый день войны, Хлеб, Отец* (Шест.) *Ночь, В город, Старики* (Каз.); *Земляки, Как помирал старик* (Шукш.-2). 2. *Наталья Ивановна... Наточка, «Златая цепь на дубе том», Трудное дело — жизнь* (Шест.); *Трали-вали, Свечечка, Как же мы посторонние?* (Каз.); *Верую!; Мильпардон, мадам; Вечно недовольный Яковлев* (Шукш.-2).

В структурном отношении наиболее значимо деление заголовков на номинативные и предикативные, в том числе — во второй группе — с опущенной темой предикативного высказывания, например: *О счастье* (Шест.). В генетическом плане можно выделить оригинальные и заимствованные заглавия (традиция использования заголовка-цитаты сильна в жанре рассказа: *Аз емь; Мой друг, так трудно расставаться* (Шест.); *Жена мужа в Париж провожала* (Шукш.-2). В плане соотношения заглавия и текста также возможны различные разновидности: от заголовка-сообщения о содержании произведения до заголовка-загадки.

Широко известна трудность выбора заголовка как следствие осознания писателем его текстовой значимости (популярная книж-

ка о заглавиях З. Д. Блисковского называется «Муки заголовка»). В поисках наилучшего варианта автор художественного текста заботится о семантической емкости заглавия, а также о его нестандартности, неповторимости.

Композиционная рамка художественного текста — зачин (экспозиция) и концовка (финал) — также тяготеет к нестандартности, но определенные стереотипы, жанровые и общестилевые, здесь, конечно, накоплены.

Главная закономерность общестилевого типа заключается в том, что выделение названных композиционных блоков (заголовков, зачин, концовка) и связь их с основной частью художественного произведения основывается на иных полевых категориях, нежели в других функциональных стилях, или же на иной организации общих для стилей полевых категорий. Аргументируем высказанное положение, сравнивая художественный стиль с научным.

В научном тексте связь вступления и основной части организована на объективно-логическом основании, т. е. по линии темы текста. Художественный текст, конечно, не лишен этого типа связи, но главная линия здесь не логическая, а психологическая — через категорию тональности. Особую роль при этом играет абсолютное начало зачина (в его связи с предтекстом — заглавием и целым текстом). Приведем несколько примеров, содержащих две начальные фразы текста, и обратим внимание на их прагматическое содержание.

1. *Жена называла его Чудик. Иногда ласково* (Шукш.-2 — «Чудик»).

Здесь наблюдается прагматическая насыщенность комплекса «заголовок — абсолютное начало зачина»: из семи лексических единиц (включая заглавие) три — тонально окрашенные; использована парцелляция и с ее помощью — антитеза с имплицитной первой частью (*иногда ласково* — значит 'обычно — неласково'), выделенность приведенного текста в отдельный абзац. Зачин содержит информацию о необычности и противоречивости предстоящей истории. В тексте ожидания оправдываются.

2. *Бежали из лесу избы, выбежали на берег, некуда дальше бежать, остановились испуганные, сбились в кучу, глядят завороженно на море... Тесно стоит деревня!* (Каз. — «Никишкины тайны»).

Отметим прагматическую емкость зачина: изобразительность (использование конкретно-предметных существительных, конкретных глаголов движения), нейтральные слова с эмоциональной языковой коннотацией *тайна, испуганные*; развернутую метафору и в ней прием глагольного речеведения, эпитет *завороженно*, перечислительный ряд с бессоюзием; неоднократную инверсию. На указанной синтаксической и лексической основе базируется интонация неторопливости, раздумчивости, подчеркнутая отточи́ем в конце

первого предложения; прагматической насыщенности способствует интонационный контраст первого и второго предложения при сохранении синтаксической общности — приема инверсии. Контраст обеспечен собственно интонационно и различием длины предложений. Зачин содержит информацию о лиричности и фольклоризированном мироощущении.

В тексте ожидания оправдываются: раскрытие конкретной ситуации (поездка Никишки к отцу на тоню: двадцать верст на коне берегом моря, горами и лесом) связано с использованием заданных в зачине художественных приемов, особенно инверсии подлежащего и сказуемого, см. абзацные зачины в основной части рассказа: *выходит Никишка, смотрит Никишка, весело Никишке, подъезжает ближе Никишка, увидел Никишку отец* и т. д. Этот прием, а также фольклорные мотивы (поездка на коне через леса и горы; мать, провожающая сына в путь-дорогу; чудовище с огненными глазами (собака) и другие опасности) и лексикон (*ехал-ехал, избушка; ни спит, ни дремлет; конь явится, заветное слово* и др.) делают текст монолитным в плане тональности и стилевой манеры.

3. — *Не приезжай завтра, — сказала она, хотя у них была твердая договоренность о его приезде.*

— *Почему? — спросил он с поднимающимся раздражением, что случилось с ним в последнее время* (Шест. — «Мой друг, так трудно расставаться»).

Прагматическая сила зачина обеспечена прямым обращением в заголовке-цитате, диалогизацией, именем отрицательной эмоции *раздражение*, словами с эмоциональной языковой коннотацией *друг, трудно, расставаться*; отражением житейского противоречия: договоренность — ее нарушение. Так передается информация об эмоциональном напряжении, психологических трудностях героев. В тексте ожидания оправдываются, напряжение усиливается.

Сказанному не противоречит известный художественному тексту эффект обманутого ожидания, он лишь подтверждает общее правило тональностной, психологической связи зачина и основной части художественного текста.

Иначе, чем в других стилях, организована связь рассмотренных частей текста и относительно локальности/темпоральности. В научной речи показатели данных категорий носят вспомогательный характер и относятся к объективному времени. Их второстепенная роль подчеркивается выведением в «затекст» с помощью скобок, сносок, отсылок. В художественном тексте категория времени реализуется в особой его разновидности — художественном времени, роль которой во всех частях текста — сущностная, как содержательно, так и структурно.

Следует обратить внимание также на линию абстрактности/конкретности изложения. В научном тексте и введении, и основная часть сохраняют свойства абстрактной подачи, в художественном — свойства конкретности.

Таким образом, характер связи вводного композиционного блока с основным корпусом текста в художественном стиле существенно различается с научным. Подобным же образом можно провести сопоставление с другими стилями. «Список различий» будет иным, степень несходства разной, но выдвинутый тезис об особом характере связи заголовка и рамки художественного текста с его основным массивом остается достоверным.

Концовка художественного текста коррелирует с зачином и основным текстом сходным образом. Корреляция не означает повторения, сохранения заданной в заголовке и экспозиции тональности (текстовым смыслом свойственна динамика), речь идет лишь о сохранении самого эмоционального напряжения и способности художественного произведения приходить (на основе авторской точки зрения) к некоей эмоциональной доминанте.

Своеобразие художественной разновидности финальных блоков состоит в утрате конкретности. Здесь не часто встречаются обязательные для научного текста обобщения, хотя такое решение не исключено, см., например, финал рассказа «Мать» О. Шестинского:

Дед долго стоял посреди дороги, пока не скрылась лошадь за уступом скалы, и Володя все время махал ему рукой. И мальчик ясно осознал, что этот край с его орлами, лошадьми, седыми аксакалами и звонкими домбрами становится частью его судьбы (лексические показатели обобщения выделены, к ним следует добавить грамматические и стилистические: использование множественного числа имен существительных с конкретным значением, перечислительный ряд на бессоюзной основе с союзом *и* как знаком завершения перечисления).

Но даже здесь обобщение, во-первых, «поставлено на факт» (см. первое предложение), а во-вторых, носит психологический характер. В большинстве же случаев жанр рассказа связан с открытыми концовками. Сюжет не закругляется, а прерывается, чтобы быть продолженным в бесконечном сюжете той, реальной жизни, о которой повествует писатель (завершение того же типа, что и в разговорном стиле при повседневном «языковом существовании»). Такие концовки очень характерны для творческой манеры В. Шукшина, см. заключительные фразы некоторых его рассказов: *Митька ушел* («Митька Ермаков»); *Мотоцикл вырулил из деревни, воткнул в ночь сверкающее лезвие света и помчался... в сторону райцентра. Шурыгин уважал быструю езду* («Крепкий мужик»); *И пошел к столу. Он снова наладился на тот тон, с каким приехал вчера*.

(«Свояк Сергей Сергеевич»); *И тоже пошел. В магазин. Сигарет купить. У него сигареты кончились* («Генерал Малафейкин»). Обращает на себя внимание употребительность глаголов движения в концовках подобного типа (ср. завершение разговорного текста: *Ну, я пошел*). Разумеется, возможны и другие варианты текстового исхода (см.: Реформатский, 1983, с. 563).

В целом характер и соотношение композиционных блоков, как и все в художественном тексте, подчинено эстетической задаче и психологическому замыслу автора.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Сравнение рассмотренных категорий в текстах различных функциональных стилей показывает, что каждая из них реализуется в определенной функционально-стилевой модификации, т. е. обладает особенностями строения, языковых средств выражения, текстовых функций, размещения на пространстве текста в зависимости от требований функционального стиля. При сохранении основной текстовой функции, некоторые категории могут приобретать дополнительные функции, определяемые стилиевой и жанровой спецификой.

Тематическая цепочка текста варьируется по выбору основной номинации темы и количеству ее текстовых повторений, богатству или бедности лексического состава, комбинаторике составляющих и плотности цепочки, распределению ее относительно композиционных частей текста. Можно установить определенную связь функционального стиля и лексико-стилистического типа основной номинации тематической цепочки.

Цепочка хода мысли лишь в научном стиле получает эксплицитное вербальное выражение, имеющее разработанную лингвистическую технику. В других стилях либо преимущество отдается внешнелингвистическим способам (официально-деловой стиль), либо специальные средства связи информационных фрагментов текста используются наряду с неспециальными и характеризуются отталкиванием от принятых в научном стиле (например, связки книжной стилистической окраски в разговорной речи редки, хотя книжная полнозначная лексика в них вполне употребительна). Универсальных, межстилевых средств логической связи очень мало.

Тональность и оценочность текста создают его прагматическое (эмоционально-экспрессивно-оценочное) поле. Ни один стиль не чужд явлению тональной окрашенности, хотя следует помнить и об актуальности частного понятия нулевой (нейтральной) тональности. Различные стили отличаются друг от друга непосредственным или

опосредованным (логизированным) характером тональности и соответственно — набором языковых средств текстового ядра и периферии, а также степенью структурного сходства текстового поля тональности с языковыми.

Интеллектуальная оценка находит свое выражение во всех стилях, но характеризуется разными сферами приложения. Наиболее значима эта категория для текста в целом в публицистическом и официально-деловом стилях, немыслимых без открытых оценок. В научной, разговорной, художественной речи интеллектуальные оценки не выводятся на общетекстовый уровень, являясь «средством ближнего действия», связанным с конкретными фрагментами текста.

Поле времени имеет наиболее общий, интегрирующий все стили характер. В каждом из них можно выделять объективное время (время отраженной реальности) и грамматическое время. Однако текстовая нагруженность и способы языкового выражения данных понятий разводят функциональные стили. Объективное время по-разному видоизменяется под влиянием перцептуального; в ситуации наибольшего влияния наряду с воздействием особой, эстетической функции возникает своеобразный сплав, свойственный только литературному произведению, — художественное время. Особенности использования концептуального времени также различают функциональные стили. Роль грамматического времени выделяет разговорный стиль — только в нем данная частная категория семантизована. Другие стили характеризуются реляционным значением грамматического времени.

Локальное поле текста изоморфно темпоральному во всех функциональных стилях. Стили отличаются друг от друга функциями данных категорий. В научной речи локальная и темпоральная привязка факта носит вспомогательный, служебный характер; в художественном, публицистическом, разговорном стилях это важные категории, обладающие содержательной и композиционной ролью.

Рассмотренные элементы композиции (заголовок, зачин, концовка) в рамках каждого стиля характеризуются разной степенью выделенности, а также информативного взаимодействия друг с другом и с целым текстом. Научный и художественный стили являются в этом отношении антиподами: первый характеризуется связью объективно-логического характера, второй — доминированием связи субъективно-логического плана. Стили могут различаться и самим наличием/отсутствием композиционной части (разговорная речь в виде текста не озаглавляется, для официально-деловой речи не характерны концовки как композиционная часть текста).

Совокупность рассмотренных категорий в их функционально-стилевом варьировании позволяет сделать вывод о том, что функционально-стилевая специфика распространяется не только на собственно языковые (уровневые) составляющие текста, но и на свой-

ства текста как «совершённой речи» — целостного и отдельного речевого произведения. Для каждой из текстовых категорий характерна типовая реализация в рамках определенного функционального стиля, отличная от других функциональных вариантов этой категории. Данная типовая реализация может быть признана функционально-стилевой нормой текста, императивной или рекомендательной в пределах одного стиля и диспозитивной по отношению к аналогичному явлению в других стилях.

Текстовая норма формируется за счет списка составляющих ее типов языковых единиц с учетом их текстовой значимости, а также синтагматики этих единиц и расположения их на пространстве текста. Вариативность и подвижность текстовой нормы остается в границах, не нарушающих ее устойчивости и регулярности. «Обманчивая свобода речевого акта» (Л. Гинзбург) опирается на достаточно жесткий каркас функционально-стилистических закономерностей.

ЛИТЕРАТУРА

- Акишина А. А-Структура целого текста: В 2 ч. М., 1979. Ч. 1. 89 с.; Ч. 2. 81 с.
- Арутюнова Н. Д. Предложение и его смысл. М., 1976. 383 с.
- Арутюнова Н. Д. Фактор адресата // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1981. Т. 40, № 4. С. 356—367.
- Аспекты общей и частной лингвистической теории текста. М., 1982. 192 с.
- Бабенко Л. Г. Лексические средства обозначения эмоций в русском языке. Свердловск, 1989. 160 с.
- Баженова Е. А. Выражение преемственности и формирования знания в смысловой структуре русских научных текстов: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Воронеж, 1987. 20 с.
- Балли Ш. Французская стилистика. М., 1961. 394 с.
- Барлас Л. Г. Специфика художественно-речевой семантики и особенности ее анализа // Основные понятия и категории лингвистики. Пермь, 1982. С. 115—121.
- Барлас Л. Г. Текстовый аспект функционально-стилевой характеристики языка художественной литературы // Функциональная стилистика: Теория стилей и их реализация. Пермь, 1986. С. 135—141.
- Барт Р. Текстовый анализ // Новое в зарубежной лингвистике. М., 1980. С. 307—312.
- Барыкина А. Н., Бурмистрова В. П., Добровольская В. В. Пособие по развитию навыков письменной речи. М., 1978. 190 с.
- Баталова Т. М. Типология семантических связей в художественном произведении // Основные понятия и категории лингвистической стилистики. Пермь, 1982. С. 108—113.
- Бахтин М. М. Вопросы литературы и эстетики. М., 1975. 502 с.
- Бахтин М. М. Проблема речевых жанров // Эстетика словесного творчества. М., 1979. 423 с.
- Блисковский Э. Д. Муки заголовка. М., 1981. 111 с.
- Бондарко А. В. Система времен русского глагола: (в связи с проблемой функционально-семантических и грамматических категорий): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1968. 28 с.
- Бондарко А. В. Теория морфологических категорий. Л., 1976. 255 с.
- Бюлер К. Теория языка // Звегинцев В. А. История языкознания XIX—XX вв. в очерках и извлечениях: В 2 ч. М., 1965. Ч. 2. С. 22—37.
- Вакуров В. Н., Кохтев Н. Н., Солганик Г. Я. Стилистика газетных жанров. М., 1978. 183 с.
- Ванников Ю. В. К обоснованию общей типологии текстов, функционирующих в сфере научно-технического перевода // Текст как объект лингвистического анализа и перевода. М., 1984. С. 15—26.
- Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: Общие понятия стилистики. Разговорно-обиходный стиль речи. М., 1976. 240 с.
- Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка: научный стиль речи. М., 1976. 189 с.

- Васильева А. Н. Практическая стилистика русского языка: Для иностр. студ.-филологов ст. курсов. М., 1981. 190 с.
- Васильева А. Н. Курс лекций по стилистике русского языка для филологов. М., 1982а. 198 с.
- Васильева А. Н. Уровни стилистической абстракции и основные уровневые разделы функциональной стилистики // Основные понятия и категории лингвистилистики. Пермь, 1982б. С. 34—42.
- Васильева А. Н. О целостном комплексе стилопределяющих факторов на уровне макростилей // Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986. С. 3—12.
- Виноградов В. В. Стилистика. Теория поэтической речи. Поэтика. М., 1963. 255 с.
- Виноградов В. В. О теории художественной речи. М., 1971. 240 с.
- Виноградов В. В. О языке художественной прозы. М., 1980. 360 с.
- Виноградов В. В. Проблемы русской стилистики. М., 1981. 320 с.
- Вит Н. П. Лексические средства выражения авторской и персонажной точки зрения в новеллистике Фланнери О'Коннор // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984. С. 109—115.
- Гак В. Г. Повторная номинация и ее стилистическое использование // Вопросы французской филологии. М., 1972. С. 123—136.
- Гак В. Г. О семантической организации текста // Лингвистика текста: Материалы науч. конф.: В 2 ч. М., 1974. Ч. 1. С. 61—66.
- Гак В. Г. К типологии лингвистических номинаций // Языковая номинация: Общие вопросы. М., 1977. С. 230—293.
- Гальперин И. Р. Текст как объект лингвистического исследования. М., 1981. 139 с.
- Гальперин И. Р. Сменность контекстно-вариативных форм членения текста // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 18—29. (Виноград. чтения, XI).
- Гиндин С. И. Советская лингвистика текста: Некоторые проблемы и результаты (1948—1975) // Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1977. Т. 36, № 4. С. 348—361.
- Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977. 443 с.
- Глушак Т. С., Семенова С. К. К проблеме обоснования статуса функционально-семантических категорий в языке // Вопр. языкознания, 1980. № 2. С. 73—79.
- Гореликова М. И., Магомедова Д. М. Лингвистический анализ художественного текста. М., 1989. 152 с.
- Гришина О. Н. Проблемы контекстно-вариативного членения текста в стиле языка художественной и научной прозы // Функциональные стили и преподавание иностранных языков. М., 1982. С. 52—68.
- Данилова Н. К. Пространственная координация художественного текста // Коммуникативно-функциональное исследование языковых явлений. Куйбышев, 1983. С. 73—79.
- Дешериева Т. И. Лингвистический аспект категории времени в его отношении к физическому и философскому аспектам // Вопр. языкознания. 1975. № 2. С. 111—117.
- Доблаев Л. П. Логико-психологический анализ текста. Саратов, 1969. 171 с.
- Дридзе Т. М. Текст как иерархия коммуникативных программ: (информативно-целевой подход) // Смысловое восприятие речевого сообщения. М., 1976. С. 48—57.
- Дридзе Т. М. Язык и социальная психология. М., 1980. 224 с.
- Ейгер Г. В., Юхт В. Л. К построению типологии текстов // Лингвистика текста: Материалы науч. конф.: В 2 ч. М., 1974. Ч. 1. С. 103—109.
- Жинкин Н. И. Развитие письменной речи учащихся III—VII классов // Изв. АПН РСФСР. 1956. Вып. 78.
- Жинкин Н. И. Речь как проводник информации. М., 1982. 159 с.
- Земская Е. А. Городская устная речь и задачи ее изучения // Разновидности городской устной речи. М., 1988а. С. 5—44.
- Земская Е. А. Политематичность как характерное свойство непринужденного раз-

- говора // Разновидности городской устной речи. М., 1988б. С. 234—240.
- Земская Е. А., Китайгородская М. В., Ширяев Е. Н.* Русская разговорная речь: Общие вопросы. Словообразование. Синтаксис. М., 1981. 276 с.
- Ибрагимов В. Л.* Отражение в языке категории пространства // Исследования по семантике. Уфа, 1986. С. 18—26.
- Ивин А. А.* Основания логики оценок. М., 1970. 230 с.
- Капанадзе Л. А.* О жанрах неофициальной речи // Разновидности городской устной речи. М., 1988. С. 230—234.
- Каримова Р. А.* Темпоральная организация законченного текста // Проблемы сверхфразовых единств. Просодия и интонация. Уфа, 1985. С. 116—121.
- Касарес Х.* Введение в современную лексикографию. М., 1958. 371 с.
- Клинг В. И.* Композиционно-тематический аспект обзорной статьи // Текст в функционально-стилевом аспекте // Науч. тр. МГИИЯ им. М. Тореза. 1988. Вып. 309. С. 66—74.
- Ковтунова И. И.* Структура художественного текста и новая информация // Синтаксис текста. М., 1979. С. 262—275.
- Кожин А. Н., Крылова О. А., Одинцов В. В.* Функциональные типы русской речи. М., 1982. 223 с.
- Кожина М. Н.* О понятии стиля и месте языка художественной литературы среди функциональных стилей. Пермь, 1962. 62 с.
- Кожина М. Н.* О специфике художественной и научной речи в аспекте функциональной стилистики. Пермь, 1966. 213 с.
- Кожина М. Н.* К основаниям функциональной стилистики. Пермь, 1968. 251 с.
- Кожина М. Н.* Об отношении стилистики и лингвистики текста // Функциональный стиль научной прозы. М., 1980. С. 3—17.
- Кожина М. Н.* Язык и стиль в функциональном аспекте: К определению предмета и структуры стилистики // Основные понятия и категории лингвистилистики. Пермь, 1982. С. 15—34.
- Кожина М. Н.* Стилистика русского языка. М., 1983. 223 с.
- Кожина М. Н.* О соотношении стилей языка и стилей речи с позиций языка как функционирующей системы // Принципы функционирования языка в его речевых разновидностях. Пермь, 1984. С. 3—18.
- Кожина М. Н.* Стилистика текста в аспекте коммуникативной теории языка // Стилистика текста в коммуникативном аспекте. Пермь, 1987а. С. 4—23.
- Кожина М. Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях текста // Филол. науки. 1987б. № 2. С. 35—41.
- Кожина М. Н.* О функциональных семантико-стилистических категориях в аспекте коммуникативной теории языка // Разновидности и жанры научной прозы: Лингвистилистические особенности. М., 1989. С. 3—27.
- Кошманский Г. В.* О смысловой структуре текста // Лингвистика текста; Материалы науч. конф.: В 2 ч. М., 1974. Ч. 1. С. 139—142.
- Кондаков Н. И.* Введение в логику. М., 1967. 466 с.
- Коробова Л. А.* Заглавие как компонент текста: (На материале газет. публицистики ГДР): Дис. ... канд. филол. наук. М., 1982. 202 с.
- Костомаров В. Г.* Русский язык на газетной полосе. М., 1971. 267 с.
- Котюрова М. П.* О связи предложений и абзацев в научной речи // Лингвистилистические исследования научной речи. М., 1979. С. 176—189.
- Котюрова М. П.* Об экстралингвистических основаниях смысловой структуры научного текста: (Функционально-стилистический аспект). Красноярск, 1988. 170 с.
- Купина Н. А.* Смысл художественного текста и аспекты лингвосмыслового анализа. Красноярск, 1983. 160 с.
- Лазарева Э. А.* Заголовок в газете. Свердловск, 1989. 90 с.
- Лапп Л. М.* Интерпретация научного текста в аспекте фактора «субъект речи»: (На материале анализа рус. науч. лит.): Автореферат канд. филол. наук. Воронеж, 1988а. 16 с.
- Лапп Л. М.* Об эмоциональности научного текста // Функциональные разновидности

- речи в коммуникативном аспекте. Пермь, 19886. С. 92—97.
- Лаптева О. А. О языковых основаниях выделения и разграничения разновидностей современного русского литературного языка // *Вопр. языкознания*. 1984. № 6. С. 54—68.
- Лейкина Б. М., Откупщикова М. И., Никитина Т. Н. Элементы базового представления внутренней структуры (коннекторы) // *Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности*. Л., 1976. Вып. 3. С. 13—19.
- Леонтьев А. А. Высказывание как предмет лингвистики, психолингвистики и теории коммуникации // *Синтаксис текста*. М., 1979. С. 18—36.
- Лившин Я. Л., Филиппов Н. Г. Делопроизводство и техническая документация. М., 1981. 144 с.
- Лосева Л. М. Как строится текст. М., 1980. 96 с.
- Лотман Ю. М. Структура художественного текста. М., 1970. 384 с.
- Лукьянова Н. А. Экспрессивная лексика разговорного употребления. Новосибирск, 1986. 230 с.
- Ляпон М. В. К вопросу о языковой специфике модальности // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* 1971. Т. 30, № 3. С. 230—239.
- Ляховицер М. М. Основные аспекты анализа индивидуально-авторского стиля в научном тексте: (На материале англ. яз.) // *Филол. науки*. 1989. № 1. С. 51—57.
- Мандаринова Л. М. Очерки по практической стилистике: Для студ.-журналистов. Свердловск, 1986. 184 с.
- Майдинова Л. М. Структура и композиция газетного текста: Красноярск, 1987. 180 с.
- Малов В. В. Связочные средства сцепления самостоятельных предложений: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1970. 210 с.
- Мамалыга А. И. Структура газетного текста. Киев, 1983. 137 с.
- Матвеева Т. В. Повторная глагольная номинация в разговорной речи и лексикосемантические группы глаголов // *Классы глаголов в функциональном аспекте*. Свердловск, 1986. С. 88—97.
- Метс Н. А., Митрофанова О. Д., Одицова Т. Б. Структура научного текста и обучение монологической речи. М., 1981. 144 с.
- Москальская О. И. Грамматика текста. М., 1981. 183 с.
- Мостепаненко А. М. Проблема универсальности основных свойств пространства и времени. Л., 1969. 229 с.
- Мурзин Л. Н., Литвинова М. Н. Текст художественного произведения: К проблеме специфики // *Функциональные разновидности речи в коммуникативном аспекте*. Пермь, 1988. С. 122—128.
- Наер В. Л. О текстовых параметрах функционального стиля: К постановке проблемы // *Текст в функционально-стилевом аспекте*. М., 1988. С. 4—9.
- Николаева Т. М. Лингвистика текста: Современное состояние и перспективы // *Новое в зарубежной лингвистике*. М., 1978. Вып. 8. С. 5—42.
- Новиков А. И. Семантика текста и ее формализация. М., 1983. 215 с.
- Общение. Текст. Высказывание. М., 1989. 175 с.
- Одинцов В. В. Стилистика текста. М., 1980. С. 263 с.
- Откупщикова М. Н. Некоторые закономерности распознавания связного текста // *Лингвистические проблемы функционального моделирования речевой деятельности*. Л., 1982. Вып. 5. С. 21—41.
- Откупщикова М. И. Синтаксис связного текста: (Структурная лингвистическая модель): Автореф. дис. ... д-ра филол. наук. Л., 1987. 33 с.
- Пешковский А. М. Русский синтаксис в научном освещении. М., 1956. 511 с.
- Потёба А. А. Эстетика и поэтика. М., 1976. 614 с.
- Почепцов Г. Г. (мл.) Язык и коммуникация: (некоторые понятия) // *Текст как психолингвистическая реальность*. Л., 1982. С. 3—7.
- Разинкина Н. М. Сопоставление функционально-речевых систем как один из приемов изучения стиля научной прозы // *Исследования по стилистике*. Пермь, 1974.

- Разинкина Н. М. Об устойчивости функционального стиля // *Вопр. языкознания*. 1986. № 4. С. 114—119.
- Реферовская Е. А. Лингвистические исследования структуры текста. Л., 1983. 215 с.
- Реформатский А. А. Опыт анализа повелительной композиции // *Семиотика*. М., 1983. С. 557—565.
- Ризель Э. Г. Текст как целостная структура в аспекте лингвистистики // *Лингвистика текста: Материалы науч. конф.: В 2 ч.* М., 1974. Ч. 2. С. 35—39.
- Ризун В. В. О теме текста и тематической группе слов: Теоретический аспект // *Язык и композиция газетного текста: Теория и практика*. Свердловск, 1987. С. 32—37.
- Рождественский Ю. В. Введение в общую филологию. М., 1979а. 224 с.
- Рождественский Ю. В. Проблематика современной теории текста в книге В. В. Виноградова «О художественной прозе» // *Синтаксис текста*. М., 1979б. С. 5—17.
- Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978. С. 3-27.
- Севбо И. Б. Структура связного текста и автоматизация реферирования. М., 1969. 135 с.
- Сидоров Е. В. О системности текстовой семантики // *Текст и культура: Общие и частные проблемы*. М., 1985. С. 174—180.
- Сидоров Е. В. Коммуникативный принцип исследования текста // *Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз.* Т. 45, № 5. 1986. С. 425—432.
- Сиротинина О. Б. Современная разговорная речь и ее особенности. М., 1974. 144 с.
- Сиротинина О. Б. Стилистика как наука о функционировании языка // *Основные понятия и категории лингвистистики*. Пермь, 1982. С. 11—14.
- Скребнев Ю. М. Введение в коллоквиалистику. Саратов, 1985. 209 с.
- Славгородский Л. В. О логической связности научного сообщения // *Язык и стиль научного изложения*. М., 1983. С. 34—35.
- Сметанина С. И. Функционально-типологический анализ способов наименования лиц и фактов в структуре публицистического текста: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. Л., 1982. 16 с.
- Смысловое восприятие речевого сообщения: (в условиях массовой коммуникации). М., 1976. 263 с.
- Солганик Г. Я. К проблеме модальности текста // *Русский язык: Функционирование грамматических категорий. Текст и контекст*. М., 1984. С. 173—186.
- Солганик Г. Я. О поэтике публицистики // *Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация*. Пермь, 1986. С. 128—134.
- Сорокин Ю. А., Тарасов Е. Ф., Шахнарович А. М. Теоретические и прикладные проблемы общения. М., 1979. 327 с.
- Стам И. С. Экспрессивность газетного заголовка и его взаимодействие с текстом: Автореф. ... канд. филол. наук. М., 1982. 22 с.
- Степанов Г. В. Цельность художественного образа и лингвистическое единство текста // *Лингвистика текста: Материалы науч. конф.: В 2 ч.* М., 1974. Ч. 2. С. 72—76.
- Степанов Г. В. Язык. Литература. Поэтика. М., 1988. 382 с.
- Степанов Ю. С. Основы общего языкознания. М., 1975. 271 с.
- Стриженко А. А., Кручинина Л. И. Об особенностях организации текстов, относящихся к разным функциональным стилям. Иркутск, 1985. 176 с.
- Текст в функционально-стилевом аспекте. М., 1988. 172 с.
- Телия В. Н. Коннотативный аспект семантики номинативных единиц. М., 1986. 142 с.
- Томашевский Б. В. Стилистика. Л., 1983. 288 с.
- Топоров В. Н. Пространство и текст // *Текст: семантика и структура*. М., 1983. С. 227—284.
- Тункель В. Д. К вопросу об устной передаче речевого сообщения: Дис. ... канд. филол. наук. М., 1964.
- Тураева З. Я. Опыт построения структурной модели микросистемы времени, вида и

- временной отнесенности английского глагола // Лингвистика текста: Материалы науч. конф.: В 2 ч. М., 1974. Ч. 1. С. 158—163.
- Тураева З. Я. Категория времени: время грамматическое и время художественное. М., 1979. 219 с.
- Тураева З. Я. Лингвистика текста. М., 1986. 126 с.
- Тынянов Ю. Н. Проблемы стихотворного языка. М., 1965. 301 с.
- Успенский Б. А. Поэтика композиции. М., 1970. 255 с.
- Чаковская М. С. Текст как сообщение и воздействие: (На материале англ. яз.) М., 1986. 128 с.
- Черемисина Н. В. Вопросы эстетики русской художественной речи. Киев, 1981. 240 с.
- Чернухина И. Я. Очерк стилистики художественного прозаического текста: факторы текстообразования. Воронеж, 1977. 207 с.
- Чернухина И. Я. Элементы организации художественного прозаического текста. Воронеж, 1984. 115 с.
- Чернухина И. Я. Общие особенности поэтического текста. Воронеж, 1987. 158 с.
- Ширяев Е. Н. Структура разговорного повествования // Русский язык: Текст как целое и компоненты текста. М., 1982. С. 106—121.
- Шкловский В. Художественная проза: размышления и разборы. М., 1959. 628 с.
- Шмелев Д. Н. Русский язык в его функциональных разновидностях. М., 1977. 167 с.
- Щерба Л. В. Опыты лингвистического толкования стихотворений, 1. «Воспоминание» Пушкина // Рус. речь. Пг., 1923. С. 13—156.
- Шорс Т. А. Структурные и лингвистические параметры текстообразования: Автореф. дис. ... канд. филол. наук. М., 1983. 25 с.
- Шур Г. С. Теории поля в лингвистике. М., 1974. 255 с.
- Якобсон Р. Лингвистика и поэтика // Структурализм: «за» и «против». М., 1975. С. 193—230.

СПИСОК ТЕКСТОВ С ПРИНЯТЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ

Научный стиль

- ВЯ — Вопр. языкознания. 1988. № 1.
 Изв. — Изв. АН СССР. Сер. лит. и яз. 1986. Т. 45, № 5.
 МР — Методы расчета энергетической структуры и физических свойств кристаллов: Материалы II Всесоюз. конф. Киев, 1982.
 РП — Религиозные представления и обряды народов Сибири. Л., 1971.
 ФН-2 — Филол. науки. 1987. № 2.
 ФН-3 — Филол. науки. 1987. № 3.
 ФС — Функциональная стилистика: Теория стилей и их языковая реализация. Пермь, 1986.

Официально-деловой стиль

- Зак. — Законодательство о капитальном строительстве. М., 1977. Вып. 1. 694 с.
 ЗКП — Законодательство о коренной перестройке управления экономикой. М., 1988. 271 с.
 СБД — Стандарты по библиотечному делу и библиографии. М., 1985. 279 с.
 СЗ — Обновленный материал «Свода законов СССР» к томам 5, 7, 8, 9, 10 (на 1 июля 1987 г.). М., 1987. 584 с.

Публицистический стиль

- АР — Андрей Рублев // Календарь, 1985. М., 1985.
 Арб. — Арбатов Г. Прорыв к истине // Моск. новости. 1987. 4 окт.
 ВЭ — Введено эмбарго // Правда. 1987. 1 окт.
 Ган. — Ганина М. Игры в «голого короля» // Лит. газ. 1986. 15 янв.
 Гонт. — Гонтарев Б. Потеснит ли Гендель сопромат? // Сов. культура. 1986. 28 янв.
 Гур. — Гурченко Л. Импровизация в миноре // Огонек. 1989. № 14.
 Дм. — Дмитриев Ю. Ракеты уходят в отставку // Голос родины. 1988. № 10.
 Елиз. — Елизаров В. На ринг вызываются... // Голос родины. 1988. № 11.
 Жух. — Жуховицкий Л. Нужны ли гарантии // Юность. 1987. № 10.
 Каб. — Кабалевский Д. Сила музыки // Пионер. правда. 1979. 25 дек.
 Кис. — Киселев С. Шторм-2 // Лит. газ. 1989. 10 мая.
 Кост. — Костиков В. Блеск и нищета номенклатуры // Огонек. 1989. № 1.
 КР — Кубик Рубика // Календарь, 1985. М., 1985.
 Лих. — Лихачев Д. С. Письма о добром и прекрасном. М., 1988. 237 с.
 МПД — Мост, построенный дважды // Календарь, 1985. М., 1985.
 НО — Не обошлось без инцидентов // Комс. правда, 1989. 3 мая.

- НР — Надежный работник // Календарь, 1985. М., 1985.
 Парх. — Пархоменко С. Новогодний лабиринт // Правда. 1983. 28 дек.
 Песк. — Песков В. Жестокость // Комс. правда. 1984. 15 сент.
 Поп. — Попков Н. Оправдательный приговор // Лит. газ., 1987. 7 окт.
 СА — Сообщаем адрес // Правда. 1987. 2 окт.
 Рош. — Рошаль А. Королевская оппозиция // Сов. спорт. 1987. 11 окт.
 Смир. — Смирных А. В лесу, как дома // Урал. рабочий. 1984. 12 июня.
 ФФ — Фестиваль фольклора // Правда. 1987. 1 окт.
 Чер. — Чертков В. Дети Акаюэмы // Правда. 1987. 12 окт.
 Шал. — Шальнев А. ООН: действовать друг с другом // Известия. 1987. 8 окт.
 Шукш.-1 — Шукшин В. М. Нравственность есть правда. М., 1979. 352 с.
 Щерб. — Щербаков А. «Машине» — время // Огонек. 1987. № 18.

Разговорный стиль

- РРТ — Русская разговорная речь: Тексты. М., 1978. С. 28—299.
 РТ — Разговорные тексты из текстотеки кафедры современного русского языка Уральского университета

Литературно-художественный стиль

- Аст. — Астафьев В. Зрячий посох. М., 1988. 589 с.
 Драг. — Драгунский В. Тайное становится явным. М., 1984. 173 с.
 Каз. — Казаков Ю. Осень в дубовых лесах. М., 1983. 575 с.
 Наг. — Нагибин Ю. Рассказы. М., 1955. 328 с.
 Шест. — Шестинский О. Блокадные новеллы. М., 1983. 319 с.
 Шукш.-2 — Шукшин В. Штрихи к портрету. Барнаул. 1983. 489 с.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ	3
1. ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ И ТЕКСТОВЫЕ КАТЕГОРИИ	5
1.1. Функциональная стилистика и лингвистика текста	5
1.2. Текст и текстовая категория. Типы текстовых категорий	11
1.3. Состав и общая характеристика текстовых категорий ...	21
2. ТЕКСТОВЫЕ ХАРАКТЕРИСТИКИ ФУНКЦИОНАЛЬНЫХ СТИЛЕЙ РЕЧИ	35
2.1. Научный стиль	35
2.2. Официально-деловой стиль	62
2.3. Публицистический стиль	84
2.4. Разговорный стиль	112
2.5. Литературно-художественный стиль	133
ЗАКЛЮЧЕНИЕ	159
ЛИТЕРАТУРА	162
СПИСОК ТЕКСТОВ С ПРИНЯТЫМИ СОКРАЩЕНИЯМИ ..	168

Научное издание

Матвеева Тамара Вячеславовна

**ФУНКЦИОНАЛЬНЫЕ СТИЛИ В АСПЕКТЕ
ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ**

Технический редактор *А. И. Долженко*
Корректор *Т. А. Мурычева*

ИБ № 468.

Сдано в набор 18.05.90. Подписано в печать 22.10.90.
Формат 60×84¹/₁₆. Бумага типографская № 2. Гарнитура Литературная.
Печать офсетная. Усл. печ. л. 10,00. Усл. кр.-отт. 10,23. Уч.-изд. л. 11,5.
Тираж 1150. Заказ 2839. Цена 2 р. 30 к.

Издательство Уральского университета.
620219 Свердловск, ГСП-830, просп. Ленина, 136.
Типография Управления издательств, полиграфии и книжной торговли
г. В. Пышма, Кривоусова, 11